
Федеральное агентство по образованию

Научный журнал
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 3 (95). Октябрь, 2008

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

Н. В. Доршакова, доктор медицинских наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук,
ответственный секретарь журнала

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.

Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.

Тел. (8142) 76-97-11

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

- В. Н. БОЛЬШАКОВ**
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)
- И. П. ДУДАНОВ**
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
доктор филологических наук,
профессор (Москва)
- А. С. ИСАЕВ**
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)
- Н. Н. МЕЛЬНИКОВ**
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)
- В. П. ОРФИНСКИЙ**
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)
- ПААВО ПЕЛКОНЕН**
доктор технических наук,
профессор (г. Йоенсуу, Финляндия)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
- И. В. РОМАНОВСКИЙ**
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
- Е. С. СЕНЯВСКАЯ**
доктор исторических наук, профессор (Москва)
- СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА**
доктор философии,
профессор (г. Оулу, Финляндия)
- Л. Н. ТИМОФЕЕВА**
доктор политических наук, профессор (Москва)
- А. Ф. ТИТОВ**
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
- МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ**
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (г. Белград, Сербия)
- Р. М. ЮСУПОВ**
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

- В. Б. АКУЛОВ**
доктор экономических наук, профессор (Петрозаводск)
- В. А. АЧКАСОВ**
доктор политических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
- Т. А. БАБАКОВА**
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)
- С. Г. ВЕРИГИН**
кандидат исторических наук (Петрозаводск)
- А. В. ВОЛКОВ**
кандидат философских наук (Петрозаводск)
- РИХО ГРЮНТХАЛ**
доктор философии,
профессор (г. Хельсинки, Финляндия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
доктор исторических наук (Петрозаводск)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
доктор филологических наук,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
- Т. Г. МАЛЬЧУКОВА**
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
- В. М. НИЛОВ**
кандидат исторических наук (Петрозаводск)
- А. М. ПАШКОВ**
кандидат исторических наук (Петрозаводск)
- В. М. ПИВОЕВ**
доктор философских наук, профессор (Петрозаводск)
- З. К. ТАРЛАНОВ**
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
- С. Н. ЧЕРНОВ**
доктор юридических наук, профессор (Петрозаводск)
- М. И. ШУМИЛОВ**
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Federal Educational Agency

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 3 (95). October, 2008

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Natalia V. Dorshakova, Doctor of Medical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences,
Executive Secretary

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru
uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)	I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)	I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)
V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)	E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)
A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)	HELENA SULKALA
Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)
N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)	L. TIMOFEEVA
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)
V. ORPHINSKY
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)	A. TITOV
Doctor of Biological sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
PAAVO PELKONEN
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)	M. CHARKICH
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)
	R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series «Social Sciences & Humanities»

V. AKULOV
Doctor of Economic Sciences, Professor (Petrozavodsk)	A. KUNIL'SKII
Doctor of Philological Sciences,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)
V. ACHKASOV
Doctor of Political Sciences,
Professor (St.-Petersburg)	T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)
T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Petrozavodsk)	V. NILOV
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)
S. VERIGIN
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)	A. PASHKOV
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)
A. VOLKOV
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)	V. PIVOEV
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)
R. GRYÜNTAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)	Z. TARLANOV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)	S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)	M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

- Чернов С. Н.*
Правовые способы борьбы с коррупцией
в Российской Федерации7

ИСТОРИЯ

- Такала И. Р.*
Североамериканские финны в восприя-
тии жителей Советской Карелии
в 1930-е годы15

- Линдстрём В.*
«Рай или ад на земле?» Пропагандист-
ская война Советской Карелии 1934–
1935 годов в освещении финской печати
Канады24

- Кивисто П., Ройнила М.*
Реакция на переселение: ответ американ-
ских финнов на «карельскую лихорадку»
.....33

- Ефремкин Е.*
«Карельский проект» или «карельская
лихорадка»?42

- Сарамо С.*
Личные письма североамериканских
финнов как источник изучения жизни
Советской Карелии52

ПЕДАГОГИКА

- Федоров А. М., Федорова Е. Н.*
Ценностно-смысловой подход к подго-
товке будущего учителя60

- Соколова Е. И.*
Компьютерные поддерживающие про-
граммы как инструмент оптимизации
иноязычного обучения64

- Добрынина О. Л.*
Становление иноязычной эколого-ком-
муникативной компетентности студен-
тов университета (результаты опытно-
экспериментальной работы)69

ФИЛОЛОГИЯ

- Виноградова Е. М.*
Пропозициональные структуры выска-
зывания как способ концептуализации
информации74

- Яблоков Е. А.*
Исповедь человека-крысы (Эволюция
героя в рассказе А. Грина «Крысолов»)80

- Мехралиева Г. А.*
Сказки Л. Петрушевской и детский
страшный рассказ87

ЭКОНОМИКА

- Левкин Н. В.*
Организационно-культурные отношения
и их роль в развитии экономических
систем91

РЕЦЕНЗИИ

- Колосова Е. М.*
Рец. на кн.: Илюха О. П. Школа и дет-
ство в карельской деревне в конце XIX –
начале XX века100

- Тарланов З. К.*
Рец. на кн.: Бурмистрович Ю. Я. Важ-
нейшие концепции современной руси-
стики: Учебное пособие. Ломов А. М.
Словарь-справочник по синтаксису со-
временного русского языка103

- Научная информация106
Юбилей110
Информация для авторов112

- Contents113

Редактор Г. А. Мехралиева. Корректор С. Л. Смирнова. Переводчик Е. И. Соколова. Дизайн, верстка И. Г. Лежнев.

Подписано в печать 27.10.2008. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. Изд. № 248

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

УДК 342.98

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЧЕРНОВ

доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой международного и конституционного
права, декан юридического факультета ПетрГУ
schernov@karelia.ru

ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Масштабная коррупция среди руководящих работников высокого уровня в исполнительной, судебной и законодательной ветвях власти может оказывать разрушительное влияние на демократию, принципы верховенства закона и социально-экономическое развитие. Коррупция среди государственных чиновников может препятствовать иностранным инвестициям, сдерживать экономический рост и устойчивое развитие и расшатывать устойчивую правовую и судебную системы.

Ключевые слова: борьба с коррупцией, коррупция, коррупциогенность, коррупционный фактор, коррупционное проявление, коррупциогенность проекта нормативного правового акта

Осенью 2007 года прошло заседание Совета Безопасности, посвященного борьбе с коррупцией. Проект Федерального закона «О борьбе с коррупцией» подготовлен Межведомственной рабочей группой под руководством помощника Президента Российской Федерации В. Иванова.

Межведомственная группа была образована февральским указом Президента «для подготовки предложений по реализации в законодательстве положений Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года» [3]. Одиннадцатого августа Указом Президента РФ деятельность рабочей группы была продлена до 1 июля 2008 года.

В законопроекте предполагается, что назначать руководителя органа по борьбе с коррупцией и утверждать положение о нем будет лично Президент. Фактически кадровое решение

главы государства будет определять политический вес создаваемой структуры. Ведь согласно существующему на данный момент тексту документа, орган по борьбе с коррупцией не будет обладать ключевыми полномочиями, а именно правом заниматься оперативно-розыскной деятельностью.

Как следует из текста законопроекта, специализированный орган получает право осуществлять контроль и координацию деятельности других структур, прежде всего силовых, по противодействию коррупции. Антикоррупционный орган будет управлять расследованием, и силовые структуры будут отчитываться перед ним.

Создаваемая структура получает право направлять материалы в правоохранительные органы в отношении «действия или бездействия» должностных лиц при наличии признаков коррупционных правонарушений. Кроме того, он должен получить право координировать дея-

тельность комиссий при министерствах и ведомствах по проверке требований к государственным служащим. Эти комиссии созданы Указом Президента РФ в марте 2007 года.

В документах и материалах, разработанных Научно-консультационным советом при Генеральной прокуратуре РФ, определены основные понятия, связанные с коррупцией.

Коррупция – неправомерное использование должностным лицом, государственным или муниципальным служащим, руководителем коммерческой или некоммерческой организации своего статуса для незаконного обогащения, незаконного получения различных услуг либо в иных личных интересах.

Коррупциогенность – закрепленный в нормативно-правовом акте (его проекте) механизм правового регулирования, способный вызвать коррупционные действия и (или) решения субъектов правоприменения в процессе реализации ими своих прав и исполнения возложенных на них обязанностей.

Коррупционный фактор – нормативное положение, прямо или косвенно допускающее (провоцирующее) коррупционные проявления субъектов правоприменения при его реализации (исполнении).

Коррупционное проявление – препятствующее осуществлению прав и свобод граждан и организаций решение или действие должностного лица, государственного или муниципального служащего, руководителя коммерческой или иной организации, вызванное наличием коррупционных факторов.

Определение коррупциогенности проекта нормативного правового акта проводится в ходе правовой экспертизы и наряду с анализом содержащихся в ней норм включает оценку целей, задач, предмета правового регулирования, формы (юридического статуса) акта, компетенции принявшего акт органа (должностного лица) под углом зрения выявленных условий для коррупционных действий и решений.

Государство старается изменить и систематизировать работу правоохранительных органов, которые борются с преступностью и коррупцией. В начале августа 2007 года Президент России Владимир Путин подписал Указ «Вопросы Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации».

Согласно тексту указа, он подписан в целях совершенствования государственного управления в сфере исполнения законодательства России об уголовном судопроизводстве, в соответствии со статьей 11 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

В. В. Путин постановил разрешить иметь в Следственном комитете (СК) при прокуратуре РФ 12 заместителей председателя Следственного комитета, в том числе одного первого заместителя и одного заместителя – руководителя военного следственного управления.

Согласно указу, устанавливается общая штатная численность органов прокуратуры РФ в количестве 58521 единицы, в том числе предельная штатная численность системы Следственного комитета в количестве 16656 единиц (без военнослужащих и гражданского персонала военных следственных органов Следственного комитета), включая руководителей следственных органов Следственного комитета в количестве 3500 единиц. Предельная численность военных следственных органов Следственного комитета за счет штатной численности органов военной прокуратуры устанавливается в количестве 2034 единиц.

В соответствии с Указом, до 1 января 2008 года в органах прокуратуры Российской Федерации сохраняется 2420 единиц персонала.

Путин поручил Правительству РФ «обеспечить с 7 сентября 2007 года финансирование расходов на содержание и обеспечение деятельности Следственного комитета и его следственных органов с учетом штатной численности системы Следственного комитета за счет средств, выделенных органам прокуратуры РФ».

Кроме того, правительству поручено до 1 января 2008 года принять решение о наделении Следственного комитета полномочиями главного распорядителя средств федерального бюджета. Правительству также поручено принять решение о сохранении за прокурорскими работниками, назначенными на должности, учреждаемые в системе СК, ранее установленных доплат, надбавок и других выплат, а также иных социальных гарантий, предусмотренных законодательством РФ.

В. В. Путин, кроме того, поручил правительству представить предложения о внесении необходимых изменений в акты Президента РФ и привести свои акты в соответствие с настоящим Указом.

Указ вступает в силу с 7 сентября 2007 года, за исключением подпункта 19 пункта 9 и пункта 15 Положения о Следственном комитете при прокуратуре Российской Федерации, утвержденного настоящим Указом, которые вступают в силу с 1 января 2008 года [5].

7 сентября 2007 года начал свою работу Следственный комитет при Прокуратуре РФ, в который вошли все следователи, прокуроры-криминалисты и – в качестве референтов – часть надзирающих прокуроров. С этого же дня также вступили в силу изменения в УПК и закон «О прокуратуре РФ», в соответствии с которыми некоторые важные полномочия передаются от прокуроров следователям и руководителям следственных подразделений. Председателю Следственного комитета достался ряд прерогатив генпрокурора, в частности, право возбуждать уголовные дела против депутатов Госдумы, членов Совета Федерации и всех федеральных судей.

Зачем потребовалось выделить прокурорское следствие в отдельный орган? Это было необхо-

димо для разделения процессуальных функций – предварительного следствия, надзора за ним и поддержания обвинения в суде.

Разработчики изменений считают, что на предварительном следствии были утеряны «такие понятия, как “совестливость”, “нравственность”, “профессиональная этика”, “порядочность”», к которым «необходимо вернуться».

8 сентября 2007 года был опубликован приказ о переходе 16656 гражданских и 2034 военных следователей органов прокуратуры в СК, а также передаче в СК из управления Генпрокуратуры по расследованию особо важных дел 116 уголовных дел, по которым под стражей находится 136 человек. По всей стране во вновь образованные следственные подразделения будет передано около 60 уголовных дел. Со всеми следователями и прокурорами-криминалистами в СК будет заключаться контракт сроком на год, который станет для них испытательным сроком.

Сложнее ситуация с прокурорами, которые ранее надзирали за расследованием дел в органах прокуратуры: часть их оставляют в прокуратуре на прежних должностях, остальных же переводят на малопрестижные должности референтов во вновь создаваемые подразделения «процессуального контроля за следствием» СК.

Вступающий в силу 7 сентября 2007 года закон об изменениях в УПК перераспределяет полномочия по ведению следствия и надзору за ним между прокурорами, следователями и начальниками следственных подразделений. Гражданам и юридическим лицам теперь не имеет смысла обращаться в прокуратуру с заявлениями о возбуждении уголовных дел по тем или иным фактам, так как теперь прокуроры не вправе возбуждать дела – это прерогатива следователей. Однако последние обязаны немедленно направлять прокурору копию постановления о возбуждении дела, и он вправе в 24-часовой срок после получения документа его отменить.

На стадии же предварительного расследования дела надзирающий прокурор не может аннулировать те или иные действия и документы следствия – он вправе лишь указать непосредственному начальнику следователя на обнаруженные нарушения УПК.

Руководитель следственного подразделения может проигнорировать прокурорское мнение, однако, когда следствие будет окончено, тот же прокурор сможет наказать следователя за непослушание – отправить ему дело на доследование, отказав в утверждении обвинительного заключения и в направлении дела в суд.

По новому закону, перераспределены полномочия между генпрокурором и председателем СК по возбуждению уголовных дел против так называемых спецсубъектов – бывшего Президента РФ, депутатов Госдумы и членов Совета Федерации, судей Конституционного и других федеральных судов, председателя Счетной палаты, уполномоченного по правам человека. Если

раньше право возбудить уголовное дело против них принадлежало исключительно Генпрокурору, то с 7 сентября оно перешло к главе Следственного комитета.

В этом законе также изменен порядок возбуждения уголовных дел против адвокатов: до сегодняшнего дня это мог делать лишь прокурор с разрешения суда, теперь же – руководитель следственного подразделения, при этом санкция суда не нужна [1]. Предполагаемые средства контроля за «перечнем» не новы – это служебные проверки, видеозапись в кабинетах чиновников группы риска. Контрактом с государственным служащим может быть легализована прослушка телефона без санкции суда. Новшеством являются требования раскрытия информации обо всех контактах государственного служащего по служебным вопросам и объявление непосредственно в трудовом контракте предельной суммы денег, которые чиновник имеет право иметь при себе, пребывая на рабочем месте [4].

Можно проанализировать некоторые законы и рассмотреть их противоречивость и связанность с возможной коррупцией. Существует даже определение представителей силовых структур, которое коробит: взяточность законов, то есть прямое следствие принимаемых в России законов. Коррупционные факторы могут включаться в текст осознанно или непреднамеренно, отвечать правилам юридической техники и нарушать их, что юристы называют дефектом норм. Многие нормативные правовые акты определяют компетенцию государственного органа (должностного лица) при помощи формулировок «*вправе*», «*может*».

Это относится к любым видам полномочий. Особенно прибыльной становится формулировка «*вправе*» для чиновников, которые сидят в регистрационных, разрешительных, контрольных ведомствах. Они могут контролировать, могут привлечь к ответственности, могут выдать лицензию. А могут этого и не сделать по целому ряду «придинок» и «зацепок», которые дает им специально «подогнанный» под этот интерес нормотворческий акт (за который, бывает, эти же чиновники и заплатили депутатам). Разделение прав и обязанностей в нормативных формулах создает неоправданную иллюзию того, что в определенных случаях можно использовать полномочие как право (то есть не осуществлять его). Более того, сам государственный служащий может неправомерно трактовать свое право только как возможность, а не обязанность совершения тех или иных действий.

Из последних характерных примеров можно выделить Приказ Федеральной службы по финансовым рынкам от 16 марта 2005 года № 05-3/пз-н «Об утверждении порядка лицензирования видов профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг», п. 6.9. В нем говорится: «Лицензия *может быть* (выделено автором. – С. Ч.) аннулирована лицензирующим органом

в следующих случаях...» Здесь надо было написать: «Лицензия должна быть аннулирована...» Сама логика словосочетания «может быть» подразумевает толкование «а может и не быть».

Понятно, что исполнительно-распорядительная деятельность, как и всякая иная публично-властная деятельность, невозможна без определенного пространства свободного усмотрения должностных лиц. Оно называется административным усмотрением.

Определенная опасность возникает по срокам принятия решения. Обычно в законах и нормативно-правовых актах применяется формула «в течение» или «не позднее». Это происходит в случаях, когда почти невозможно точно определить срок, в который госслужащий обязан принять решение в отношении физического или юридического лица, либо срок совершения того или иного административного действия.

У госслужащего всегда есть право выбора как минимум из двух вариантов решения (положительного или отрицательного). При этом наибольший соблазн коррупции возникает в ситуации, когда нормативно-правовые акты предоставляют несколько возможных вариантов без точного определения условий принятия того или иного решения. В идеале условия выбора того или иного варианта решения должен фиксировать закон, а не нормативно-правовые акты органа исполнительной власти. В реальности же закон, как правило, обозначает только некие «рамки» [2].

Часто в принятии того или иного решения одновременно участвуют несколько государственных органов (совместные решения, согласование решений). Понизить возможность коррупции и «торговлю визами» способно закрепление принципа «одного окна», когда получать необходимые согласования для вынесения окончательного решения должен ответственный государственный орган, а не заявитель.

Повышают соблазн взятку и нормы, устанавливающие дублирующие полномочия разных государственных служащих в рамках одного государственного органа или различных государственных органов, например, федерального и регионального уровня. Сюда же относятся и ответственность нескольких государственных служащих за одно и то же решение.

Государству важно правильно оценить избыточность усмотрения служащего в каждом конкретном случае. Для этого надо оценить общую эффективность управленческого процесса. Из последних характерных примеров можно выделить Приказ № 12 Федеральной антимонопольной службы от 2 февраля 2005 года «Об утверждении правил рассмотрения дел о нарушениях антимонопольного законодательства», п. 2.30: «На основании решения Комиссии в соответствии со статьей 12 Закона о конкуренции выдается предписание. В предписании должны быть указаны конкретные требования, предусмотрен-

ные статьей 12 Закона о конкуренции, и *разумные сроки исполнения*». Что такое «разумные сроки»? Необходимо указывать точное время исполнения их запросов. Кроме того, в законах надо предусматривать конкретные наказания для чиновников, не соблюдающих эти сроки.

Следующая проблема – завышенные требования к лицу, предъявляемые для реализации принадлежащего ему права. Возникает такая ситуация, когда сознательно разрабатываются условия или требования, обременительные настолько, что превышают уровень разумного. Тем не менее выполнить эти условия для гражданина необходимо для реализации своего права.

Опасность коррупции повышается в следующих случаях:

- Если перечень оснований для отказа открытый, то есть не исчерпывающий, и содержит отсылки к основаниям для отказа, установленным в других нормативных правовых актах, в том числе подзаконного характера.
- Если перечень для отказа содержит «размытые», субъективно-оценочные основания отказа (например, «представленные заявителем сведения не соответствуют действительности» или «представлены не в полном объеме») [2].

Из последних характерных примеров можно привести Приказ Федеральной службы по финансовым рынкам от 16 марта 2005 года № 05-4/пз-н «Об утверждении стандартов эмиссии ценных бумаг и регистрации проспектов ценных бумаг», п. 2.4.16: «Решение об отказе в государственной регистрации выпуска (дополнительного выпуска) ценных бумаг может быть принято регистрирующим органом по следующему основанию: внесение в проспект ценных бумаг или решение о выпуске (дополнительном выпуске) ценных бумаг (иные документы, являющиеся основанием для государственной регистрации выпуска (дополнительного выпуска) ценных бумаг) ложных сведений либо сведений, не соответствующих действительности (недостоверных сведений)».

Здесь используются все возможности, способные подтолкнуть к организации взятки, начиная с формулировки «*может быть*», кончая «*недостоверными сведениями*», а также «*сведения не в полном объеме*».

Любой нормативный правовой акт должен строиться с позиций общепризнанных правил юридической техники, четкости и ясности языка. В некоторых нормативно-правовых актах происходит использование двусмысленных или неустоявшихся терминов, понятий и формулировок.

Очень опасны для законности категории оценочного характера с неясным, неопределенным содержанием. То же самое относится к формулировкам, допускающим различные трактовки и пр. Обозначение одних и тех же явлений различными терминами может искажать смысл положений законов и даже Конституции. Все эти

недочеты лингвистического характера способны привести к серьезным негативным последствиям, поскольку то или иное положение в силу своей двусмысленности, неясности и недостаточной определенности может трактоваться двояко. Для толкования Конституции даже создан специальный Конституционный суд, но и он может повернуть свои суждения в зависимости от «политической целесообразности» [2].

Угроза коррупции повышается, когда в нормативном правовом акте отсутствуют нормы статутного характера (если они должны быть).

Субъекты права часто жалуются на отсутствие административных процедур. С помощью законов и нормативно-правовых актов можно избавиться от соблазна дать и получить взятку, если существует четкий порядок принятия решения. Процедуры должны содержаться в законодательном акте, а не регулироваться на подзаконном уровне. Порядок и сроки действий исполнительной власти составляют часть регулирования, которая не менее принципиальна, чем нормы материального права.

К даче взятки и ее получению толкают и отсутствие конкурсных (аукционных) процедур, а также отсутствие специализированных, детализированных запретов и ограничений для государственных служащих в той или иной области деятельности (управление государственным имуществом, налоговые, таможенные отношения и др.).

Принимая новый закон, законодатель иногда не учитывает специфики той или иной государственной службы и тех изменений, которые произошли в обществе, экономике в той сфере деятельности, в которой работают государственные служащие. Ярким примером является ФЗ от 21 июля 1997 года «О службе в таможенных органах». Этот закон устанавливает специальные ограничения и запреты для сотрудников таможенных органов. При этом устанавливаемые ограничения были практически полностью идентичны ФЗ от 31 июля 1995 года «Об основах государственной службы РФ» (ныне утратившему силу).

Как ни странно, одной из сложных тем исследования студентов-дипломников юридического факультета является тема «Ответственность государственного служащего за правонарушения», вследствие, по существу, самой этой ответственности.

Уголовная и административная ответственность государственного служащего могут устанавливаться только законом. Но в законодательных актах обычно отсутствуют нормы об ответственности государственного служащего. Как правило, законодатель ограничивается общей формулой «несет ответственность в установленном законом порядке». Часто различается ответственность должностного лица и государственного служащего государственного органа. Нужно обязательно проверить, наличествуют ли

в данном законодательном акте или в акте, к которому есть отсылка, меры ответственности за служебные нарушения, нарушения специализированных ограничений и запретов.

Очевидно, что меры ответственности чиновника должны соответствовать выполняемым полномочиям и предъявляемым к служащему запретам и ограничениям. Основания ответственности должны быть четко сформулированы, желательно с дифференциацией, какому виду нарушения какой вид ответственности (дисциплинарной, административной, уголовной, гражданско-правовой) соответствует, с корреспондированием соответствующих статей УК РФ и КАП РФ [2].

Нарушению принципа самоограничения власти способствует отсутствие контроля, в том числе общественного, за государственными органами и государственными служащими. Этот фактор пока считается недостатком общеполитическим. Необходимо законодательство, обеспечивающее информационную открытость органов власти и уровень конкретности норм.

Президентом Российской Федерации утверждена Доктрина информационной безопасности. Развернутый проект «электронного правительства» содержится в Программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2003–2005 гг.), а также в целевых программах «Электронная Россия», «Электронная Москва», «Электронная Ленинградская область» и др. Однако надо отметить отсутствие согласованного методологического подхода к данному вопросу, что приводит к тому, что в целом понимание административной реформы остается таким, что она слабо увязывается с той же федеральной программой «Электронная Россия».

Интеграция государственных федеральных, региональных и муниципальных информационных ресурсов позволяет существенно повысить эффективность работы государственного аппарата, сократить возможности для финансовых махинаций, нарушения законов, уклонения от уплаты налогов и т. д. При этом недостаточно четко определены и разграничены роли, полномочия и ответственность всех субъектов, участвующих в управлении процессом информатизации федеральных органов государственной власти. Отсутствует единый согласованный план совершенствования деятельности федеральных органов государственной власти на основе современных информационно-коммуникационных технологий. Нет четкого определения роли и места самой целевой программы «Электронная Россия» (2002–2010 гг.) в процессе информатизации государственного управления.

Необходимо определение четких приоритетов и координации действий по отдельным направлениям, без чего трудно обеспечить эффективное расходование средств и взаимодействие отдельных субъектов федеративного государст-

ва. Необходима разработка нормативной модели формирования системы «электронного правительства» федеративного государства, в которой надо выделить следующие основные функции: документооборот внутри государственного аппарата – между различными уровнями власти в федеративном государстве; осуществление взаимодействия с бизнесом; обеспечение внутренней эффективности и продуктивности государственного аппарата.

В России как в федеративном государстве актуальны вопросы: разработка общей стратегии использования современных информационно-коммуникационных технологий в деятельности российских органов управления; внедрение современных механизмов финансового планирования; интеграция федеральных, региональных и муниципальных информационных ресурсов в единую инфраструктуру, ориентированных на удовлетворение широких потребностей пользователей [6].

Необходимо наличие норм об отчетности органа или его должностных лиц перед населением либо перед соответствующими профессиональными и иными сообществами (например, публикация ежегодных отчетов); наличие норм о парламентском контроле (постоянном или ситуационном). Нельзя обойтись без возможностей общественных проверок данного органа, условий и процедуры таких проверок, мер реагирования по результатам проверок.

Чтобы выявить ложные цели и приоритеты, которые выдвигают государственные служащие, нужно прибегнуть к системному подходу. Необходимо оценивать не отдельные нормы анализируемого нормативно-правового акта, а весь его текст и назначение с точки зрения поставленных целей и приоритетов.

С теоретической точки зрения легальный нормативно-правовой акт должен основываться на сочетании законности и целесообразности. Часто бывает, что целесообразность принятия нормативно-правового акта отсутствует, регулирование вопроса оказывается явно избыточным, излишним. Государственные служащие в коррупционном союзе с законодателями как бы берут на себя дополнительную работу, но не ради четкого решения поставленной проблемы. Речь идет о том, чтобы ставить дополнительные административные барьеры, предъявлять заведомо неисполнимые требования. Тут можно вспомнить законы, принятые законодателями о телевизионной рекламе, рекламе пива на телевидении, законы об игорном бизнесе, которые стали факторами коррупционной угрозы.

Прямое отношение к самоограничению власти имеет проблема коллизии нормативных правовых актов. Коллизия – это столкновение противоположных интересов. В правовом аспекте имеется в виду расхождение, противоречие между различными правовыми актами и судебными решениями. Различаются несколько видов коллизий. Это коллизии содержательные, темпо-

ральные (временные), пространственные и иерархические. Идеальный путь правильного разрешения коллизии – применение закрепленных в законодательстве коллизионных принципов и норм (например, ст. 76 Конституции РФ является коллизионной нормой).

Таким образом, коллизионная норма – это правило выбора приоритетной нормы. Однако коллизионные нормы устанавливаются законодательством не всегда. Это означает, что ответственность за выбор приоритетной нормы переходит на правоприменителя [2]. Поэтому наличие коллизии в отдельной норме нормативно-правового акта позволяет государственному служащему произвольно, по собственному усмотрению выбирать норму, подлежащую применению, а виновному лицу уйти от юридической ответственности, которая строго формализована.

Коллизии законодательных актов могут наблюдаться между одноуровневыми законами, законами федеральными и субъектов федерации, между федеральным конституционным законом, федеральным законом и кодексом.

Излишняя свобода, которую получают ведомства и местные органы власти в локальном нормотворчестве, открывает возможность «выгодной» регламентации. В некоторых случаях это бывает оправданно. Однако для предотвращения возможности коррупции важно, чтобы главные, существенные условия регламентирования определялись четким законом. Некачественные федеральные законы, к сожалению, оставляют регулирование отношений органу исполнительной власти. Тем самым они провоцируют его на создание условий, удобных для него самого, но не для граждан. Свобода локального нормотворчества может свидетельствовать о невыполнении органом исполнительной власти собственных регулирующих функций, что позволяет организациям принимать свои правовые акты. А провоцирующие коррупцию локальные акты провоцируют и неправомерные действия. Обычно на наличие провоцирующего коррупцию фактора указывают содержащиеся в тексте нормативно-правового акта так называемые бланкетные нормы. Один из типичных примеров – ФЗ от 21 декабря 2001 года «О приватизации государственного и муниципального имущества», статья 22 «Продажа акций открытых акционерных обществ через организатора торговли на рынке ценных бумаг»: «Продажа акций открытых акционерных обществ через организатора торговли осуществляется в соответствии с правилами, установленными организатором торговли» [2].

Функционирование органа исполнительной власти по любым направлениям основано на компетенции этого органа, в том числе и на компетенции по принятию нормативных правовых актов. Принятие нормативно-правовых актов «сверх компетенции» – это подзаконное регулирование вопроса, который должен регулировать-

ся либо на уровне закона, либо подзаконными актами других органов.

Пробелы в законодательном регулировании довольно легко устранить путем принятия подзаконного акта. Эта ситуация возникла в период становления нового российского законодательства. Таким путем сформировалось в свое время и «указное» право Президента, когда подзаконными актами часто вводили новые для России нормы и конструкции. Происходит это и в настоящее время. Часто этот временный и вынужденный шаг продиктован длительностью законодательного процесса. Тем самым достигается положительный эффект восполнения пробелов законодательства, ведь субъекты права получают нормы, которыми они могут руководствоваться [2].

Например, статьей 120 (ч. 3) Гражданского кодекса РФ установлено, что особенности правового положения отдельных видов государственных и иных учреждений определяются законом и иными правовыми актами. Закона о государственных учреждениях не существует. Имеет место законодательный пробел, который заполняется подзаконными актами на вполне легальной основе (в отличие от приведенных выше примеров принятия актов «сверх компетенции»).

Существует еще одно основание для контроля за возможностью злоупотребления властью. Подзаконный акт может содержать провоцирующие коррупцию нормы в силу того, что закон (статутный акт) предоставил широкие возможности ведомственного нормотворчества и таким образом заранее санкционировал все, что будет в нормативно-правовом акте, не обозначив критериев и условий подзаконного регулирования. Здесь объединены такие проявления коррупциогенности, которые при определенных условиях могут свидетельствовать об уже свершившихся фактах коррупции или способствовать реализации коррупционных факторов.

Для выявления факторов формального и технического, процедурного характера важно не содержание нормативно-правового акта, а соблюдение действующих требований к их форме, порядку принятия, регистрации и опубликования. Многие из этих требований систематизированы на федеральном уровне. Существует Постановление Правительства РФ от 13 августа 1997 года (в ред. от 30.09.2002) № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации».

На федеральном уровне многие процедурные правила принятия и согласования нормативно-правовых актов определены в правительственных актах.

Во-первых, это Постановление Правительства РФ от 19 января 2005 года № 30 «О типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти».

Во-вторых, Постановление Правительства РФ от 28 июля 2005 года № 452 «О типовом рег-

ламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти», где закреплены общие правила внутренней организации федеральных органов исполнительной власти.

Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения. Об этом говорит ч. 3 ст. 15 Конституции РФ. Таким образом, любые нормативно-правовые акты должны быть опубликованы в официальном порядке, кроме актов или отдельных их положений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера. Положительным примером повышения информационной открытости на федеральном уровне является Постановление Правительства РФ № 98 от 12 февраля 2003 года «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти».

Следует основываться на признании равенства участников регулируемых нормативно-правовым актом отношений. Это вопрос о неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты (ст. 1 ГК РФ).

Если анализ нормативно-правового акта свидетельствует о том, что в результате его принятия «выигрывает» только одна группа субъектов гражданского права, то сама разработка НПА могла стать следствием давления этой группы, незаконного лоббирования интересов, ущемляющего права других лиц.

Многие нормативные правовые акты имеют комплексный характер и основываются на балансе различных интересов, например, публичного и частного.

Во многих законах имеются многие из перечисленных в данной статье провоцирующих коррупцию факторов. Они допускаются либо в связи со спешкой и непроработанностью вопросов, либо речь идет о сознательном удовлетворении интересов крупных лоббистов, либо о сиюминутной выгоде какого-то лица, от которого зависит механизм прохождения законов. Невысокое качество федерального закона ведет по цепочке к аналогичному законотворчеству и нормативно-правовым актам в субъектах РФ и на местах.

Российской Федерацией в 2006 году ратифицированы Конвенция ООН против коррупции и Конвенция Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию». В соответствии с ними, Россия обязана проводить оценку национального законодательства и административных мер в целях предупреждения коррупции.

В этой связи крайне важно осуществлять раннее выявление факторов, создающих потенциальную возможность для коррупционных решений и действий субъектов правоприменения – должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, органов управления и руководителей коммерческих и некоммерческих организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Заподинская Е. Следственный комитет приступил к полномочиям // Коммерсантъ. № 162 (3738) от 07.09.2007 г.
2. Малякин Е. Механизм коррупции в законах. [http://www.anticorr.ru/news/news0x91x2594.html](http://www anticorr.ru/news/news0x91x2594.html).
3. Меликова Н. Совет Безопасности займется коррупцией // Независимая газета. 2007. 29 авг.
4. Нетреба П., Бутрин Д., Шарипова А. Державная мзда // Государство оплатит чиновникам отказ от взятки // Коммерсант. № 133 (3709) от 30.07.2007 г.
5. Следственный комитет при Генпрокуратуре. <http://www.newsru.com/russia/02aug2007/sk.html>.
6. Чернов С. Н., Ларичев А. А., Чернова Т. И. Электронное правительство в России: препятствия на пути оптимизации государственного управления в федеративном государстве: Пер. с англ. // Proceedings of the Third International Conference on E-government. 27–28 September 2007. [Electronic resource] / Universite du Quebec a Montreal. Montreal, 2007.

УДК 94(47).084.6

ИРИНА РЕЙЕВНА ТАКАЛА

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории стран Северной Европы ПетрГУ
irina.takala@onego.ru

СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ФИННЫ В ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЕЙ СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ В 1930-е ГОДЫ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями миграционной политики карельского правительства в первые десятилетия существования автономии, и анализируются особенности восприятия местным населением финнов-иммигрантов из Канады и США в первой половине 1930-х годов.

Ключевые слова: иммиграционная политика, североамериканские финны, Карельская автономия, кросскультурная коммуникация

Люди на протяжении всей своей многовековой истории постоянно перемещались. По мере того как шло развитие человечества, миграционные процессы усложнялись, принимали новые формы, появлялись новые побудительные мотивы. Исследователи в ходе истории различают несколько типов внешней миграции – это могут быть переселения целых племен и народов, или колонизационное движение, или выезд по различным мотивам (экономическим, политическим, этническим, религиозным) граждан одних стран в другие. Так, в XIX–XX веках широкое распространение во всем мире получила трудовая эмиграция – переселение из одних, преимущественно слабо развитых, стран в другие – богатые, индустриально развитые, с тем, чтобы найти на новом месте более выгодные условия жизни и труда. В начале XX века наряду с экономическими факторами мощными ускорителями миграционных процессов стали революционные события, а в конце столетия экономический кризис, политические и национальные конфликты в странах Восточной Европы вызвали интенсивный рост числа беженцев и переселенцев в Западную Европу.

Для России явления эмиграции и иммиграции также уходят своими корнями в глубокое прошлое. Несмотря на многочисленность населения, в стране всегда ощущался дефицит рабочих рук. С одной стороны, обычно не хватало квалифицированных специалистов, а с другой – обширные необжитые районы испытывали недостаток даже в неквалифицированных рабочих. Обе эти проблемы старались решить за счет привлечения иностранцев еще со времен Ивана Грозного – первые Иноземные слободы (места поселения иностранцев в русских городах) появляются в России в XVI столетии. При Петре I приток иностранцев в страну существенно возрастает, а при Екатерине II начинается широкая колонизация европейцами (прежде всего немцами) пустовавших земель Поволжья и Причерноморья. Столь же масштабной была и экономическая миграция в приграничные районы Российской империи во второй половине XIX века корейцев, китайцев, финнов и др. Колонисты и переселенцы получали значительные льготы от правительства для освоения новых земель – освобождение от воинской повинности,

право не платить налоги в течение длительного времени и т. д.

Несомненный интерес представляет и период 1920–30-х годов, когда в Советской России по разным причинам оказались десятки тысяч иностранцев. Появление на карте первого в истории социалистического государства, ставшего центром распространения коммунистических идей, вызвало к жизни такое явление, как массовое переселенческое движение по политическим мотивам. Политэмигранты были наиболее привилегированной группой иммигрантов, пользовавшейся целым рядом льгот, предоставляемых правительством, ибо они должны были стать проводниками коммунистических идей в своих странах и во всем мире. Однако самой многочисленной группой иммигрантов стали иностранные рабочие и специалисты, ехавшие в СССР помогать советским людям строить светлое «коммунистическое завтра». Большинство из них были искренни в своих намерениях: вера в социализм была сильна в те годы среди многих рабочих во всем мире, а захлестнувший Европу и Америку экономический кризис только укреплял эту веру. Вместе с тем эту категорию переселенцев следует рассматривать именно как трудовую иммиграцию, поскольку основными стимулами к переселению были все же соображения экономического порядка.

Еще в годы Гражданской войны во многих западных странах началось движение в поддержку республики рабочих и крестьян. Нередко на митингах солидарности рабочие объявляли о своем желании отправиться в Страну Советов строить новую жизнь. Особенно много желающих было в Германии, где в начале 1920-х годов свирепствовал тяжелый экономический кризис. О своем намерении ехать в Советскую Россию заявили тысячи немцев, а многие отправлялись в путь без всякого разрешения с германской или советской стороны.

В 1919 году в советских государственных учреждениях, в ВСНХ и Наркомземе, начались переговоры о переселении в Россию западноевропейских рабочих для работы в промышленности и сельском хозяйстве. Весной 1920 года Совнарком принял ряд постановлений, определявших условия иммиграции сельскохозяйственных и промышленных рабочих из Западной Европы [4]. Касались они, прежде всего, переселенцев из Германии, но впоследствии послужили основой при заключении договоров и с другими иммигрантами. Основной смысл всех документов, регламентировавших иммиграцию германских квалифицированных рабочих определенных профессий, сводился к распределению их на работу группами на фабрики, заводы и в совхозы с целью обеспечить таким путем рост производства. Переселенцам предоставлялся ряд льгот по сравнению с остальными гражданами РСФСР: освобождение на 5 лет от уплаты государственных и местных налогов, освобождение от отбы-

вания воинской повинности при условии выполнения норм производства и исполнения законов. Предусматривались и повышенная оплата их труда, и дополнительное снабжение, «связанное с увеличением производительности труда» (подробнее см. [22]). Предпочтение отдавалось холостым и малосемейным рабочим.

Стремление правительства привлечь в страну трудовых иммигрантов, вооруженных дефицитными инструментами и передовыми знаниями, изначально наткнулось на сопротивление различных ведомств, каждое из которых старалось сделать так, чтобы льготы переселенцам оплачивал кто-нибудь другой. В документах Совнаркома, приложенных к постановлениям, отчетливо видна «конкуренция» ведомств и параллелизм в решении вопросов, связанных с переселением из-за рубежа. Тем не менее решающим тогда оказалось заявление Ленина о том, что «десяток, сотня иностранных высококвалифицированных рабочих могли бы обучить сотню и тысячу рядом с ними работающих наших русских рабочих», а потому привлечение иностранцев и желательно, и необходимо [13]. При этом Ленин неоднократно настаивал на необходимости получения от германских делегатов, которые приезжали в Россию для ведения переговоров о переселении, расписки, подтверждавшей, что они знакомы со всеми трудностями жизни рабочих в России [22].

Другим потенциальным источником массовой иммиграции были США. Правда, ехать в Россию здесь собирались в основном не американцы, а не сумевшие вписаться в американскую жизнь эмигранты, в том числе и из самой России. Иммиграция и реэмиграция происходили под девизом помощи восстановлению советского хозяйства. Все реэмигранты (возможно, за исключением политических) и иностранные иммигранты по собственному решению и в соответствии с условиями въезда в Советскую страну приобретали технические средства для предстоящей работы и обеспечивали себя всем необходимым на два года.

Советская промышленность действительно нуждалась в квалифицированных рабочих, поскольку с 1917 по 1920 год число рабочих в России сократилось с 2,6 до 1,2 млн человек. Из-за нехватки продуктов питания многие покидали город и уходили в деревню [18]. Советское сельское хозяйство оставалось на чрезвычайно низком уровне развития — даже в 1928 году в 5,5 млн крестьянских хозяйств все еще использовали соху, а половина урожая зерновых собиралась серпами или косами [25; 29]. В этой связи иммиграция иностранных фермеров с их современной технологией обработки земли казалась правительству чрезвычайно уместной. И в целом трудовая эмиграция поощрялась как по идеологическим, так и по экономическим причинам до второй половины 1921 года.

Вместе с тем практика приема первых иммигрантов показала нереальность замысла о массо-

вом переселении иностранных рабочих, страна к этому была не готова. Причины неудач и конфликтов с первыми переселенцами носили и объективный, и субъективный характер, реализация проектов столкнулась с крупными трудностями для обеих сторон. Это обстоятельство, так же как и перемены, происходившие в стране, оказали влияние на последующие правительственные решения относительно масштабов и форм иммиграции и реэмиграции.

Первые ограничения на въезд трудовых иммигрантов были введены в РСФСР в июне 1921 года. А в мае 1922-го Совет труда и обороны постановил «считать в настоящее время необходимым максимальное сокращение иммиграции и допущение к въезду в РСФСР только тех групп рабочих, относительно которых имеется полная гарантия, что они найдут необходимый заработок на территории республики» [18; 1922, ст. 440]. На практике этот закон применялся почти исключительно к американским фермерам, иммиграцию которых советское правительство находило экономически выгодной, равно как и к американским рабочим. Именно тогда в разных частях страны появляются американские сельскохозяйственные коммуны, которые вели хозяйство с невиданной аккуратностью и эффективностью. В 1922 году в Ростовской области американскими финнами была основана коммуна «Kylväjä» («Сеятель»), несколько позже возникают коммуны «Туё» («Труд») под Ленинградом и «Säde» («Луч») в Карелии.

Исходя из экономических соображений и в целях уменьшения общего числа иммигрантов правительство установило высокий имущественный и денежный ценз для въезжающих иностранцев. С 1923 года непременным условием допуска иммигрантов в СССР являлся ввоз основного и оборотного капитала в количестве, обеспечивающем организацию и ведение хозяйства. Размер и форма такого капитала определялись договором, заключаемым между фермерами и советскими властями. Правда, заинтересованное в поднятии целинных земель советское правительство предоставило селившимся на них ряд льгот. Например, по особому соглашению в счет арендной платы могли засчитываться специальные агрокультурные мероприятия [18; 1923, ст. 128, 525].

В 1923–1924 годах об иммиграции промышленной уже не было речи. Из-за общего промышленного кризиса, отсутствия топлива и заказов закрылись многие фабрики, в стране господствовала безработица. С 1924 года еще больше осложняется процедура оформления въезда иммигрантов: они должны были сами нести все расходы по переезду и транспортировке машин и сельскохозяйственного оборудования. Правда, плату за проезд с иммигрантов взимали по сниженным тарифам, а ввозимый ими инвентарь не подлежал таможенному обложению. Но из прямых льгот оставались теперь

лишь послабления по уплате налогов и отбыванию воинской повинности. С 1925 года, в дополнение ко всем ограничениям, введенным ранее, непременным условием въезда в СССР трудовых иммигрантов стала их организация в сельскохозяйственные коммуны, артели или кооперативы по уставам аналогичных объединений, уже существующих в СССР [18; 1924, ст. 383], [18; 1925, ст. 119, 134, 152, 171], [17; 1925, ст. 303]. Полностью иммиграционный процесс оборвался в 1927 году, когда советское правительство, готовившееся к коллективизации деревни, запретило сельскохозяйственную иммиграцию [18; 1926, ст. 458], [18; 1927, ст. 130], [17; 1927, ст. 95].

Новый поворот в иммиграционной политике советской власти был связан с начавшейся индустриализацией – страна нуждалась в рабочих руках и квалифицированных специалистах. С одной стороны, происходит дальнейшее ужесточение законодательства относительно эмиграции и иммиграции, с другой – решения XVI съезда ВКП(б) (1930 г.), взявшего курс на «расширение практики посылки за границу рабочих и специалистов и приглашение иностранных инженеров, мастеров и квалифицированных рабочих в СССР» [10], открывают двери новой волне иностранной трудовой иммиграции. Правительство предполагало привлечь в СССР 40 тысяч иностранных рабочих и специалистов [5; 27]. В классовом государстве с однопартийной системой при постоянно возрастающем влиянии партийного аппарата на все сферы жизни подобные решения принимали силу закона.

В наборе иностранных рабочих не существовало единой централизованной системы – наряду с ВСНХ приглашения исходили от самых различных ведомств и учреждений. О масштабах приглашения на работу свидетельствует тот факт, что только в советском полпредстве в Германии в начале 1930-х годов вербовкой занимались 70 сотрудников [7; 181]. К концу первой пятилетки в СССР трудилось уже около 20 тысяч высококвалифицированных иностранных рабочих и специалистов (вместе с членами семей – не менее 35 тысяч) [5; 28–29]. Наибольший процент приехавших по контрактам составляли иммигранты из Германии и Северной Америки.

Если говорить о Карелии, то изначально правительство автономной республики действовало в русле общероссийской политики, привнесло, впрочем, свои идеи в ее осуществление. Проводя в жизнь идею создания карельской национальной автономии, а затем осуществляя политику «карелизации» («коренизации»), правительство политэмигранта Эдварда Гюллинга, естественно, делало ставку на иммиграцию в Карелию этнических финнов. Помимо Финляндии, источником трудовых ресурсов могли стать Канада и США, где в 1930 году насчитывалось около 173 тысяч финляндских иммигрантов [2; 181].

Мысль о привлечении в Карелию финнов из США и Канады у красных финнов и руководителей Советской России возникла сразу же после революции: в мае 1918 года об этом вели разговор с Лениным Эйно Рахья и Эдвард Васстен [9; 130]. Возглавивший в 1920 году только что образованную Карельскую трудовую коммуну (КТК) Эдвард Гюллинг начал собирать в республику финнов-эмигрантов, причем изначально речь шла не только о политэмигрантах, участниках революционных событий 1918 года. В начале 1920-х годов Карельский ревком и Совнарком неоднократно обсуждали вопросы об использовании в экономике республики иностранной рабочей силы. В 1921–1922 годах между КТК и финляндским профсоюзом рабочих промышленности были заключены договоры о перевозе из Финляндии квалифицированной рабочей силы для лесозаводов Карелии, рубок леса и его сплава [12; ф. Р-550, оп. 1, д. 3/37, л. 219], [12; ф. Р-682, оп. 1, д. 1/10, л. 5–6]. Тогда же появились в республике и первые североамериканские финны – в 1922 году начала работать на севере края (Княжья Губа) артель рыбаков из США, три года спустя на заболоченных землях Олонецкого района группа канадских рабочих и фермеров создала сельскохозяйственную коммуну «Säde».

Слабонаселенная Карелия действительно остро нуждалась в квалифицированной рабочей силе. По мере того как росли темпы экономического развития и в стране принимались планы один грандиознее другого, дефицит кадров ощущался все острее. Производственные задания по лесозаготовкам постоянно увеличивались, ввоз же сезонных рабочих – а это ежегодно были десятки тысяч человек – оказался мероприятием дорогостоящим и малоэффективным. Карельское правительство неоднократно обращалось к руководству страны с просьбой разрешить ему коренным образом пересмотреть кадровую политику. В одном из таких обращений в Совнарком РСФСР, например, говорилось: «Быстрые темпы социалистического строительства и реконструкция народного хозяйства Карелии, ее переустройство в район промышленного значения требуют такого количества рабочей силы, что удовлетворить эту потребность за счет имеющегося населения является абсолютно невозможным. Положение усугубляется крайней дефицитностью квалифицированной рабочей силы и отсутствием в Карелии не только собственных национальных пролетарских кадров, но даже и основного ядра, вокруг которого можно было бы их организовать» [12; ф. Р-690, оп. 1, д. 15/163, л. 46–47]. Выход из положения виделся республиканским властям в расширении переселенческих мероприятий и в увеличении притока рабочих-финнов из Северной Америки. Лучшие из этих людей, по замыслам карельского руководства, должны были составить костяк национальных пролетарских кадров республики.

Поначалу предложения Карелии категорически отвергались верховными властями. ОГПУ СССР, Наркомат иностранных дел и Совнарком РСФСР мотивировали свои отказы тем, что «использование иностранных рабочих в советских условиях неэффективно» [12; ф. Р-690, оп. 1, д. 17/181, л. 14–15, 17–18]. Решения XVI съезда ВКП(б), вошедшего в историю как «съезд развернутого наступления социализма по всему фронту», коренным образом изменили ситуацию.

Осенью 1930 года в Карелию прибыла первая небольшая группа лесорубов из Канады. Тогда же был, наконец, согласован с московским руководством вопрос о массовом переселении квалифицированных рабочих-финнов из Северной Америки. Отметим, что вопрос решался на самом высоком уровне: Гюллинг лично обговаривал его со Сталиным и Молотовым [16; 8]. В течение 1931–1932 годов последовал целый ряд постановлений СНК СССР, РСФСР и Карелии, определявших количество привлекаемых на лесоразработки иностранных рабочих [12; ф. П-3, оп. 5, д. 276, л. 50–53] – и массовое переселение финнов из Северной Америки в Карелию началось. Всего в 1930–1935 годах в республику переехало примерно 6,5 тысячи североамериканских финнов. Свыше трети из них составляли не занятые на производстве женщины и дети (подробнее о финской диаспоре Карелии см. [20]).

Помимо вербовки иностранных рабочих-финнов, ставка делалась на тверских карел, вепсов и ингерманландцев. Так, в постановлении Карельского СНК о контрольных цифрах по промпереселению на 1932 год говорилось следующее: «Определить как минимум завоз постоянных кадров в порядке промпереселения в количестве 12600 человек, в том числе за счет иностранной рабочей силы (Америка, Канада, Швеция) 5000 чел.; из областей СССР в количестве 7600 чел., из них тверских карел и ингерманландцев до 6000 чел.» [16; 10]. Однако не следует забывать, что в годы первой пятилетки права общесоюзных органов в экономике Карелии значительно расширяются. Многие крупные предприятия и тресты, переданные в ведение общесоюзных органов, проводили самостоятельную вербовочную политику. Как следствие, в 1932 году в Карелию на постоянное местожительство переселились 64813 человек, среди них было 38 вепсов (0,06 %), 1218 карел (1,9 %) и 7649 финнов (11,8 %, ингерманландцев среди них было 164 человека [11; ф. П-3, оп. 2, д. 783, л. 4]); доля русских в этом потоке составила 68,7 % (44526 человек), прочих – 17,6 % (11382). Подсчитано по [14].

Таким образом, действия карельского правительства по привлечению в республику трудовых иммигрантов из-за рубежа, создание соответствующих органов для организации этого процесса, развертывание широкой пропагандистской работы и сети вербовочных пунктов ни в коем случае не следует считать исключительно

инициативой возглавлявших республику финских политэмигрантов и Эдварда Гюллинга, руководствовавшихся, как считают некоторые исследователи, «панфинскими» амбициями (см., например, [28], [24], [3]). Так же как и в определении судьбы карельской автономии, решающим фактором в возможности проведения переселенческой политики стало совпадение предложений Гюллинга с тогдашней национальной и экономической политикой советского правительства.

Механический прирост, ставший с 1930 года главным фактором увеличения числа жителей республики и размыва ее коренного населения, привел к тому, что к 1933 году родившиеся вне Карелии составляли треть (32,8 %) от всего населения [14; 47]. Как же относились жители Карелии к мигрантам и, прежде всего, к иммигрантам из-за рубежа?

В последнее время все больший размах и популярность приобретают кросскультурные исследования, интерес к которым подогревается нерешенными политическими, социальными и экономическими проблемами, вспышками межнациональных конфликтов и бытового национализма. Однако осознание того, что мы живем в поликультурном мире, что непривычное не обязательно плохо, приходит к человечеству с большим опозданием. Впрочем, процесс приспособления иммигрантов к новой среде во все времена воспринимался обществом как постепенное в нем растворение, протекавшее быстрее или медленнее в зависимости от индивидуальных особенностей.

В работах, посвященных изучению адаптации мигрантов, рассматриваются различные типы стратегий поведения групп и индивидов в условиях новой культурной среды:

- интеграция, когда каждая из взаимодействующих групп и их представители сохраняют свою культуру, но одновременно устанавливают тесные контакты между собой;
- ассимиляция, когда группа и ее члены теряют свою культуру, но поддерживают контакты с другой культурой;
- сепаратизм / сегрегация, когда группа и ее члены, сохраняя свою культуру, отказываются от контактов с другой культурой либо отвергаются ею;
- маргинализация, когда группа и ее члены теряют свою культуру, но не устанавливают тесных контактов с другой культурой.

Между стратегиями аккультурации и успешностью адаптации в инокультурном окружении существуют прочные связи: наибольший успех достигается в результате интеграции, наименьший – в результате маргинализации, а ассимиляция и сепаратизм занимают промежуточное положение [15]. Но, как известно, группы меньшинства не всегда свободны в выборе стратегии аккультурации. Для достижения интеграции необходимо взаимное приспособление, включающее в себя принятие обеими группами права

всех жить как культурно различные народы. Эта стратегия не только требует от меньшинства адаптации к основным ценностям доминирующего общества, но и большинство должно быть готово адаптировать свои социальные институты к потребностям иммигрантов.

Вопросы, связанные с восприятием принимающим населением приезжих и формированием образа этнического иммигранта, разработаны в меньшей степени. В современных психологических исследованиях относительно восприятия иммигрантов русскими можно найти предположения, что русские предпочитают образы тех иммигрантов, которые не соответствуют своим национальным стереотипам, а, скорее, соответствуют представлениям о «типично русском» поведении и образе мыслей [23]. Таким образом, чем сильнее несоответствия, тем выше степень негативизма в восприятии иммигрантов. Представляется, что это предположение может быть подтверждено и историческим материалом.

Как мы уже отмечали в предыдущих исследованиях [21], [31], в Карелии 1920–30-х годов местным трудящимся населением финские иммигранты воспринимались скорее не как единая этническая группа, а как несколько разнородных волн пришельцев-чужаков, представлявших, как казалось людям, угрозу их жизни и благополучию.

Противоречия между красными финнами, возглавлявшими республику в 1920–1935 годах, и местными жителями, по сути, являлись конфликтом населения с советской властью. Политэмигранты стали олицетворением нового строя и, соответственно, виновниками бед, обрушившихся на карел. Насаждаемый властями образ белофинна-завоевателя причудливым образом экстраполировался населением на местных руководителей. Буржуазная Финляндия и ее революционный пролетариат, страдавший, как писали газеты того времени, «под игом белого террора», были где-то очень далеко, а красные финны находились рядом и именно они порой воспринимались жителями Карелии как «господа», мечтающие лишить карел их родины, а то и просто как «пятая колонна». Этот образ «чужого» этнически был окрашен очень слабо, зато часто сливался с представлениями о буржуазной жизни – привилегии, которыми пользовались политэмигранты, способствовали этому.

С началом массового переселения североамериканских финнов в Карелию республиканская пресса активно включилась в формирование положительного образа иммигрантов у населения. Республиканские и районные газеты печатали восторженные отзывы самих иммигрантов о Стране Советов и рассказывали о трудовых подвигах приезжих. Газеты пестрели заголовками: «Заимствовать опыт американцев», «Канадские рабочие в карельских лесах», «Канадские лесорубы приветствуют обращение обкома», «Ни один из нас не вернется обратно в Америку!», «Не рабы, а хозяева», «Мы прие-

хали помочь» [11]. Однако в обществе сразу начинается формироваться совсем иной образ иммигрантов – слишком уж велики были различия в культурных приоритетах и ценностных ориентациях уже во многом урбанизированных североамериканцев и жителей бедной крестьянской Карелии. Американские финны воспринимались полуголодным местным населением не как этническая группа, а как «иностранцы», «нахлебники» и «буржуи», отнимающие у них права и работу.

Покидая Америку, иммигранты надеялись, помимо всего прочего, и на то, что они едут в страну, где царит равенство, нет кризисов и безработицы, все живут одной большой дружной семьей, вместе работают и отдыхают (см., например, [29; 41–45]). В действительности они оказались в стратифицированном обществе, основанном на политическом и экономическом неравенстве различных социальных слоев. Однако теперь именно они оказались на одной из высших ступеней этого общества. Иммигранты были освобождены от обложения единым сельскохозяйственным налогом на десять лет и подоходным налогом на три года, имели право первоочередного получения жилья и поступления в учебные заведения, дополнительное снабжение и т. д. [12; ф. Р-685, оп. 1, д. 2/16, л. 3].

Сами американские финны прекрасно понимали особенность своего положения: «Мы были не какими-нибудь перебежчиками, а легальными иммигрантами, приехавшими по приглашению, работавшими по контракту. Мы имели особые права и особые привилегии» [29; 36]. Иммигранты считали эти привилегии само собой разумеющимися: «Мы находились на особом положении, у нас была своя продовольственная норма. <...> Если бы не это, ни один из нас не смог бы прожить здесь, в Карелии, и недели» [32]. И им было совсем не понятно, как могло выжить местное население на столь нищенскую заработную плату, не получая никакого дополнительного снабжения: «В магазинах Инснаба покупали продукты только американские финны. <...> К тому же у нас были свои, особые нормы снабжения. Но как выжили русские люди, не имеющие таких надбавок, я не могу понять до сих пор» (интервью с Э. Раутио. 25 мая 2002 года).

Естественно, что льготы, которые имели иностранные переселенцы, были предметом зависти и поводом для ненависти со стороны местного населения. Рабочие говорили: «Американцы приехали сюда, чтобы есть наш хлеб!», «Понаехали к нам буржуи, их кормят, а русские рабочие хоть с голоду помрут, никто не позаботится» [12; ф. П-3, оп. 2, д. 790, л. 15], [12; ф. П-1230, оп. 2, д. 9, л. 31; оп. 7, д. 6, л. 123].

На многих предприятиях заработная плата американских финнов была значительно выше, чем у местных рабочих, и не всегда это было обусловлено более высокой квалификацией приезжих. Так, например, средняя зарплата иностранного рабочего на Онежском заводе состав-

ляла 180 рублей, в то время как местного – лишь 100 рублей [12; ф. Р-685, оп. 1, д. 13/150, л. 73]. Рабочих возмущало то, что приезжим сразу устанавливали высокие оклады и что их ставили на выгодные работы в ущерб местным: «Мы работаем по пять лет, получаем по 204 рубля в месяц, а тут берут финнов, которые раньше не работали, и тоже с окладом в 204 рубля. <...> Где же справедливость?», «У нас в мастерской не любят русских, на все хорошие работы ставят американцев, а нас почти всех перевели работать поденно, зато мы так и работаем – в столовую, курилку да в уборную» [12; ф. П-1230, оп. 6, д. 10, л. 32; оп. 2, д. 9, л. 35].

Сложные, нередко конфликтные взаимоотношения между иммигрантами и местным населением были обусловлены не только конкуренцией за ограниченные экономические ресурсы. Большое значение, как уже отмечалось, имела этнокультурная дистанция (различие в системе социальных ориентиров, ценностей и представлений о желательном порядке вещей), которая разделяла людей.

Приезжие очень многого не понимали и не принимали в окружающей их действительности. Если говорить о производстве, то наиболее острой была реакция иностранцев на несправедливость и обман при расчетах, на дезорганизованность работ, простой и постоянную штурмовщину, а также на бюрократизм и инертность руководства разного уровня. В отличие от русских рабочих, которые многое принимали как должное, иностранцы требовали от администрации нормальной организации труда, ликвидации простоев, высокой зарплаты, правильных расчетов, регулярного отпуска, хороших жилищных условий и т. д. В конфликтных ситуациях они нередко использовали те же методы, что и на капиталистических предприятиях: прекращение работы, забастовки, ультиматумы. Это было характерно для всех иностранных рабочих, трудившихся в СССР (см.: [6]). Подобные действия вызывали недоумение и раздражение со стороны местных рабочих, а властями расценивались как полное непонимание иностранцами «практических вопросов нашего строительства, трудностей переходного периода и особенно тактики партии» [12; ф. П-3, оп. 2, д. 790, л. 10].

Разжиганию розни между населением и иностранными рабочими способствовала и неграмотная политика местных властей. Решения партийных и государственных органов о необходимости обеспечить достойные условия жизни и работы промпереселенцам на местах порой претворялись в жизнь самым абсурдным образом. Это выражалось в необоснованно завышенных расценках заработной платы для иммигрантов, в обеспечении жильем, в распределении продуктовых пайков и т. д. Документы начала 1930-х годов пестрят свидетельствами того, что многие вспыхивавшие тогда конфликты между населением и иммигрантами были спровоциро-

ваны даже не столько действиями, сколько высказываниями местных чиновников, такими, например, как: «Продукты не для вас, а для американцев, а вы и так обойдетесь» [12; ф. Р-685, оп. 2, д. 12/147, л. 25] или «Вам нужно жилье? Я это знаю. У меня хотя и есть нормальное жилье, но вам я его не дам. Мы ждем квалифицированных иностранных рабочих, жилье бережем для них. А вы, что? Так, чернорабочие. Не можем же мы чернорабочим тоже давать жилье» [1].

Подливали масла в огонь и сами финны. Многие североамериканские переселенцы, особенно на первых порах, весьма цинично и презрительно относились к местному населению, считая русских отсталыми, не способными к порядку и прогрессу людьми (см., например, [25; 24, 64]). Находясь на ответственных должностях, они, прежде всего, старались помочь своим землякам, и делалось это порой в ущерб местным рабочим. В апреле 1932 года на лесозаводе им. Октябрьской революции местные рабочие отказались работать, заявляя, что заведующий механическим цехом Петерсон и его помощник Мяки отдают предпочтение «своим», ставя их на выгодные работы, часто в ущерб производству. Так, рабочий Торопов был снят с должности мастера, на его место Петерсон поставил своего сына, у которого абсолютно не было опыта. Зарплата родственнику была повышена до 47 рублей в сутки, что являлось огромной по тем временам суммой [12; ф. П-1230, оп. 6, д. 10, л. 22].

Немало было случаев прямого сокрытия неприглядных поступков соотечественников. В документах встречаются жалобы рабочих, например, такого рода: «Иностранцы постоянно пьянствуют, прогуливают по 3 дня, администрация все знает, но мер никаких не принимает, тогда как нас, русских, за один день прогула выгоняют с завода, отбирают карточки и выселяют с квартир» [12; ф. П-1230, оп. 7, д. 6, л. 76.].

Конфликты и противостояние выливались порой в серьезные столкновения, наносившие урон производству и угрожавшие жизни людей. Так, по заявлению главного механика Онегзавода, в течение одной декады на заводе случилось 4 аварии, которые явно были подстроены. Например, в апреле 1933 года механик машинного отделения Кирпасов перед уходом с работы выпустил всю воду из нагретого бака, зная, что следом придет бригада рабочих, недавно прибывших из Америки. В результате произошла авария, несколько человек получили ожоги [12; ф. П-1230, оп. 6, д. 20, л. 11].

Очень непросто складывались отношения с местным населением и в быту, где еще ярче выявлялись этнокультурные различия. В Америке и в Финляндии те условия жизни, в которых оказались иммигранты, являлись нищенскими, убогими, в Карелии же они считались «богачами», «буржуями». Вещи, которые привозили иммигранты, были в диковинку местному насе-

лению, многого никогда прежде не видевшему. Одежда приезжих также сильно отличалась от того, в чем ходили местные жители. Стремление финнов даже в чудовищных условиях барачной жизни создать хоть какое-то подобие уюта и чистоты воспринималось соседями как мешанство и мелкобуржуазность.

Особенно остро эти различия ощущали женщины. Советские женщины, трудившиеся до изнеможения наряду с мужчинами, не понимали, как можно сидеть дома с детьми, и называли финок «тунеядками», «лентйками», привыкшими в своей буржуазной стране жить «за чужой счет». Те в свою очередь презирали соседок за вечно грязные полы, неухоженных детей, запущенный двор (интервью с Э. Леметти. 28 февраля 2002 года). Власти фиксировали и эти конфликты: «Жены инорабочих, оторванные от производства, не знающие языка, ведут изолированный образ жизни и зачастую поддаются нездоровым настроениям на почве бытовых неполадок» [12; ф. П-3, оп. 2, д. 790, л. 20].

Непросто складывались отношения и между детьми. По воспоминаниям американских финнов, они все время боялись, что местные дети будут над ними смеяться или побьют (интервью с П. Корганом. 24 апреля 2002 года). Часто возникали ссоры в школах, где существовали финские и русские классы. Это отразилось в воспоминаниях иммигрантов: «Во дворе школы мы часто видели русских детей, но никогда с ними не общались, а только дразнились. Русские кричали нам “Finka-blinka”, а мы отвечали им “Russkipusski”...» [27] Неоднократно случались и драки.

Активность финнов – создание драматических кружков, хоровых студий, спортивных секций, организация собственного оркестра, различные мероприятия – вызывали открытое непонимание местного населения. Соседи просто не могли поверить, как в такое сложное время, не имея нормальных средств к существованию, можно заниматься какой-то добровольной деятельностью. Зачастую рождались подозрения, что американцы, помимо инснабовского снабжения, получают от финского руководства еще дополнительные средства, иначе, почему они могут петь, играть, заниматься спортом в то время, когда все голодают.

Важной причиной, затруднявшей процессы интеграции и провоцировавшей конфликты, был языковой барьер. Нежелание учить русский язык, что было свойственно многим североамериканским переселенцам, особенно женщинам, обуславливалось не только широким распространением в республике в первой половине 1930-х годов финского языка. Это свидетельствовало и о том, что Карелия не стала для первого поколения иммигрантов родиной, и они продолжали ощущать себя здесь временными постояльцами. Полное неприятие окружающей действительности выливалось в крайне негативное отношение к русскому языку и нежелание знакомиться с мест-

ной культурой. «Как только мама видела русский алфавит, – вспоминала Мейми Севандер, – у нее тут же начиналось головокружение» [30; 49]. Во многих случаях единственным связующим звеном с окружающим русскоязычным миром становились дети, которые гораздо быстрее и легче адаптировались в новых условиях.

Понятно, что большинство производственных и бытовых конфликтов были вызваны сложными причинно-следственными связями. За малозначительным, на первый взгляд, поводом (таким, например, как проигрыш русских финнам в шахматы [12; ф. П-6153, оп. 3, д. 253, л. 113]) нередко прослеживается целый ряд существенных скрытых причин. Чаще всего при изучении конкретного конфликта выявляется постепенное накопление и наложение разнородных факторов, приводящих к срыву, – от конкретных недостатков на производстве и бытовых неурядиц до специфики восприятия иностранцами всех аспектов советской действительности и серьезных культурно-ментальных различий. Для населения Карелии все в приезжих было чужое – и манера работать, и инструменты, и образ жизни, и одежда, и поведение в быту, и реакция на окружающую действительность. Поэтому на все жалобы иностранцев о плохом питании, жилищных условиях, на недостатки в работе ответ зачастую был один: «Езжайте в свою Финляндию или Америку, буржуям нечего здесь делать!» [12; ф. П-3, оп. 2, д. 790, л. 15], [12; ф. П-1230, оп. 2, д. 9, л. 31; оп. 7, д. 6, л. 123]

В создавшейся ситуации вполне понятно стремление иммигрантов самоизолироваться, замкнуться в тесном мирке себе подобных. Обычно иностранцы селились компактно, старались работать отдельными коллективами, как можно меньше соприкасаясь с местными рабочими, администрацией и соседями. Отдыхать и общаться они также предпочитали в своей среде. Изоляционизм финнов, который впоследствии послужил одним из поводов к обвинению

всех иммигрантов в буржуазном национализме, был формой самосохранения.

По мере того как изменялась обстановка (отмена инсубовских норм, уравнивание в правах, реэмиграция самых недовольных, совместная трудовая деятельность, улучшение условий жизни и т. д.), менялось и отношение населения к иммигрантам. В новой ситуации, когда в республике начинает набирать обороты борьба с финским буржуазным национализмом, местное население постепенно осознает, насколько приезжим, привыкшим к совершенно другим условиям жизни, тяжелее, чем им самим. С конца 1933 года в документах практически перестают появляться свидетельства о конфликтах местного населения с иммигрантами. Наоборот, в архивных материалах середины – второй половины 1930-х годов, так же как в воспоминаниях и интервью самих финнов, можно отыскать свидетельства сочувствия к гонимым и примеры многочисленных случаев взаимопомощи, когда местные старались поддержать иммигрантов в критической ситуации (см., например, [27], интервью с Т. Прянно. 5 апреля 2002 года). Именно тогда, как вспоминает одна из приехавших, «мы чувствовали, что постепенно начинаем понимать друг друга. Хотя мы еще совсем плохо знали язык, но могли как-то договориться, что-то обсудить. Мы, дети, часто переводили родителям то, что говорили русские» (интервью с Т. Прянно. 5 апреля 2002 года).

Тем не менее представляется, что применительно к первой половине 1930-х годов (период, когда численность финнов-иммигрантов в Карелии была наибольшей за всю историю автономии – около 15 тысяч) говорить о готовности населения республики и иммигрантов понять и принять культуры друг друга не приходится. Проблема взаимного приспособления оказалась одной из наиболее острых для обеих сторон, и в обоих случаях на первых порах были избраны стратегии сепаратизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аленикин Г. Не хочу стать дезертиром // Красная Карелия. 1932. 17 сентября. С. 3.
2. Андрияйнен А. И. Движение пролетарской солидарности зарубежных финских трудящихся с Советской Карелией // 50 лет Советской Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1969. С. 180–197.
3. Барон Н. Региональное конструирование карельской автономии // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 279–308.
4. Декреты Советской власти. Т. VIII. М., 1976. С. 298–299.
5. Журавлев С. «Маленькие люди» и «большая история». Иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2000. 352 с.
6. Журавлев С. Производственные конфликты с участием иностранных рабочих на советских предприятиях 1930-х гг. Электронный ресурс // <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB3/zhuravlv.htm>.
7. Журавлев С. В., Тяжелникова В. С. Иностранная колония в Советской России в 1920–1930-е годы. (Постановка проблемы и методы исследования) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 179–189.
8. Иоффе А. Е. Деятельность зарубежных обществ дружбы с Советским Союзом // Вопросы истории. 1966. № 3.
9. Коронен М. М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л.: Лениздат, 1969. 224 с.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: В 2 т. М.: Политиздат, 1953.
11. Красная Карелия. 1931, № 41, 123, 291; 1932, № 8, 54, 73.
12. Национальный архив Республики Карелия (НА РК).
13. Новиков К. Как Россия трудоустроивала иностранцев. Электронный ресурс // <http://www.rokf.ru/carera/2007/12/10/102108.html>.
14. Перепись населения АКСОР 1933 г. Вып. III. Петрозаводск, 1935. 59 с.

15. Психологическая и социокультурная адаптация иммигрантов. Электронный ресурс // <http://www.faror.com/cpg134/albums/userpics/10002/>.
16. Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. 1926–1941. Петрозаводск: Карелия, 1984. 198 с.
17. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1924–1937. (СЗ СССР).
18. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917–1938. (СУ РСФСР).
19. Советское народное хозяйство, 1921–1925. М., 1960. С. 531.
20. Такала И. Р. Финны в Карелии и в России. История возникновения и гибели диаспоры. СПб.: Нева, 2002. 171 с.
21. Такала И. Р. Финны в восприятии жителей советской Карелии (1920–1930-е гг.) // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород, 2004. С. 271–280.
22. Тарле Г. Я. Российские документы о правилах въезда и выезда за границу в 20-х годах XX в. (Анализ источников). Электронный ресурс // <http://www.rostmuseum.ru/publication/srm/013/tarle01.html>.
23. Щебетенко С. А., Корниенко Д. С., Балева М. В. Восприятие иммигрантов русскими: стереотип и угроза Я (постановка проблемы). Электронный ресурс // http://www.psu.ru/psu/files/2216/05_2006.pdf.
24. Kangaspuro M. Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2000. 402 s.
25. Komulainen E. A. Grave in Karelia. New York: Braun Brumfield, 1995. 128 p.
26. Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power. New York: Northwestern University Press, 1975. 359 p.
27. Miettinen H., Jorganson K. Petettyjen toiveiden maa. Saarijärvi, 2001. 198 s.
28. Pogorelskin A. Why Karelian Fever? // Siirtolaisuus Migration. 2000. № 1. P. 25–26.
29. Ranta K. Arpi korvassa ja sydämessä. Helsinki: Arator, 2000. 455 s.
30. Sevander M. They took my father: A Story of Idealism and Betrayal. Duluth, Minnesota: Pfeifer-Hamilton, 1991. 190 p.
31. Takala I. Finnish immigrants in the Soviet Karelia in 1920s and 1930s – the study of ethnic identities // Challenges of Globalisation and Regionalisation. Proceedings I from the conference Regional Northern Identity: From Past to Future. Luleå, 2007. P. 57–69.
32. Tuomi K. Isänmattoman tarina. Amerikansuomalaisen vakoojan muistelmat. Porvoo, 1984. 190 s.

УДК 94(71).06 + 94(47).084.6

ВАРПУ ЛИНДСТРЁМ

профессор университета Йорк, Канада
varpu.lindstrom@gmail.com

**«РАЙ ИЛИ АД НА ЗЕМЛЕ?»
ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ВОЙНА СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ 1934–1935 ГОДОВ
В ОСВЕЩЕНИИ ФИНСКОЙ ПЕЧАТИ КАНАДЫ**

В данной работе анализируются три документа, представляющие противоречивые попытки объяснить канадским финнам изменяющиеся условия жизни и политику Советской Карелии в 1933–1935 годах. В работе описывается возрастающий страх перед «финским буржуазным национализмом» в Советской Карелии и противоположные оценки происходивших в Советской Карелии событий.

Ключевые слова: история, Советская Карелия, Канада, иммиграция, вербовка, Финская организация Канады, переселенческое правление

ВВЕДЕНИЕ

Массовое переселение канадских финнов в Карельскую Автономную Советскую Социалистическую Республику, организованное Обществом карельской технической помощи, достигло кульминации в 1931–1932 годах, а в 1933–1934 годах сотни разочарованных иммигрантов уже возвращались обратно в Канаду. И. Р. Такала приводит данные, согласно которым к осени 1935 года вернулось около 1500 человек [7; 120]. Многие из тех, кто вернулся, довольно спокойно отзывались о своем пребывании в Советской Карелии, хотя были и те, кто во всеуслышание заявлял о своих обманутых надеждах. В финском обществе начали распространяться слухи и неприятные истории об условиях жизни в Карелии, так же как и обвинения в обмане и дезинформации. Две финноязычные канадские газеты «Канадские известия» («*Canadan Utiset*») и «Свободное слово» («*Vapaa Sana*») публиковали отзывы вернувшихся из Карелии [4; 181–186], [1]. Ува-

жаемый социалист В. Суомела был автором наиболее важного источника «*Kuusi kuukautta Karjalassa: Mitä siirtolainen näki ja koki Neuvosto-Karjalassa*» («Шесть месяцев в Карелии: что увидел и пережил иммигрант в Советской Карелии»). Этот документ был опубликован в газете «*Vapaa Sana*» в Садбери в 1934 году. В то же время «капиталистическая пресса» принижала советские достижения, обвиняя Советский Союз в использовании принудительного труда для своих грандиозных строительных проектов, в дисциплинарных арестах и в том, что советские власти морят голодом своих граждан.

Чтобы пресечь распространение сплетен и обвинений, по приглашению Эдварда Гюллинга, главы Совета народных комиссаров КАССР, Финская организация Канады (далее – ФОК) решила послать в Советскую Карелию делегацию для исследования и последующего доклада о действительных жизненных условиях в регионе. В то же самое время североамериканские жители Советской Карелии подготовили свой

ответ на обвинения вернувшихся соотечественников. Этот документ назывался «Отзыв 1483 рабочих, переехавших в Советскую Карелию, о происходящем в крае». Доклад делегации ФОК и отзыв 1483 карельских рабочих были опубликованы издательством «Varaus Press» в книге «Sosialismin voittokulku Karjalassa» («Триумф социализма в Карелии») в конце октября 1935 года в Садбери.

Одной из целей данной работы является изучение причин так называемого разочарования, о котором, в частности, писал В. Суомела. Это, в свою очередь, поможет проанализировать ответное обращение карельских рабочих и результаты проведенного в 1935 году исследования действительных условий жизни в Советской Карелии. Главная же цель нашей работы заключается в том, чтобы понять, как преданные социалисты пришли к совершенно противоположным оценкам экономических, социальных и политических условий жизни. Анализ этих трех противоречивых документов позволит выяснить, насколько достоверна представленная в них информация об условиях жизни в Советской Карелии.

ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ В КАРЕЛИИ

В. Суомела вместе с семьей переехал из Канады в Карелию в 1932 году и вернулся шесть месяцев спустя – в 1933 году. Как следует из его собственных слов, он был искренним социалистом, «пропитанным духом коммунизма», и твердо верил в социалистические возможности Советской Карелии. Ему потребовалось два года после возвращения в Канаду, чтобы собраться с духом и написать о том все же горьком опыте, который ему довелось пережить. Он объяснил это так: «Я долго колебался, но потом решил рассказать правду» [5; 4]. «Правда» Суомела представляла собой жестокие нападки на иммиграцию в Карелию и на экономическое и политическое положение в республике. Его работа объемом в 64 страницы была напечатана в издательстве «Varaa Sana Press» и вышла в свет большим тиражом. Издательство выступало против переселения в Карелию. Газета «Varaa sana» («Свободное слово»), выпускаемая издательством, была новой в Канаде. Она была учреждена в 1931 году в Садбери, Онтарио, бывшим издателем более радикальной финско-канадской газеты «Varaus» («Свобода»). В 1935 году «Varaa sana» была социал-демократической газетой в противоположность социалистической газете «Varaus», официальному органу ФОК.

Первый вопрос, который необходимо поставить в данной работе, – почему Суомела так долго не решался написать правду о происходящем в Карелии, ведь это делало его посмешищем в глазах бывших товарищей в Северной Америке и Карелии. Главным мотивом для него было предостеречь других от ошибок. Суомела не брал на себя личную ответственность за свой

выбор. Он считал себя обманутым вербовщиками, пропагандой, которая велась из Карелии, и «деловыми людьми» из ФОК и КТА. Он был уверен, что руководство переселенческого управления наживалось за счет иммигрантов, присваивая себе их плату за проживание: «...мы позволяем делать из себя дураков людям, лгущим нам и присваивающим наши деньги. Они воруют наши с трудом заработанные небольшие накопления во имя революции. И мы верим в ложь, которую распространяет клика людей во имя массового переселения этих рабочих» [5; 4–5].

Суомела предполагал, что в условиях жесткой цензуры и страха перед возможными последствиями новости, которые достигали Северной Америки из Советской Карелии, строго контролировались пропагандой. Родственники не осмеливались написать что-либо отрицательное, и официальные известия о достижениях повторялись дословно, в то время как втайне Карелию («Karjala») называл «Kurjala» («место страданий»). По словам Суомела, те, кто посещали Советскую Карелию, получали ошибочное представление о происходящем в крае, не соответствовавшее действительности, так как их сопровождали в специальные школы, демонстрировали склады с запасами или рабочие места, которые представляли республику в наилучшем виде. Это ошибочное изображение Карелии было впоследствии увековечено во многих путевых заметках. Те иммигранты, которые вернулись в Канаду, разделились во мнениях о своем переселении. Суомела писал, что уже на корабле, на обратном пути в Канаду шли жаркие дискуссии о жизни в Карелии. Некоторые предпочли не высказывать своего мнения, другие же считали, что им стоит, как и раньше, хвалить советскую систему в интересах более активного переселения рабочих, а некоторые решили, что следует рассказать правду о своем карельском опыте. Главной целью, стоявшей перед В. Суомела, было рассказать правду. В первом же абзаце он обещает ответить на вопрос: «Были ли это рай на земле или ад?» [5; 2]. Как казалось, компромисс невозможен. В своей критике он опирался на два главных вопроса: насколько высоким был уровень жизни в Советской Карелии и насколько свободны были рабочие в социалистическом государстве.

В. Суомела подробно отвечает на вопрос об уровне жизни. Он ссылается на большое количество статистических и «приукрашенных» новостей из Советского Союза. Он хотел выйти за рамки официальной пропаганды и исследовать, как быстро и насколько уровень жизни, образовательные и культурные достижения возросли с тех времен, как большевики стали контролировать территорию Карелии. Были ли разрекламированные социальные достижения (бесплатное образование, здравоохранение, страхование по безработице, пенсии по старости) в действительности выше, чем в капиталистических странах? «Правда» В. Суомела основывалась на ис-

ториях людей, многие из которых были хорошо известны в Канаде, что не оставляло сомнений в правдивости его повествования. Такой метод позволял ему подтвердить статистические данные на отдельных примерах и персонифицировать опыт иммигрантов.

Суомела был разочарован уже с самого первого дня, когда ступил на Советскую землю. Он был ошеломлен преступностью, бедностью, ветхим состоянием зданий и грязью в Ленинграде; он не предполагал увидеть так много милиционеров и солдат в форме, которые, казалось, надзирали за всем, и он был обеспокоен неорганизованностью и большим количеством запретов. Следующим его разочарованием стала «страшная» поездка с детьми в холодном и грязном поезде. Впечатление от Карелии усугублялось не соответствовавшими никаким требованиям условиями проживания в построенных для иммигрантов бараках в Петрозаводске, которые не обеспечивали уединения и укрытия для его семьи. Парадоксально, что в богатой лесами Карелии не хватало дров. И все же самым большим разочарованием для него стало плохое качество еды. Он писал: «Всю свою жизнь я путешествовал по суше и по морю — я видел и пережил многое — но еще никогда я не испытывал такого разочарования, как в этом доме для иммигрантов. Я никогда не думал, что мои будущие надежды были настолько мрачны, насколько были они сейчас. Я видел многих мужчин, женщин и детей, плачущих в этом доме. Родители плакали от разочарования, а дети плакали от голода...» [5; 8].

По словам Суомела, плохая еда, которой они были вынуждены питаться в Карелии, не позволяла бороться с болезнями. Люди болели повсюду. В. Суомела был даже свидетелем смертей от голода, особенно среди местного населения, не обладавшего особыми привилегиями, которые были предоставлены американцам. Суомела был поражен большим количеством больных детей, эпидемиями, он был шокирован состоянием медицинского обслуживания, условиями в больницах и длинными очередями. Медицинское обслуживание, возможно, и было бесплатным, но оно не было легкодоступным, и, как следствие, люди страдали, а многие дети умирали. И вновь Суомела подробно говорит о действительных случаях, реальных страданиях хорошо известных в Канаде людей. Он заканчивает: «Признаки голода можно увидеть на всех лицах, так же как и признаки страдания и отчаяния. Где же столь обсуждаемое благополучие?» [5; 16].

Обещанное бесплатное обучение, доступное всем, было сильнейшим побуждающим мотивом для североамериканских иммигрантов. По словам Суомела, это было слишком преувеличено. Он заявляет, что две трети местного населения были неграмотными. Хотя посещение школы было обязательным, в течение всех шести месяцев, что Суомела жил в Карелии, никто и не говорил о том, что его детям следует идти в школу.

В случае подобных требований Суомела сделал бы все возможное, лишь бы не отправлять детей в школу, так как, по его словам, это было бы равносильно «убийству» ввиду свирепствовавших болезней, эпидемий, а также бедности, сквозняков и холода в школьных зданиях.

Разочарование у Суомела вызвала и ситуация с работой. По его словам, многие рабочие были проданы, как рабы, на разные карельские предприятия. Суомела, который был автомехаником, не оставалось ничего другого, как принять предложенную работу и согласиться на зарплату, о чем от его имени договорился Калле Аронен, «глава этой работоторговли» в переселенческом управлении.

Суомела оспаривал провозглашенный семичасовой рабочий день. Он заявлял о том, что рабочих заставляли работать дополнительные часы и даже дополнительные дни, причем без всякой компенсации. Многие считали такой темп работы нереальным, особенно из-за плохого питания. Жалобы не допускались, а забастовки запрещались. Результатом критики могло стать занесение в черный список или объявление такого человека врагом народа со страшными последствиями. Все были обязаны состоять в профсоюзе, но рабочие фактически не имели права голоса в решении профсоюзных дел.

Замечания Суомела ограничивались условиями жизни североамериканских иммигрантов. Он очень сожалел о страдающих карелах, особенно о тех, кто жил за счет сельского хозяйства, о кулаках, чья жизнь была невыносима. Используя карельский диалект, Суомела заставлял звучать правдоподобно высказывания «старых» карелов, которые рассказывали ему, что, какой бы плохой ни была ситуация в России до революции, какими бы плохими ни были условия жизни в Карелии и какими бы мучительными ни были страдания в прошлом, никогда не было так плохо, как при современном режиме коммунистической диктатуры.

Вторую основную тему книги Суомела составляет вопрос: были ли свободны рабочие Советской Карелии? Несмотря на свое разоблачение республики, Суомела тем не менее заявлял, что сохраняет приверженность социализму. Он утверждал, что капиталистическая система потерпела крах и движется к своей неизбежной кончине, и он критикует не социалистические принципы, а то, что эти принципы были разрушены в Советской Карелии. Помимо того что рабочие не были обеспечены надлежащим уровнем жизни и обслуживания, который был им обещан, у них также не было никакой власти и свободы. Суомела кратко резюмирует свои наблюдения следующим образом:

«Свободы рабочих

Обладали ли они свободой печати? — Нет.

Обладали ли они свободой собраний? — Нет.

Обладали ли они свободой слова? — Нет.

Было ли у них право на стачки? — Нет.

Было ли у них право менять место работы без разрешения? – Нет.

Было ли у них право путешествовать? – Нет.

Могли ли они покинуть рабочее место в какое-либо время, кроме указанного? – Нет.

Было ли у них право выбирать, что есть? – Нет.

Было ли у них право выбирать своих представителей в союзы? – Нет.

Было ли у них право отправлять уставшего товарища домой отдыхать? – Нет.

Могли ли они менять место жительства без разрешения? – Нет.

Могли ли они покинуть страну без разрешения? – Нет.

Могли ли они давать еду голодающим, если у них была лишняя? – Нет.

Могли ли они селить в своем доме путешественников? – Нет.

Было ли у них право критиковать правительство? – Нет» [5; 57–58].

Суомела заключает, что все происходившее в Советской Карелии, – это диктатура Коммунистической партии и что диктаторы контролировали каждое движение и действие рабочих. Для Суомела свобода в Карелии – плохая шутка. Ее просто не было. В Карелии была лишь одна политическая партия, ВКП(б), и даже она часто очищалась от «ненадежных» элементов – тех, кто осмелился высказать недовольство или критиковать партию. Одна из больших чисток была проведена весной 1933 года, в то время когда Суомела был в Карелии.

Суомела был также разочарован и неравенством людей в Карелии, классовыми различиями, которые были видны повсеместно: в поездах, на рабочих местах, на улице. Даже американские машины, которые привезли рабочие, теперь принадлежали руководству партии. Оно же обладало лучшими условиями жизни, могло нанимать слуг и не занималось физическим трудом. С равным презрением Суомела относился и к своим товарищам-американцам, даже к тем, которые были активными социалистами, организаторами профсоюзов в Северной Америке, включая Калле Аронена, который пренебрегал социалистическими принципами в Советской Карелии, с радостью принимая их изменения. По этому поводу В. Суомела писал: «Мы были настолько исполнены “товариществом”, что допускали для себя лучшие жилищные условия, получали в четыре-пять раз больше еды, покупали больше одежды и обуви в специализированных складах для иммигрантов, хотя наши американские сундуки были полны одежды, в то время как русские ходили голыми и в обуви из коры деревьев. Такими были наши товарищеские отношения, это было наше равенство, о котором так много говорили. Эгоистические интересы процветали повсеместно...» [5; 14–15].

Суомела вспоминал, как американцы жаловались, когда в 1933 году закрыли специализи-

рованные склады. Для преданного социалиста такое поведение противоречило «истинным» социалистическим принципам равенства и приводило к разделению внутри различных народностей Карелии. По словам Суомела, карелы не любили, даже ненавидели привилегированных американцев.

В своей работе Суомела также обращается к вопросу об исчезновении людей. Он заявляет, что был свидетелем применения принудительного труда при строительстве канала, когда в ужасных условиях усиленно трудились самые несчастные люди. Суомела описывает этих «политических заключенных» как невинных рабочих, чье преступление заключалось в высказываниях против несправедливости, свидетелями которой они были, или в критике системы. Он описывает культуру доносительства и то, как люди жили в страхе перед соседями. И заключает: «Сила российских диктаторов лежала на острие их штыков» [5; 6].

Но не все в Советской Карелии имело негативный оттенок. По словам Суомела, армия казалась дисциплинированной, хорошо экипированной и внушительной по количеству солдат. Он также отмечал, что в пригородах Ленинграда видел новое, хорошо организованное промышленное производство. Он заметил, что женщины в Советском Союзе имели равное с мужчинами право работать. Они были не только плотниками, рабочими на лесозаготовках, механиками, но также и солдатами. Тем не менее их заработная плата была значительно меньше, чем у мужчин. Суомела удивило и то, как просто можно было вступить в брак и развестись. Отчасти его впечатлила и общественная деятельность: празднование Первого мая, танцы, театр и кино, и ему нравилось то, что русские женщины купались без купальных костюмов!

В России не было проблемы безработицы, а рабочим на пенсии было действительно доступно пособие по старости. Медицинские услуги были бесплатными, и все время, пропущенное по болезни, полностью оплачивалось. Однако в связи с тем что медицинские услуги не соответствовали многим требованиям, это отнюдь не было преимуществом. Суомела отмечал, что в Советском Союзе быстрыми темпами проходил процесс индустриализации, а уровень культурного развития населения повысится, когда население станет грамотным. Суомела говорил о позитивных моментах, не останавливаясь на них подробно, а в заключение вновь возвращался к прямому осуждению «диктаторского режима» Советской Карелии.

ПОБЕДОНОСНЫЙ МАРШ СОЦИАЛИЗМА В КАРЕЛИИ

Работа Суомела и другие негативные статьи в канадской печати породили жаркие дебаты и поставили много вопросов как в среде критиков, так и среди сторонников карельского пере-

селения. В связи с негативными отзывами вернувшихся ФОК счел необходимым разрядить атмосферу и отправить делегацию доверенных лиц в Советскую Карелию. Гасу Сундквисту, генеральному секретарю ФОК, была доверена организация деталей поездки. Он обсудил эту идею с Эдвардом Гюллингом, который поддерживал приезд делегации из Канады. Гюллинг пригласил делегацию посетить Карелию, пообещал, что она будет встречена в Ленинграде или в любом другом месте на границе с Советским Союзом, и согласился оплатить все расходы делегации во время ее пребывания в СССР. Более того, он отметил, что делегация приезжает уже в марте (1935 г.), когда лесные работы в полном разгаре, поэтому у ее членов будет возможность увидеть в лучшем свете развитие этой отрасли промышленности. Также стоит отметить, что в ноябре 1934 года, когда иммиграция в Карелию из Северной Америки практически остановилась, а обратная, наоборот, была в разгаре, Гюллинг писал в письме Сундквисту: «Прибытие вашей делегации приветствуется и по другой причине. Мы сможем обсудить переселение в Карелию рабочих лесной и других отраслей» (Письмо Э. Гюллинга Г. Сундквисту от 26.11.1934).

26 февраля 1935 года Сундквист получил приятные известия от генерального консула СССР в Нью-Йорке о том, что визы были готовы (Письмо генерального консула СССР в ФОК от 26.02.1935). Делегация состояла из четырех человек: А. Аутио, Н. Хейккиля, М. Хедмана и Г. Сундквиста. Она прибыла в Ленинград 25 марта 1935 года и в тот же день отправилась в Петрозаводск.

Первое впечатление о Карелии у Сундквиста было позитивным. После того как он посетил три разных места лесозаготовок около Петрозаводска и поговорил со многими канадскими и американскими рабочими, он написал личное письмо редактору финноязычной канадской газеты «*Varaus*» Уильяму Эклунду. В письме, датированном 3 апреля, он пишет: «Мы поговорили с рабочими, и не нашлось ни одного, кто хотел бы вернуться [в Канаду]... должно быть, только тот, у кого не в порядке с головой или кто преследует здесь какие-то свои определенные цели, может желать уехать отсюда в капиталистическую страну» (Письмо Г. Сундквиста У. Эклунду от 03.04.1935).

Далее Сундквист сообщал редактору «*Varaus*», что скоро получит объемную рукопись из Карелии, подписанную примерно тысячей рабочих. Рукопись, подготовленная в Карелии перед приездом делегации, была ответом на «те грубые высказывания вернувшихся, которые быстро распространили общественные фашистские газеты, такие как “*Varaa sana*” и другие» (Письмо Г. Сундквиста У. Эклунду от 03.04.1935). Сундквист настаивал на публикации рукописи сначала в газете «*Varaus*», а потом на издании ее в виде книги для дальнейшего распространения. Он ручался за точность содержания, так как у него

была возможность видеть ситуацию в Карелии и он читал рукопись.

Перед тем как делегация в конце мая 1935 года отправилась обратно в Канаду, у ее членов была возможность понаблюдать за празднованием Первого мая в Ленинграде, что, к примеру, Сундквист счел зрелищем, приводящим в ужас. В Нью-Йорк делегация добиралась морем. По пути члены делегации написали памфлет, который предполагалось опубликовать. В этом памфлете они рассказывали о своих наблюдениях и впечатлениях. 3 июня 1935 года Сундквист отправил рукопись за комментариями Калле Аронену в переселенческое управление Петрозаводска. Сундквист отметил, что памфлет был написан как дополнение к рукописи, присланной из Карелии рабочими. Сразу после возвращения члены делегации сначала группой, а потом индивидуально стали сообщать хорошие новости о Советской Карелии недоверчивому финноязычному населению Канады (Письмо Г. Сундквиста К. Аронену от 03.06.1935).

Во время бесед у канадцев была возможность напрямую задать вопросы членам делегации, но наиболее действенным способом более широкого распространения информации о Советской Карелии было использование печатных средств массовой информации. В октябре 1935 года наблюдения членов делегации вместе с рукописью карельских рабочих, отправленной в редакцию «*Varaus*», были изданы в виде книги «*Sosialismin voittokulku Karjalassa*» («Триумф социализма в Карелии»). Первая часть книги (27 страниц) называлась «1483 Neuvosto-Karjalaan siirtyneen työläisen lausunto siitä, mitä tapahtuu Neuvosto-Karjalassa» («Отзыв 1483 рабочих, переехавших в Советскую Карелию, о происходящем в крае»). Все 1483 рабочих не могли коллективно написать эту работу, поэтому автор или авторы умышленно предпочли анонимность. Сам текст написан от имени рабочих: «...мы, североамериканские рабочие, верим...» Однако в июне 1935 года Сундквист отправил Калле Аронену, главе переселенческого управления Карелии, письмо, в котором ссылался на данный документ и высказал предложение о его публикации (Письмо Г. Сундквиста К. Аронену от 03.06.1935). Возможно, Аронен сам не был автором документа, но его ведомство отвечало за доставку этого письма для финноязычной американской прессы. В документе преследовались две цели: дискредитировать информацию и информаторов, вернувшихся из Карелии, и распространить статистические и фактологические свидетельства о триумфе социализма.

Вторая часть (30 страниц) «Триумфа социализма» включала рукопись самой делегации «*Canadan suomalaisten raatajien Neuvosto-Kajalanlähetytystön lausunto*» («Отзыв тружеников финско-канадской делегации, побывавших в Советской Карелии»). Под этой главой подписались четыре члена делегации. Их точные и под-

робные отчеты с подлинными сведениями о Советской Карелии и представлены в этой главе.

Тон первой части, написанной «1483 рабочими», можно охарактеризовать как раздраженный, агрессивный, а временами и угрожающий. В документе отражено изменение отношения к политике коренизации, которая была направлена на поддержку местных народностей и сохранение их культуры и языка. В работе на первый план выдвигается все усиливающаяся вероятность неизбежной войны в регионе и подозрение того, что в среду североамериканских иммигрантов проникли диверсанты и скомпрометировали их. Хотя документ в первоначальном черновом варианте был составлен еще до отстранения от власти лидеров политики «финнизации» в Карелии Густава Ровио и Эдварда Гюллинга, тем не менее в виде книги он был издан лишь после того, как эти два финских лидера Карелии были свергнуты. Целью работы было опровергнуть всеми возможными способами негативную пропаганду, «беспрецедентные, необузданные, неистовые нападки на Советский Союз». В работе осуждались «черная клевета» вернувшихся иммигрантов, «буржуазные агенты, маскирующиеся под рабочих» в Канаде и США. Публикация Суомела вскоре стала объектом презрения и насмешек и часто цитировалась. Ее автор (в работе не упоминалось имени Суомела, только заголовок) был назван агентом белой Финляндии, а его письма – пропагандой Академического карельского общества, неотличимой от антисоветской пропаганды Финляндии. Предполагалось, что он со многими другими также неназванными североамериканскими иммигрантами выехал в Карелию с первоочередной целью – дискредитировать пролетарское отечество и особенно Советскую Карелию. В работе подчеркивалось, что в это же время иммигранты прокладывали путь давно спланированному и неизбежному вооруженному вторжению финнов в Карелию. Авторы убеждали, что «столкнувшись с подлинными фактами и действительной информацией, вся структура лжи социал-фашистов и белых бандитов разрушится из-за своей собственной гнили» [6; 6–7].

В работе доказывалось, что не было совпадением то, что эти агенты, выдающие себя за иммигрантов, сейчас вели свою омерзительную пропаганду в Северной Америке, когда похожие коварные планы дискредитировать Советский Союз, включая террористические акты, такие как убийство Сергея Кирова, так и не были раскрыты советскими властями. Цели, преследуемые вернувшимися иммигрантами и всеми другими диверсантами, были одинаково направлены против Советского Союза. Вернувшиеся делали свои первые шаги в войне против СССР. «Этот этап, предшествовавший вооруженной атаке, проходил без использования оружия, но тем не менее был войной» [6; 10]. Миссия этих североамериканских агентов-иммигрантов, считавших-

ся «экспертами», состояла не только в том, чтобы распространить ложную информацию о Карелии в Канаде и США, но и чтобы посеять чувство недовольства среди рабочих в Карелии. Они вели «кампанию шепотом», восхваляя капиталистическую систему и Северную Америку. Они жаловались на все в Карелии и предрекали неизбежную кончину социалистической системы. Эти агенты, враги собственного класса, умело проникали в организации североамериканских рабочих, чтобы таким образом их разрушить, и именно они отправились в Карелию в качестве диверсантов. Как следствие, эти агенты-иммигранты из Северной Америки совершенно не могли распознать многие достижения Карелии, так как были ослеплены своей специальной миссией – разрушить социалистическую систему и помочь распространению «Великой Финляндии» на территорию Карелии. В памфлете доказывалось, что уже по одной этой причине все, что говорили вернувшиеся иммигранты, не заслуживало доверия.

Раскритиковав доносчиков, авторы работы перешли к подробному освещению статистических данных о стремительном развитии карельской экономики, увеличении зарплаты рабочим, об искоренении безработицы, быстрой индустриализации Советской Карелии, о строительстве фабрик и заводов и о прогрессе процесса коллективизации. На первое место в работе ставится равноправие женщин и достижения в здравоохранении. Одним из главных требований было истребление безграмотности: «...безграмотности уже практически нет, а через два года она уже точно исчезнет» [6; 15]. Далее в памфлете утверждалось, что преподавание на двух языках «точно подтвердит, что пролетариат окончательно разрушил царистскую политику русификации». Во время между написанием этого документа и его публикацией примиренческая политика по отношению к национальным меньшинствам стремительно менялась, и центральное место заняла борьба с «финским буржуазным национализмом». Осенью 1935 года многие финские лидеры были выселены, сотни арестованы, а языковая политика Карелии отнюдь не была незыблемой. Маркку Кангаспуру отмечает возникшую задержку во времени между официальными заявлениями и непосредственным изменением политики по отношению к национальным меньшинствам Карелии [2; 282–322]. Часто события в Карелии менялись с такой скоростью, что входили в противоречие с официальными опубликованными заявлениями. Критики памфлета в Канаде быстро ухватились за эти несоответствия.

Одним из главных пунктов рукописи 1483 рабочих было наделение рабочих широкой властью в системе советской демократии. Они имели бы право голосовать и коллективно разрешать проблемы, возникающие в Карелии. «Мы – хозяева нашей земли, мы – рабочие нашей собст-

венной социалистической страны» [6; 31]. Далее в документе объясняется, что диктатура пролетариата в действительности является самой демократичной формой правления: это – «реальная демократия, которая поддерживает желания большинства». Эта часть документа шаг за шагом опровергает заявление об иллюзорной власти рабочих, сделанное Суомела в «*Kuusi kuukautta Neuvosto-Karjalassa*» («Шесть месяцев в Советской Карелии»).

В работе признавалось, что вместе с успехами, сопровождавшими развитие Советской Карелии, возникали и сложности, такие как нехватка продовольствия, жилья, еды. Однако эти сложности не идут ни в какое сравнение с «невероятными» достижениями. Авторы работы выражали уверенность в том, что эти трудности можно преодолеть коллективными жертвами и тяжелым трудом преисполненных энтузиазмом строителей социализма в Карелии. Заключительное предложение анонимного памфлета 1483 североамериканских рабочих Советской Карелии звучало злое. В нем резко заявляется, что рабочие больше не будут терпеть критику в адрес Советского Союза и его руководства. Они призывали к более бдительной и решительной поддержке товарища Сталина, лидера всех рабочих мира, «путем подавления всякой антисоветской деятельности с самого ее появления» [6; 33].

Вторая часть книги совершенно противоположна первой как по манере написания, так и по содержанию. Доклад делегации носит размеренный, спокойный и даже примирительный характер. Члены делегации говорят о многих сложностях и пытаются понять, почему некоторые иммигранты были разочарованы и хотели покинуть Советскую Карелию. В этой части подробно описываются примитивные жилищные условия на лесозаготовках и в городской среде, порционное питание. Вторая часть книги написана в оптимистичном тоне. Если Куусела видел только нищету и страдания, то Сундквист и его коллеги видели прогресс и надежду на лучшее завтра. Если Куусела видел разочарованных рабочих, то члены делегации встретили рабочих, которые были довольны своим положением и для которых гораздо лучше было трудиться в карельских лесах, чем быть безработными в Канаде. Члены делегации утверждали, что те, кто уехал, – «20 процентов» от всего количества иммигрантов – были меньшинством, прибывшим в Советский Союз по ошибке; они были не подготовлены к сложностям и не смогли приспособиться к новой системе, несмотря на то, что все они получили информацию о возможных трудностях в Карелии еще до отправления. Члены делегации утверждали, что 80 процентов – те, кто остался, – были довольным большинством. По словам делегации, те, кто хотели уехать, могли беспрепятственно это сделать.

Сундквист и его коллеги были впечатлены быстрым строительством инфраструктуры в Ка-

релии. Они видели улучшения на Кировской железной дороге, наблюдали строительство дорог и каналов. Они посетили новые заводы и были впечатлены энтузиазмом рабочих, а также их обязательством добровольно работать сверх нормы. Они даже не упоминали о заключенных и «рабском» труде. Они видели признаки улучшения в строительстве жилья, больниц, школ и других общественных и культурных учреждений. Иными словами, они видели «строящееся» социалистическое государство и были уверены, что когда его строительство закончится, социалистическая система обгонит в своем развитии любую капиталистическую систему правления.

Сила доклада делегации заключалась в том, что члены делегации пытались всегда поддерживать спокойный и фактологический тон. В докладе приводилась подробная информация о жизненных условиях, условиях работы и зарплате в Карелии. Это был преднамеренный расчет. Авторы знали, что это была та информация, которую желал увидеть североамериканский читатель. Они были обеспокоены серьезными обвинениями Суомела и вернувшихся иммигрантов. Они хотели дать не пламенную пропаганду и обвинения, а информацию и подробности, которым можно верить. Казалось, что Сундквист несколько беспокоился о неполитическом характере доклада. Когда Сундквист отправлял черновик доклада Калле Аронену, он сконфуженно писал: «Мне хотелось бы кратко охарактеризовать этот доклад. Возможно, вы найдете его слишком подробным, характеризующим даже самые мелкие нюансы, другими словами, неполитическим. Это действительно так. Но, как вы знаете, другие члены делегации были особенно заинтересованы в незначительных деталях именно такого рода. Принимая во внимание то, что этот документ, отправленный из Карелии, вскоре был здесь опубликован, я считаю необходимым дать объяснение деталей» (Письмо Г. Сундквиста К. Аронену от 03.06.1935).

Сундквист рассказал о своих политических взглядах во введении к книге, где он также обвинил вернувшихся иммигрантов в вынашивании скрытых мотивов дискредитации социализма. Он также говорил о страхе перед войной и превозносил советскую систему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнительный анализ трех источников, изданных в одно время, представляет большую важность и ценность. В отличие от писем, которые часто подвергались цензуре, или биографий, где важна оценка прошедших событий, авторы этих исследовательских документов пытались осмыслить стремительно изменяющуюся ситуацию в Карелии в 1933–1935 годах фактически одновременно с происходящими событиями. Все они имеют одну цель: рассказать правду о Советской Карелии, приводя факты и оценки оче-

видцев. «Правда», тем не менее, виделась глазами очевидца: некоторые находили жизнь в Карелии адом, другие – раем. Все документы содержат пропаганду, и их авторы пытаются убедить читателя посмотреть на ситуацию с определенной точки зрения. В. Суомела был семейным человеком. Он поехал в Карелию не только для того, чтобы строить социализм, но и чтобы дать своей семье лучшую жизнь, а детям – лучшее будущее. Его разочарование было преувеличено беспокойством о жене и детях. Его неудовлетворенность была прямо пропорциональна его ожиданиям. Очевидно, в первый же день своего прибытия в Ленинград он понял, что ситуация в СССР не так благоприятна, как о ней говорили. Не имея возможности нести ответственность за свой выбор, Суомела обвинял вербовщиков. Он был зол и мстителен. Хотя он и утверждал своей целью «помощь другим», у него также была личная необходимость свести счеты с вербовщиками. Он использовал очень грубые выражения, и его обвинения, построенные в основном на деталях, часто были сильно обобщены. Правдоподобия документу не прибавляли и такие эмоциональные обобщенные утверждения, как то, что «отправить детей в школу было равнозначно убийству». Он верил, что его разочарование разделяют все североамериканские иммигранты в Карелии и что они бы все вернулись, если бы могли.

Сила работы Суомела заключается не в его тоне, а в пронизывающих ее аналитических аспектах и в том обстоятельстве, что он провел в Карелии шесть месяцев. В работе Суомела рассказывалось не только о плохих экономической и социальной ситуациях, в ней также критикуется и путь, посредством которого строился социализм в Карелии. Его критика главным образом обрушивается на отсутствие власти и свобод, которые должны быть у рабочих в государстве рабочих. Критика диктаторской природы управления, произвола в принятии решений, подавления индивидуального голоса сочеталась с критикой Советского Союза и его социалистической системы. Заявляя о своей вере в международный социализм и одновременно критикуя его строительство в Советской Карелии, Суомела иногда противоречил своим же убеждениям.

В противоположность работе В. Суомела рукопись 1483 североамериканских рабочих носила «защитающий» и агрессивный характер. На нескольких страницах этого документа раскритикованы Суомела и другие иммигранты, которые осмелились оклеветать Советскую Карелию. В рукописи защищались все аспекты жизни и политики Советской Карелии. Этот документ,

хотя и был предназначен для североамериканской аудитории, имел и еще одну цель. Возможно, он был написан, чтобы пресечь критику профинской политики в Карелии и защитить права меньшинства. Публично обвиняя некоторых иммигрантов в том, что они были вражескими агентами и диверсантами, и утверждая, что война с Финляндией была неизбежной, финское руководство Советской Карелии, возможно, защищало свои хрупкие позиции. Демонстрируя то, что они тоже агрессивно ведут войну против диверсантов и защищают Карелию от нависшей со стороны Финляндии угрозы, они, вероятно, надеялись на смягчение критики в свой адрес в самой Карелии. Тем не менее даже агрессивный тон рукописи не убедил североамериканских читателей.

Среди всех трех документов доклад делегации носил самый спокойный и размеренный характер. Он представлял собой попытку отразить все достоинства и недостатки жизни в Советской Карелии. В нем объясняется, почему некоторые иммигранты были разочарованы, а другие довольны. Наблюдения были ограничены выбранными событиями и местами, которые посетила делегация. Выводы об увиденном были сделаны с позиций социалистического мировоззрения, которое разделяли все члены делегации. Оно отражало их непоколебимую веру в то, что капиталистическая система погибнет, а у социализма появится надежда на будущее. Это и способствовало их желанию интерпретировать свой опыт в позитивном свете.

Три исследовательских документа, три попытки «рассказать правду», являются доказательством ценности субъективного анализа. Они демонстрируют, как здравомыслящие, образованные люди с различным мировоззрением приходят к противоречивым выводам относительно одних и тех же событий и явлений. Эти документы являются примерами того, насколько сложны «миссии, ищущие истину», когда они основаны на ограниченных наблюдениях и отсутствии глубокого исторического анализа. Оглядываясь в прошлое, во всех трех документах можно найти свидетельства того, что произошло позже: чистки в среде североамериканских рабочих, массовая казнь невинных иммигрантов в 1937–1938 годах. В контексте истории Канады в 1935 году эти документы выражали противоречивые взгляды на жизнь в Советской Карелии. Исследование и анализ данных документов также показывает, почему история требует много времени для осмысления того, что произошло.

(Пер. с англ. А. Рожковой)

ИСТОЧНИКИ

- Consulate General of the U.S.S.R. in New York letter to Finnish Organization of Canada (FOC) 26.02.1935. National Archives of Canada (NAC) MG28 V46.
Gylling Edvard letter to Gus Sundqvist 26.11(1934). NAC MG 28 V46.
Sundqvist Gus letter to Kalle Aronen 03.06.(1935). NAC MG 28 V46.
Sundqvist Gus letter to William Eklund 03.04.1935. NAC MG28 V46.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Canadian Uutiset 1934; Palannut «punatauti paratolasta» 07.03.1934; Venäjältä palannut suomalainen työmies kertoo kokemuksistaan Neuvostoliitossa 15.08.1934; Published letter from M. V. Karstula 10.10.1934.
2. Kangaspuro Markku. Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta. Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä 1920–1939 / M. Kangaspuro. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Sura, 2000.
3. Kangaspuro Markku. The Soviet Depression and Finnish Immigrants in Soviet Karelia / M. Kangaspuro // Journal of Finnish Studies. 2004. Vol. 8. No 1. P. 132–140.
4. Kero Reino. Neuvosto-Karjalaa rakentamassa. Pohjois-Amerikan suomalaiset tekniikan tuojina 1930-luvun Neuvosto-Karjalassa / R. Kero. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1983.
5. Suomela V. Kuusi kuukautta Karjalassa: Mitä siirtolainen näki ja koki Neuvosto-Karjalassa / V. Suomela. Sudbury: Vapaa Sana Press, 1935.
6. Sundqvist Gus. Sosialismin voittokulku Karjalassa / G. Sundqvist. Sudbury: Vapaus Publishing, 1935.
7. Takala I. R. From the Frying Pan into the Fire / I. R. Takala // Journal of Finnish Studies. 2004. Vol. 8. No 1. P. 105–117.

(Библиографическое описание использованных источников и литературы печатается в авторской редакции. – Прим. ред.)

УДК 94(47).084.6 + 94(73).091

ПИТЕР КИВИСТОпрофессор Августана Колледжа, США
*PeterKivisto@augustana.edu***МИКА РОЙНИЛА**доктор философии, Бетель Колледж
в Мишавоке, США
*roinilam@newpaltz.edu***РЕАКЦИЯ НА ПЕРЕСЕЛЕНИЕ:
ОТВЕТ АМЕРИКАНСКИХ ФИННОВ НА «КАРЕЛЬСКУЮ ЛИХОРАДКУ»**

Данная работа посвящена исследованию различных проявлений разрозненного финского иммигрантского общества в Соединенных Штатах Америки в связи с массовым переселением североамериканских финнов в Советскую Карелию. В частности, мы сосредоточимся на размежевании, произошедшем в финских эмигрантских кругах, которое проявилось в 1920-е годы и явилось следствием коренного различия во взглядах на Советский Союз.

Ключевые слова: коммунизм, потребительские кооперативы, народная пресса, иммигранты, профсоюзное движение, «карельская лихорадка», набор рабочей силы, национализм

Переселение 25000 финнов из Финляндии и Северной Америки в Советскую Карелию в начале 1930-х годов представляет собой уникальный случай транснационализма, выявившего удивительное смешение культурных, экономических и политических аспектов жизни [16], [12] и закончившегося, к сожалению, человеческой трагедией. Несмотря на значительный объем исторической литературы по данному периоду, совершенно ясно, что мы только сейчас начинаем понимать, как развивалось такое явление, как «карельская лихорадка», какие формы оно принимало и как получилось, что финны очень скоро превратились из желанных гостей в буржуазных националистических врагов государства. Соответствующие роли государственных деятелей, Коммунистической партии США, Комитета технической помощи (организации, отвечавшей за вербовку североамериканских мигрантов в Карелию) и влиятельных лидеров в имми-

грантских радикальных кругах исследует группа ученых, непосредственно работающих в сфере межнациональных отношений. Исходя из коллективной модели поведения, для ученых важно понять, как, несмотря на риск, такое большое число финнов решили упаковать все свое имущество и отправиться в столь далекое и трудное путешествие.

Данная работа призвана внести свой вклад в это исследование, изучая различные проявления разрозненного финского иммигрантского сообщества в Соединенных Штатах Америки. Поскольку в Канаде имел место аналогичный процесс, мы не будем останавливаться на нем, а обратимся к США. В частности, мы сосредоточимся на размежевании, произошедшем в финских эмигрантских кругах, которое проявилось в 1920-е годы и явилось следствием различных взглядов на Советский Союз. Самый существенный раскол во мнениях произошел

между теми, кто рассматривал СССР как маяк и образец коммунистического развития, и теми, кто считал систему, созданную после прихода большевиков к власти, все более и более авторитарной и неизбежно подорванной сомнительной экономической политикой Кремля. Конфликт между сторонниками этих двух позиций вылился в ожесточенную борьбу за руководящие роли в кооперативном движении. Стоит отметить, что данный конфликт проявился во времена активного процесса ассимиляции финского сообщества, и так как иммигранты прочно обосновались на своей новой родине, они были менее подвержены влияниям извне, будь то старая национальная привязанность к Финляндии или идеология интернационализма.

«ЦЕРКОВНЫЕ» ФИННЫ, «КРАСНЫЕ» ФИННЫ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ФИНЛЯНДИИ

Историография финской иммиграции в Соединенные Штаты неоднократно обращалась к масштабному внутреннему расколу финнов на религиозной и политической почве. С одной стороны выступали религиозные финны, прежде всего лютеране, придерживавшиеся консервативных убеждений и относящиеся критически к социализму не только из-за неприятия его экономических основ, но и его враждебного отношения к религии. С другой стороны, радикальные финны стояли за социализм и индустриальное профсоюзное движение и выражали как антиклерикальные, так и антирелигиозные взгляды. Одной из уникальных особенностей этого специфического этнического сообщества было то, что разногласия между «церковными» финнами и «красными» финнами вели к созданию «дублирующих систем общественной организации» [8; 12], [11; 121–124]. Церкви и социалистические организации действовали как отдельные социальные силы. Ситуация становилась еще более запутанной, поскольку все прочие общественные организации стали местом для активных дискуссий и споров. В частности, ярким примером тому были общества трезвости и потребительские кооперативы. История периода формирования финской диаспоры изобилует примерами конфликтов по поводу управления этими двумя учреждениями, в которых сталкивались консерваторы и радикалы. В любом случае, ко времени революции в России данное общественное размежевание было по большей части завершено, и, по крайней мере, на этом уровне этническое сообщество действовало в значительной степени так, как будто оно функционировало внутри двух отдельных, непересекающихся сфер влияния.

Церковные финны стремились и сохранить свое исконно финское религиозное самосознание, и быть принятыми в новое общество. Со своей стороны левые были причиной антифинских настроений и, таким образом, служили

серьезным препятствием к слиянию финнов с собственно американским обществом. Вдобавок члены левого крыла развернули кампанию в поддержку советского эксперимента, и революция в России послужила лишь укреплению их убеждений, а гражданская война в Финляндии еще больше усилила враждебность между двумя лагерями. Народная пресса того времени пестрела оскорбительными высказываниями враждующих сторон. К примеру, редакторы консервативной газеты «*Päivälehti*», осуждая левых, писали: «Позор им: красная революция в Финляндии – самое постыдное дело, когда-либо совершенное в Финляндии» [14; 221]. В ответ левые изображали белых в гражданской войне «финско-немецкими юнкерами», «палачами» и «реакционными подхалимами» [9; 341].

После победы белых в войне консервативные финны в Северной Америке, казалось, все более и более теряли интерес к своим левым соотечественникам. По крайней мере, об этом позволяет судить обзор газет и других публикаций, связанных с церковными финнами. В течение 1920-х годов, предшествовавших эмиграции в Карелию, изменениям, происходившим внутри левого крыла финнов в Северной Америке, уделялось очень мало внимания. Хотя консервативные финны и считали массовое бегство в Карелию роковой ошибкой, это их не слишком занимало. Гораздо более важное значение имели споры по проблеме американизации. Например, одним из самых горячо обсуждаемых в то время был вопрос о том, следует ли поощрять распространение английского языка в церкви. Таким образом, можно заключить, что гражданская война поставила финальную точку в деле раскола диаспоры, вылившегося в два упомянутых выше отдельных этнических социальных мира.

«КРАСНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ»

1920-е годы для финских левых были «красным десятилетием», поскольку в этот период большое количество финнов приняло идеи коммунизма. Размежевание внутри левого блока стало очевидным уже двумя десятилетиями ранее, когда реформисты из социал-демократов (связанные, в частности, с газетой «*Raivaaja*») откололись от более радикальных сторонников революции, включая промышленных унионистов и воинствующих социалистов. Последние, в свою очередь, были на стороне таких газет, как «*Industrialisti*», «*Eteenpäin*», «*Toveri*» и «*Työmies*». Как и в случае с церковными финнами, к окончанию Первой мировой войны реформисты левого крыла начали вливаться в американское общество, что означало их участие в том, что Ленин будет уничижительно именовать «профсоюзами бутерброда», а также в партийной политике, как на стороне Демократической партии, так и на стороне кандидатов от третьей партии, связанных с Социалистической партией.

Многие из журналистов, связанных с газетой «*Raivaaja*», с недоверием смотрели на Октябрьскую революцию, утверждая, что мировая революция в настоящее время невозможна и, следовательно, единичное социалистическое государство не имеет реального шанса на выживание. Кроме того, Россия не прошла в своем развитии стадию капитализма, поэтому ее не рассматривали как истинного претендента на социалистическое преобразование. Приняв на веру идею Маркса о том, что буржуазия составляла революционный класс и находилась в процессе создания совершенной экономической системы, обладавшей потенциалом для заложения основ общества постдефицита, они утверждали, что Советскому Союзу еще только предстоит испытать на себе подлинный расцвет капитализма. Эти социал-демократы, включая Моисея Халю и Франса Сюръяла, не соглашались с основной предпосылкой Октябрьской революции, заключающейся в идее о том, что к социализму можно прийти, минуя стадию капитализма. Кроме того, журналисты выразили сильное беспокойство по поводу того, что экономическая отсталость России вполне может привести к этнонациональному разъединению [15; 59–60].

Активисты профсоюзного движения сразу после войны подверглись гонениям, поэтому к концу 1920-х годов являлись слабым звеном в лагере левых милитаристов. Позорное осуждение 166 лидеров организации в Чикаго в 1919 году свидетельствовало о драматическом спаде движения. В то же самое время успех революции в России заставил многих переметнуться в коммунистический лагерь. Символом этой тенденции стало дело «Большого Билла» Хейвуда. Выйдя из тюрьмы под залог, он бежал в Советский Союз. Другие лидеры времен Первой мировой войны также обратились к коммунизму, включая Уильяма З. Фостера, Элизабет Герли Флайнн и Эрла Броудера. Однако были и те, кто оставлял позиции левого фланга подобно своим коллегам из социал-демократов, выражал серьезные сомнения по поводу большевизма. Посланный с разведывательной миссией в Советский Союз Роберт Майнор представил крайне негативную оценку той централизованной и бюрократической системы, с которой ему пришлось столкнуться, сделав вывод, что это была лишь бледная тень пролетарской демократии, к достижению которой так стремилось профсоюзное движение. Но, несмотря на отступничество многих лидеров, большая часть англоязычных рядовых членов продолжали верить в профсоюзное движение [7].

Параллельное развитие было заметно и в пределах сообщества американских финнов. Генри Аскели и Вило Боуман, два видных профсоюзных лидера, критиковали коммунистов за мракобесие и авантюризм. Подобная точка зрения отражалась на первых полосах газеты «*Industrialisti*». Большинство финнов не решились при-

соединиться ни к одной из четырех коммунистических партий, появившихся в период между 1919 и 1921 годом. Это были Коммунистическая трудовая партия, Объединенная коммунистическая партия, Коммунистическая партия Америки и Коммунистическая партия Финляндии. Вероятно, это объяснялось неприятием финнами незаконных партий. Оно исчезло с учреждением Рабочей партии Америки (РПА) в 1922 году, когда Ленин защищал стратегию объединенного фронта, которая была направлена на создание легальной политической партии. Спустя год после ее основания финны составляли уже 44,7 % из 15233 членов партии. Шесть финноязычных изданий – «*Työmies*», «*Punikki*», «*Eteenpäin*», «*Toveri*», «*Toveritar*» и «*Uusi Kotimaa*» – присоединились к РПА, представляя треть общего тиража партийной прессы [15; 144].

В 1920-е годы именно в этом контексте в Америке развивалось отношение финских левых радикалов к Советскому Союзу. С одной стороны, пропаганда была весьма успешна в освещении того, что рассматривалось как главные достижения в экономическом развитии. Многочисленные делегации коммунистов или сочувствующих из Северной Америки и Западной Европы стремились ознакомиться с советским опытом из первых рук. Вот типичный отчет, изданный в «*The Cooperative Pyramid Builder*» [4], который завершается словами: «Мы увидели Советский Союз страной реальных достижений и успехов, потому что организованные рабочие и крестьяне взяли бразды правления в свои руки». С другой стороны, деспотизм советских властей непосредственно ощущался и в Соединенных Штатах, и несколько раз финнам пришлось сопротивляться их требованиям. Они стремились сохранить языковые фракции РПА, настаивая на том, что языковые барьеры все еще существуют и в ближайшей перспективе не могут быть преодолены. Финны также возражали против членских взносов, считая их дискриминационными [11; 168]. В течение этого десятилетия Кремль стремился усилить контроль над левой прессой и общественными организациями. Это имело определяющее значение в борьбе за управление кооперативами.

Майкл Карни вел хронику создания, созревания и распада кооперативного движения в пределах финской диаспоры в Америке, и другие ученые признали уникальное значение кооперативов как главной арены политической борьбы в рядах левых радикалов [17], [11]. Борьба за управление кооперативами, пик которой пришелся на 1929–1930-е годы, была в то же самое время поворотным моментом в определении особого отношения к Советскому Союзу и к революции, отношения, которое впоследствии помогло идентифицировать и выделять тех, кто был заинтересован в эмиграции в Карелию, и тех, кто воспринимал это как безумие. Конфликт достиг кульминации, когда два

служащих Кооперативного обменного центра (КОЦ), бывших также членами РПА – Джордж Халонен и Эскель Ронн, – отказали партийному руководству, когда оно, нуждаясь в наличных деньгах, потребовало ссуду. За это они подверглись суровому осуждению на страницах «Tuomies». В то же время большинство членов правления КОЦ приняли их сторону.

Когда издательство «Tuomies», несмотря на контракт на издание «The Cooperative Rytmid Builder», в ноябре 1929 года уничтожило тираж – 1500 копий, заявив, что коммунистическая позиция в нем представлена в невыгодном свете, враждебность явно усилилась. В следующем месяце Матти Тенхунен и Генри Пуру были вызваны в Кремль для обсуждения сложившихся противоречий. На тот момент Тенхунен поддерживал позицию большинства КОЦ, в то время как Пуру защищал коммунистическое меньшинство. Однако по причинам, которые остаются неясными, во время пребывания в Москве Тенхунен поменял свое мнение и встал на сторону Пуру.

В то же самое время КОЦ выпустил сообщение под заголовком «Объяснение», прояснившее ситуацию: издатель не только отказался заявить его позицию на страницах газеты, но и нарушил контракт, отказываясь разрешить публикацию даже в издательстве КОЦ. В рассматриваемом документе большинство членов правления поставили вопрос о том, кто же должен управлять кооперативным движением: посторонние, будь они в РПА или Кремле, или же непосредственно сами члены. Иными словами, все было представлено как вопрос демократического управления. И хотя члены РПА составляли меньшинство от всего членского состава КОЦ, авторы открытого письма осознали, что «два года назад значительная часть финского пролетариата и фермеров откровенно сочувствовала коммунистическому движению» [5; 5].

Именно в этом сражении за демократическое управление и произошел коренной перелом в левом крыле американских финнов, причем проигравшие оказались наиболее восприимчивы к «карельской лихорадке». Победители, наоборот, стали более критически относиться к Советскому Союзу, и поэтому следовали за своими социал-демократическими коллегами с тем, чтобы влиться в основной поток рабочего движения и в левоцентристский блок американской политики. Иными словами, они нашли способ остаться и антикапиталистами, и одновременно с этим американизироваться. Теперь мы обратимся к подробному исследованию вышеупомянутых точек зрения и их эволюции в период 1920–30-х годов.

БЛЕСТЯЩЕЕ БУДУЩЕЕ

Две ярких фигуры в борьбе на кооперативном фронте стали главными руководителями Комитета технической помощи: Матти Тенхунен

и Оскар Корган. Первый получил свой пост, когда организация только создавалась, в то время как второй занял должность несколько позже. Потерпев неудачу в установлении контроля над КОЦ, они переместились на новые позиции. В этом отношении имеет смысл порассуждать о вариантах карьеры этого дуэта. Финские американские коммунисты знали о том, что они имеют небольшое влияние на коммунистическое движение в Соединенных Штатах. Большая часть руководящего состава постоянно находилась на восточном побережье и включала в себя существенную часть другой группы, сделавшей особый вклад в развитие американского радикализма, – евреев [10; 260]. Финны осознали, что даже большое количество своих рядовых партийных членов не позволят им взять бразды правления в свои руки. Таким образом, шанс попасть на руководящие роли в американскую коммунистическую партию представлялся весьма маловероятным. С другой стороны, учитывая их предшествующие отношения с лидерами Коммунистической партии Финляндии, находящимися в изгнании в Москве, и их продолжающиеся дружественные отношения с КАССР, честолюбивым партийным коммунистам действительно имело смысл решиться на подобный шаг.

Тенхунен стал главным лицом в организации эмиграции в Карелию и в определении условий перемещения, в то время как «Tuomies», крупнейшая из радикальных газет, была самым важным источником информации о Карелии. Впоследствии этим стали заниматься и другие газеты, ранее связанные с РПА. В обеспечении идеологической базы, которую предполагалось использовать для содействия переселению в Карелию, были выделены два главных аргумента. Первый заключался в том, что Советский Союз как единственная коммунистическая страна являлся образцом и на правах лидера выдвигал тезис о том, что коммунисты в капиталистическом государстве должны подчиняться его диктату. Второй аргумент, появившийся вскоре после обвала фондовой биржи 1929 года, заключал в себе положение о революции как о явлении постоянном.

Обе эти темы были заявлены в статье «Открытое обращение к финским рабочим в Америке», появившейся в «Tuomies» в 1930 году. Она представила положения, которые финские рабочие из Карелии, Ингерманландии и Ленинграда сформулировали 11 июня на встрече в Финском зале просвещения в Петрозаводске. В статье Соединенные Штаты изображались как империалистическая супердержава и заявлялось, что они были главным источником всемирной депрессии, экономического кризиса, приведшего к страданиям миллионов представителей рабочего класса и крестьянства. Из этого кризиса вытекал рост классового сознания, поскольку «рабочий класс был временно ослеплен капиталистической системой и только теперь начинает

понимать, какую “свободу” на самом деле ему принес капитализм». Придя к осознанию того, что рабочий класс превратился «в раба [капиталистического] хозяина», он теперь вступает на революционный путь, проложенный Советами, и готов следовать за руководством Коминтерна. Статья не призывала рабочих уезжать из Соединенных Штатов, а вместо этого убеждала их солидаризоваться с рабочим классом Советского Союза, готовясь к дальнейшей революционной борьбе. Существующая опасность была несомненна, поскольку «буржуазия и социальные фашисты готовятся к самой жестокой и кровавой расправе над человечеством, которая была когда-либо отмечена в анналах истории». Статья заканчивалась призывом выполнять цели пятилетнего плана в едином трудовом порыве, который может рассматриваться как предпосылка к появлению стахановского движения [19 (11 July 1931); 4]. Важность выполнения советского пятилетнего плана для американских радикалов была абсолютно несущественной, если бы они оставались дома, однако они могли также принять участие и в развитии Карелии. Вскоре вербовка в Карелию началась всерьез.

Открытое письмо, посланное из Москвы 25 марта 1931 года финскими коммунистами (авторами были, вероятно, Эдвард Гюллинг и Густав Ровио, хотя подписи неразборчивы), было явным призывом к рабочим в Соединенных Штатах и Канаде помочь в преодолении острой нехватки рабочих рук в Карелии [13; 235–238]. Коммунистическая печать в течение следующих нескольких лет отвечала изданием ряда соблазнительных картинок о жизни в Советском Союзе, в одних представляя в ярких красках достижения нации под властью Сталина, а в других акцентируя внимание непосредственно на самой Карелии. В качестве примера первого вида таких «картинок» можно привести работы репортера Л. Маттсона, стремившегося противопоставить крупное сельское хозяйство в Соединенных Штатах и Советском Союзе. Он заявил, что тогда как в капиталистической системе США оно вело к снижению доли мелкого фермерства и большой потере рабочей силы из-за механизации, в Советском Союзе цель состояла в том, чтобы гарантировать каждому члену общества равную оплату труда и саму возможность трудиться. Кроме того, Маттсон утверждал, что советская система скоро докажет свое превосходство в производительности труда и что промышленность будет производить больше тракторов и сельскохозяйственного оборудования, чем американские фабрики [18 (1930); 24–28].

Подобные статьи стали появляться регулярно, извещая о том, что, хотя Советский Союз и вынужден бороться с теми пережитками, которые оставили его далеко позади Запада в экономическом развитии, он вскоре превзойдет экономики капиталистических стран. В подобном ключе, но с более определенной целью в другой

статье в «*Tuomies*» заявлялось, что кооперативы в Советском Союзе насчитывают 45 миллионов членов и что «в области кооперативного движения в целом... достижения были гигантские», намного превосходящие достижения кооперативов капиталистических стран. Несомненно, что скрытой целью статьи было освещение кооперативного движения в Соединенных Штатах в целом и КОЦ в частности [19 (8 August 1930); 2].

Некоторые статьи печатались исключительно для того, чтобы реагировать на заявления о социальных проблемах, стоящих перед Советским Союзом. Эта цель ясно просматривалась в отчете, составленном специально для опровержения заявлений «буржуазных и социальных фашистских» газет о страшном голоде в СССР, которые, в свою очередь, были направлены на то, чтобы «посеять сомнения среди рабочего класса по отношению к Советскому Союзу и пробить брешь в революционном движении». Чтобы противостоять такой пропаганде, были процитированы многие некоммунистические деятели, включая корреспондента «*New York Times*» Гарольда Дэнни и его заключение о том, что он не обнаружил никаких свидетельств того массового голода, о котором так рьяно писали газеты. Другой отзыв был получен от мистера Хикса, бывшего членом британской делегации профсоюзного движения. Хотя он описан как некоммунист, его пылкий отчет выдает в нем человека, глубоко очарованного советским экспериментом. Он не только не заметил «ни единого признака» голода или обнищания, но «повсюду видел счастливые и улыбающиеся лица, на улицах, в театрах и на спортивных дорожках, где тысячи молодых людей участвовали в спортивных состязаниях. Советская молодежь смотрит в будущее с надеждой, уверенностью и без страха» [20 (15 November 1934); 4].

Говоря непосредственно о Карелии, следует начать с того, что в 1930 году регион праздновал десятую годовщину основания республики. Воспользовавшись случаем, газета «*Tuomies*» послала коллективные поздравления ее главе, Эдварду Гюллингу, и рабочим региона. Однако помимо освещения различных достижений в экономике, образовании и культуре, в статье также упоминается, что работать в Карелии тяжело и условия для работы бывают очень суровыми [19 (7 August 1930); 5]. Корреспондент, пишущий под псевдонимом Kela, организовал колонку, сравнивая в ней «развивающуюся экономику Советской Карелии и вырождающуюся финскую экономику», в которой, по его утверждению, рабочие, особенно в сельском хозяйстве, стали жертвами «законного грабежа» [19 (10 August 1930); 2]. Точно так же другая статья противопоставила организацию лесных рабочих в Соединенных Штатах и Советском Союзе. Тогда как рабочие в цитадели капитализма были «плохо организованы или не организованы вообще», в Советской Карелии все было наоборот:

они были хорошо организованы, отстаивали свои интересы не только на рабочем месте, но также в области культуры и образования [19 (30 August 1930); 4].

Статья, появившаяся в «Uusi Kotimaa», была посвящена достижениям в области образования в Карелии. В ней утверждалось, что на 1000 жителей приходится 338 человек, посещающих школу, – цифра значительно более высокая, нежели в любом другом месте в мире. Рост числа учащихся отразил быстрое расширение системы образования с момента возникновения Советского Союза. Количество школ увеличилось менее чем за десятилетие с 346 до 520. В дополнение к школам Карелия также могла похвастаться 138 избами-читальнями, 400 «красными уголками», 97 сельскими библиотеками, 69 кинотеатрами, 103 передвижными установками и 169 передвижными сельскими библиотеками. Автор напоминал читателю, что подобный подъем образования и культуры был возможен лишь в результате Великой Октябрьской революции [20 (21 September 1933); 4].

Этот обзор достижений фактически являлся частью статьи, которая, прежде всего, акцентировала внимание на вопросе национальных меньшинств. Возможно, она была опубликована в ответ на сообщения, которые доходили до сведения финской диаспоры в Америке. В них говорилось о дискриминационном отношении к финнам, которое они испытывали на себе в Советской Карелии. Действительно это имело место или нет, но риторика требовала противопоставить дискриминацию в Карелии аналогичному явлению в Соединенных Штатах и затем сравнить настоящую ситуацию в Карелии с эпохой самодержавия: «Америка – это такая империалистическая страна, которая дискриминирует и поработачивает целые народы так же, как и свои собственные меньшинства; она известна своей расовой дискриминацией против негров. Свобода для всех национальных меньшинств не наступит до тех пор, пока не произойдет пролетарская революция. Опыт финнов в Советском Союзе, сравниваемый с гнетом самодержавия, явился импульсом к этим переменам. Финны в Финляндии, Карелии и Ингерманландии подвергались дискриминации в эпоху самодержавия. И хотя Финляндия была освобождена от этого притеснения, финская буржуазия повела рабочие классы путем, неизбежно ведущим в рабство... [Напротив], условия жизни финнов, живущих в советской Карелии и Ингерманландии, улучшаются из года в год» [20 (21 September 1933); 4].

Подобное позиционирование Советского Союза, рисуя радужные перспективы жизни в трудовой республике и противопоставляющее это суровому будущему рабочих, остающихся в Соединенных Штатах, послужило созданию благоприятного фона в СМИ для продвижения миграции в Карелию. Были подняты вопросы о воздействии переселения на левые организа-

ции в США. Корреспондент из «Ironwood» (Мичиган) поднял следующий вопрос в «Työmies»: «Как это повлияло на рабочие организации в нашей стране?» Его ответ был таков: «...эмиграция определенно ослабила рабочее движение здесь. Необходимо отметить, что среди уехавших первыми были лидеры наших организаций». Он относится критически к этим лидерам из-за их медлительности и неуверенности, утверждая, что главная возможность поддержать советских рабочих состоит в том, чтобы «усилить борьбу против американского империализма», что в настоящее время пока не удается. Однако позже он сменил тон: «Товарищи, мы должны доверять руководству наших организаций. Мы должны верить в то, что они решат эту дилемму, найдя правильную тактику» [19 (21 November 1931); 2]. Откликом на эту проблему можно считать попытки Матти Вика «разрекламировать» Финскую рабочую организацию. Он заявил, что всего за несколько лет членство возросло с 6000 членов до 9231, несмотря на то что 3000 членов иммигрировали в Карелию [18 (1933); 4–6]. Таким образом, массовое переселение в Карелию, разумеется, не подрывало финские организации в Америке и, возможно, даже способствовало стимулированию их роста, предлагая модели коммунистического развития.

Матти Тенхунен всячески стремился к управлению иммигрантской общиной. В статье под названием «Людам, которым нужна Советская Карелия» он старался дать конкретный совет по поводу того, кому стоит задуматься о присоединении к движению, а кому – нет. Он также предоставлял подробную информацию о требованиях, предъявляемых к кандидату на вступление в когорту мигрантов, и об обязанностях тех, кто был туда взят. Тенхунен подчеркивал, что «решение эмигрировать в Карелию не должно сводиться к эмоциональному порыву», заявляя, что регион нуждается в «стойких и уверенных рабочих». Он постоянно напоминал, что Карелия – «это не дом отдыха», это не место для кладоискателей и людей, которые стремятся убежать от работы и борьбы. Тенхунен также продолжал обращать внимание на то, что участники сами обязаны оплатить свои затраты на путешествие и должны взять с собой домашнюю утварь и оборудование [19 (22 May 1931); 4]. В последующей статье он из всех сил старался втолковать потенциальным мигрантам, что Комитет технической помощи заинтересован в квалифицированных рабочих лишь в определенных отраслях хозяйства: лесном и сельском. В прочих работниках в то время потребности не было, и вновь Матти напоминал им: «Мысль о том, что одного только сильного желания эмигрировать в Карелию достаточно для того, чтобы стать настоящим иммигрантом, абсолютно неверна, и всем, кто благосклонно относится к Советской Карелии, стоит это знать» [19 (27 June 1931); 2].

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИКТАТУРА

Совершенно другой взгляд на Советский Союз наблюдался в леворадикальных кругах, особенно среди членов профсоюзного движения и большинства кооператоров, оставшихся лояльными по отношению к ССЕ. Эти люди не были готовы просто принять на веру просоветские заявления о том немыслимом экономическом подъеме, который якобы произошел в связи с приходом к власти большевиков. С другой стороны, в отличие от церковных финнов или социал-демократов, никогда не поддерживавших советский эксперимент, эта своеобразная группировка левых на определенном уровне демонстрировала сочувствие коммунистическим идеям. Однако делали они это одновременно отстраняясь от собственно советского коммунизма.

Как выразился один автор в газете «*Industrialist*», общество испытывало сильное желание знать досконально, что происходит с рабочими в трудовой республике, особенно учитывая тот факт, что Великая депрессия вылилась в высокий уровень безработицы, а вместе с этим — в голод и страх лишиться крова и всего имущества. Этот автор отмечал, что Советский Союз, включая Карелию, привлекал к себе внимание не только финноязычной американской коммунистической печати, но и двух газет на финском языке, издаваемых непосредственно в Советском Союзе: ленинградской «*Vapaus*» и петрозаводской «*Punainen Karjala*», которые были широко распространены и в Соединенных Штатах. Однако он был разочарован тем, как мало действительно полезной информации из них можно было почерпнуть. Он утверждал, что типичными для этих газет были следующие темы: «Прокламации, речи государственных деятелей, призывы к новой борьбе, данные о посевах, сборе урожая, маслостройках, ссудах и тому подобных вопросах [наряду с] постоянным требованием об увеличении темпов работы». Среди рабочих всячески поощрялась состязательность — в духе социализма — для того, чтобы выполнять плановые экономические задачи. К сожалению, «ни одного слова не было написано о том, чего же рабочие добились для себя», и, наконец, было совершенно невозможно определить, лучше ли обеспечены рабочие в Советском Союзе, чем их коллеги в капиталистических странах, или нет (*Industrialist*, 17 August 1932, p. 2, Minneapolis: Finnish Collection, Immigration History Research Center, University of Minnesota).

Даже если этот автор был готов дать слабую надежду на подъем Советского Союза, тем не менее в самой статье просматривается явный скептицизм. Действительно, быстрый уход от благосклонного отношения к советскому коммунизму в сторону его неприятия явственно следует из кооперативных публикаций. Битва, разыгравшаяся за управление организацией, стала ключевым моментом. До этого из Советского Союза

присылали множество сообщений с положительными отзывами, особенно касательно кооперативного движения. С середины 1920-х до 1928 года КОЦ разделял с другими кооперативными организациями убеждение, что советское руководство оценило всю значимость кооперативного движения и поощряло его расширение [3], [4].

Подобное отношение к Советскому Союзу драматически изменилось год спустя. К началу 1930-х годов все чаще изображали конфликт экономической системы последнего с идеалами кооперативного движения и, как следствие, называли антидемократическим. В 1932 году в «Ежегоднике кооперативной лиги» была опубликована заметка некоего доктора Дж. П. Вобэйсса, который сопоставил три пути ведения дел в экономике: 1) система прибыли; 2) государственный социализм; 3) кооперация. Если раньше кооперативное движение — особенно в силу того, что в нем видели помощь социализму, — просто противопоставляли капитализму, то теперь его отделили и от коммунизма, или «государственного социализма», в формулировке Вобэйсса. Он критически относился не только к эксплуатационному характеру капитализма, но и к чрезвычайно бюрократическому, централизованному подходу коммунизма к принятию решений. Кооперация предполагала как отсутствие материальной заинтересованности в получении прибыли, так и существование централизованной экономики. Это сделало возможным появление «системы, в которой люди, независимые от государства и политики, удовлетворяют свои личные потребности» [2 (1932); 30].

Непосредственное отношение к проблеме имеет отчет о ежегодной встрече членов КОЦ 1931 года, на которой небольшую группу членов Коммунистической партии попросили выступить со своей программой. Им дали десять минут на то, чтобы представить свою позицию. В результате они «излили неистовый поток оскорблений...». Во время же выступления Эскеля Ронна коммунисты неоднократно перебивали его. Лишенные своей былой силы, они стали играть в политической жизни страны столь малую роль, что подобная тактика оставалась одним из немногих доступных им способов борьбы.

Этот инцидент продемонстрировал несогласие большинства левых, присоединившихся к КОЦ, с мнением о том, что только Коммунистическая партия могла быть единственным рупором радикализма. Это отнюдь не означало, что левые оставили свои радикальные воззрения ради политики умиротворения, обычно ассоциируемой с социал-демократами. Так, в том же году от сердечной болезни в возрасте 37 лет умер Эскель Ронн. Упомянув последнего в некрологе, напечатанном в справочнике оптовой кооперативной торговли, как «товарища Ронна», его автор заявляет, что движение твердо намерено свергнуть капитализм: «Мы оплакиваем Эскеля Ронна как товарища и друга, и даже больше, мы

ценим его за великое мужество в служении нашему общему делу, за освобождение рабочего класса и приближение лучшего общественного строя. Цивилизация, которую называют капитализмом, приведет членов эксплуатируемого класса к лишениям, как раз когда жизнь должна быть в своем расцвете, и лучшие сыны рабочего класса продолжают приносить в жертву свое здоровье и жизнь, пока борьба за свободу не будет завершена» [6; 132].

Таким образом, те, кто победил в сражении за управление кооперативами, оставались преданными антикапиталистическому взгляду на мир и не собирались заключать с капитализмом перемирие. Кооперативное движение неизменно оставалось верным демократическим принципам. В ходе его развития вновь и вновь вспыхивали дискуссии по вопросам демократии. К началу 1930-х годов стало ясно, что кооперативное движение начало позиционировать Советский Союз как оплот антидемократических сил. Это перекликалось с более ранней критикой, которая, в свою очередь, утверждала, что данный режим был излишне бюрократическим.

Попытка определить специфику советской экономической модели нашла отражение в выделении четырех альтернативных экономических систем, существующих в то время: 1) регулируемый капитализм; 2) корпоратизм; 3) коммунизм и 4) кооперация. Они проявились не только в виде различного отношения к Великой депрессии, но и в виде определенных подходов к экономике с разными взглядами на проблемы обеспечения производительности, распределения товаров и услуг, а также их отношения к демократии. Следует отметить, что капитализм, корпоратизм и коммунизм были представлены отдельными странами: Соединенные Штаты были образцом регулируемого капитализма, фашистские правительства Германии и Италии являлись моделями корпоратизма, а Советский Союз оставался единственным образчиком коммунизма. В рамках этой типологии советский тип представлял

собой политическую диктатуру и поэтому был весьма далек как от демократических установлений, так и от кооперативных идеалов. Кооперативное движение, таким образом, пересмотрело свое предшествующее отношение к коммунизму, поскольку стало ясно, что единственный столп коммунизма в отдельно взятом государстве ставит под угрозу основы демократии [1; 68–69].

Пять лет спустя, накануне Второй мировой войны, Вобэйсс больше не стремился отделить советский коммунизм от немецкого и итальянского корпоратизма. Они все представляли собой проявления фашизма, и, таким образом, их отношение к кооперативному движению оказывалось неизбежно враждебным: «Фашизм не приемлет демократию. Эти два режима являются несовместимыми. По этой причине всякий раз, когда автократия устанавливает свой режим, кооперативы в эту ситуацию не вписываются. Правительства России, Италии и Германии осуществили попытку устранения кооперативов [в соответствующих странах]» [2 (1939); 9].

Этот неприглядный портрет Советского Союза был дополнен растущим убеждением в том, что революция на Западе была в ближайшем будущем крайне маловероятна. Таким образом, к концу этого бурного десятилетия финские коммунисты в Америке, настроенные лояльно к Советскому Союзу, потеряли свое влияние. С самого начала поддержанная ими миграция в Карелию подверглась осуждению со стороны религиозных финнов и социал-демократов [10; 374]. Менее чем десятилетие спустя сторонники большевизма также были отвергнуты своими ближайшими политическими союзниками на левом фланге, все более склонявшимися к упрочению своих связей с Соединенными Штатами. Они не прекращали критику капитализма, однако активно стремились найти способы усовершенствовать его, избежав революции.

(Пер. с англ. П. Миханова)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Cooperation*, Vol. XX, No 5, 1934: Minneapolis: Finnish Collection, Immigration History Research Center, University of Minnesota.
2. *The Cooperative League Yearbook*, 1932–1939: Minneapolis: Finnish Collection, Immigration History Research Center, University of Minnesota.
3. *The Cooperative Pyramid Builder*, Vol. I, No 2, 1926: «Cooperation in the Soviet Union», pp. 70–71. Minneapolis: Finnish Collection, Immigration History Research Center, University of Minnesota.
4. *The Cooperative Pyramid Builder*, Vol. III, No 3, 1928: «American Labor Delegation to Russia», p. 50. Minneapolis: Finnish Collection, Immigration History Research Center, University of Minnesota.
5. *The Cooperative Pyramid Builder*, Vol. VI, No 1, 1931: «What It's All About», pp. 2–16. Minneapolis: Finnish Collection, Immigration History Research Center, University of Minnesota.
6. *The Cooperative Pyramid Builder*, Vol. VI, No 5, 1932: «Eskel Ronn is Dead», pp. 131–132. Minneapolis: Finnish Collection, Immigration History Research Center, University of Minnesota.
7. Draper, Theodore, 1957: *The Roots of American Communism*. New York: Viking Press.
8. Hoglund, A. William, 1960: *Finnish Immigrants in America, 1880–1920*. Madison: University of Wisconsin Press.
9. Hummasti, P. George, 1977: «World War I and the Finns of Astoria, Oregon: The Effects of War on an Immigrant Community». *International Migration Review*, 11(3): 334–349.
10. Karni, Michael, 1975: *Yhteishyvä – Or, For the Common Good: Finnish Radicalism in the Western Great Lakes Region, 1900–1940*. PhD dissertation, University of Minnesota.

11. Kivisto, Peter, 1984: *Immigrant Socialists in the United States: The Case of Finns and the Left*. Rutherford, NJ: Fairleigh Dickinson University Press.
12. Kivisto, Peter, 2003: «Social Spaces, Transnational Immigrant Communities, and the Politics of Incorporation». *Ethnicities*, 3(1): 5–28.
13. Klehr, Harvey, John Earl Haynes, and Kyrill M. Anderson. 1998. *The Soviet World of American Communism*. New Haven, CT: Yale University Press.
14. Kostiainen, Auvo, 1977: «The Tragic Crisis: Finnish-American Workers and the Civil War in Finland», pp. 217–235 in *For the Common Good*, edited by Michael Karni and Douglas Ollila. Superior, WI: Työmies Society.
15. Kostiainen, Auvo, 1978: *The Forging of Finnish-American Communism, 1917–1924*. Turku, Finland: Migration Institute.
16. Levitt, Peggy and B. Nadya Jaworsky, 2007: «Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends». *Annual Review of Sociology*, 33: 129–156.
17. Pogorelskin, Alexis E., 2004: «Communism and Co-ops: Recruiting and Financing the Finnish-American Migration to Karelia». *Journal of Finnish Studies*, 8(1): 28–47.
18. *Punatähti*, 1930–1933: Minneapolis: Finnish Collection, Immigration History Research Center, University of Minnesota.
19. *Työmies*, 1925–1935: Minneapolis: Finnish Collection, Immigration History Research Center, University of Minnesota.
20. *Uusi Kotimaa*, 1929–1934: Minneapolis: Finnish Collection, Immigration History Research Center, University of Minnesota.

УДК 94(71).06 + 94(47).084.6

ЕВГЕНИЙ ЕФРЕМКИН

аспирант университета Йорк, Канада

evgenyefremkin@gmail.com

«КАРЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ» ИЛИ «КАРЕЛЬСКАЯ ЛИХОРАДКА»?

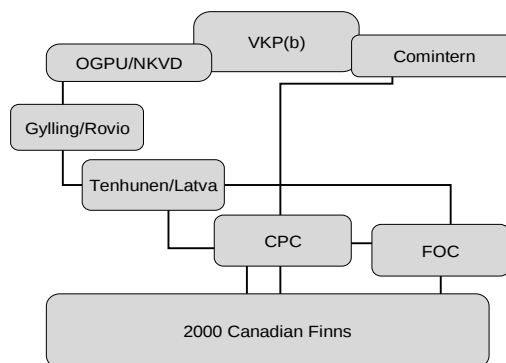
Данная работа представляет собой исследование двух главных движущих сил «карельского исхода» – тех, кто инициировал и реализовывал «карельский проект», и тех канадских финнов, для кого карельский феномен превратился в «лихорадку». Это поможет наиболее полно охарактеризовать природу «карельского исхода».

Ключевые слова: канадские финны, проект, лихорадка, идеология, культура, материальное благополучие

Настоящая статья представляет обзор истории «сверху» – анализ политики, которую проводили идеологи «карельского проекта», и истории «снизу» – исследование судеб отдельных людей и семей, для которых поиски финансовой и социальной стабильности превратили проект в «лихорадку». Главная задача заключается в том, чтобы определить, какую роль сыграло в данном вопросе руководство СССР, Карелии и Канады и насколько спонтанным было решение канадских финнов отправиться в СССР. Другими словами, оказалась ли миграция из Канады результатом «карельского проекта» или «карельской лихорадки»? Особенно важным представляется то, что в данном исследовании предпринимается попытка провести всесторонний анализ причин исхода.

«Карельский исход» был инициирован и проконтролирован сверху, высшими эшелонами партии большевиков. Инструкции проводились через организации международного коммунизма – от ВКП(б) в Коминтерн, карельским властям, КПК и Организацию финнов Канады. Как и предполагалось, вербовка в СССР привела к намеченным результатам. Исход в Карелию был

«карельским проектом». И все же инструкции из Кремля во многих случаях были использованы на местах в собственных интересах отдельными политическими фигурами Карелии и Канады. Хотя некоторые канадские финны отправились в Карелию под влиянием коммунистической про-

«Карельский проект»: иерархия в структуре интернационального коммунизма

паганды, призывавшей помочь СССР в строительстве социализма, большинство расценивали «карельский проект» как шанс сбежать от депрессии, поразившей Северную Америку, и как способ найти работу и социальную стабильность в «раю для рабочих». В этом отношении канадских финнов волновали лишь собственные интересы. «Карельский исход» был инициирован и организован сверху, в то время как эмигранты в СССР строили свои собственные планы. Таким образом, миграция в Карелию превратилась в сложный феномен, который сегодня известен как «карельская лихорадка».

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

На настоящий момент историками уже проведена огромная исследовательская работа относительно «карельского исхода». Такие ученые, как Варпу Линдстрём, Ирина Такала, Маркку Кангаспуру, Алексис Погорельский, Ойва Сааринен, Мейми Севандер, Майкл Карни и Питер Кивисто, в своих работах рассмотрели основные экономические, культурные и социополитические аспекты, которые послужили причиной того, что североамериканские финны покинули Канаду и отправились в Советскую Карелию. Их общий вклад в предмет исследования заключается в детальном обзоре сложной природы миграционных процессов, когда комплекс взаимодействующих и взаимосвязанных причин обусловил массовый исход.

Варпу Линдстрём, ведущий специалист в данной области, обосновывает миграцию финнов экономическими причинами. Она показывает, что Великая депрессия достаточно сильно повлияла на сообщества иммигрантов в Канаде. Возросшая безработица, бедность, нетерпимость по национальному признаку, преследование властями и общее чувство незащищенности и безысходности заставили многих финнов задуматься о переезде в Карелию, когда представилась такая возможность [7; 17].

Другие авторы делают акцент на причинах политического характера. Мейми Севандер, иммигрировавшая в Карелию в юном возрасте вместе со своей семьей (ее отец был одним из главных вербовщиков американских финнов в СССР), постоянно указывает в своей книге, что главными причинами «карельского исхода» являлись идеология утопического коммунизма и связь североамериканских финнов с коммунистическими и социалистическими организациями. В монографии «Скитальцы» она отмечает, что главной составляющей «карельской лихорадки» являлся «идеологический фанатизм» [2; 46–47].

Историки также отмечают, что центральное место в «карельском исходе» занимают культурные и национальные аспекты. С. Харрис в своей магистерской диссертации «Миграция американских финнов в Советский Союз в 1930-е гг.»

указывает, что многие финны считали, что им не удалось достичь американской мечты [4; 246]. В Америке они чувствовали себя отторгнутыми. В то же время лозунги о приглашении в Карелию играли на чувствах национальной гордости и идентичности. И. Р. Такала пишет, что для североамериканских финнов Карелия ассоциировалась с Финляндией и была похожа на Родину. Харрис полагает, что «продолжающиеся попытки найти потерянный рай были как раз характерны для тех, кто уже однажды потерпел в этом неудачу» [4; 254].

А. Погорельский считает, что в вербовке североамериканских финнов в Карелию были заинтересованы три основные силы. Во-первых, это кремлевские политики, которые в 1928 году, стремясь обеспечить выполнение первого пятилетнего плана Сталина, надеялись с помощью приглашенных квалифицированных специалистов начать разрабатывать лесные ресурсы Карелии. Во-вторых, это карельское руководство, Эдвард Гюллинг и Густав Ровио, которые после Октябрьской революции стремились сохранить в Карелии финскую составляющую в социальной и культурной сферах [8]. В-третьих, Матти Тенхунен и Юсси Латва, которые использовали процесс вербовки как бизнес, получая комиссионные с каждого завербованного рабочего в свою пользу. Более того, они не по назначению использовали машинный фонд, который был собран эмигрантами в целях индустриализации в Карелии. В то же время Питер Кивисто подчеркивает ведущую роль советского руководства в «карельском проекте». Он показывает, что миграция канадских финнов была «тщательно спланирована советскими властями» [4; 252]. Также Маркку Кангаспуру пишет, что «карельский проект» не был бы осуществлен без одобрения Кремля. При выявлении причин «карельского исхода» необходимо уделить особое внимание экономическому и политическому положению Советского Союза, ВКП(б), карельского руководства и международного коммунизма в целом.

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА В КОНЦЕ 1920-х ГОДОВ

С укреплением власти Сталина линия внешней политики Советского Союза отошла от идей мировой революции и сосредоточилась на сохранении существующего советского режима, защите государственных границ и строительстве социалистического строя внутри страны. К концу 1920-х годов Коминтерн стал главным источником международной пропаганды, стоявшим на службе интересов внешней и внутренней политики Советского Союза. Рост просоветских настроений, а также инициированные Коминтерном широкие пропагандистские кампании, которые были реализованы в Канаде местной компартией и ее отделениями, значительно повлияли на желание канадских финнов отправиться в Карелию.

К концу 1920-х годов лесная промышленность Карелии стала играть важную роль в экономике Советского Союза. Тогда же карельское руководство получило приказ из Москвы увеличить производство древесины на 50 %. В высоких требованиях к промышленному производству, установленных в первом пятилетнем плане, Эдвард Гюллинг увидел возможность привлечь в республику больше финнов. Прибывшие в Карелию финские рабочие из Северной Америки, по мнению Гюллинга, поддержали бы сохранение культуры края. Более того, североамериканские финны также были квалифицированными работниками, приезд которых помог бы выполнить план, поставленный Москвой [12]. Финская политика Гюллинга, очевидно, смогла получить необходимую поддержку Москвы, и линия «карелизации» (увеличение участия финнов в экономической, политической и социальной жизни республики) была утверждена на очередном съезде ВКП(б). В сущности, «карелизация» обозначала «финнизацию» Карелии. Требования Гюллинга и Ровио пригласить квалифицированных североамериканских финнов в республику были одобрены.

Между тем принятие стратегии «третьего периода» в Советском Союзе сигнализировало о переменах в курсе Коминтерна и его отделений, включая Компартию Канады. О содержании стратегии «третьего периода» Мэтью Ворли пишет: «С точки зрения большевиков, это означало, что капиталистический мир находится на пороге эпохи кризиса. В подобной ситуации противоречия в капиталистическом крыле должны были привести к увеличению классовой дифференциации, империалистической войне, колониальной нестабильности и росту вражды капиталистических держав по отношению к СССР» [13].

Другими словами, по теории Бухарина, капиталистические государства находились на пороге экономического кризиса, который должен привести к империалистической войне, а она, в свою очередь, привела бы к агрессии против Советского Союза.

Политические изменения в Советском Союзе также означали смену курса Коммунистического интернационала и последующие преобразования целей КПК. Новой задачей всех коммунистических партий, продекларированной Исполнительным комитетом Коммунистического интернационала (ИККИ), являлась в первую очередь защита Советского Союза. X съезд ИККИ определил международное положение и первоочередные задачи секций Коминтерна следующим образом: «В битве против надвигающейся военной угрозы, капиталистического наступления и клеветнических кампаний реформистов все коммунистические партии должны проводить просветительские акции, чтобы показать гигантские достижения строительства социализма в Советском Союзе» [11; 51].

В 1931 году на XI съезде ИККИ прямой задачей всех отделений Коминтерна была провозглашена защита интересов СССР, «что налагало на все секции Коминтерна обязанность вести самую активную борьбу в защиту интересов Советского Союза» [11; 164].

ПРОПАГАНДА КОМИНТЕРНА В КАНАДЕ

Давление Коминтерна на Компартию Канады относительно проведения стратегии «третьего периода» по-разному отразилось на судьбах местных канадских финнов-социалистов. В Северной Америке царил политический, экономический, социальный кризис, и для пропаганды благополучного будущего в «раю трудящихся» не могло найтись более подходящего момента. В апреле 1929 года Коминтерн откровенно вмешался в дела КПК и, отложив проведение очередного съезда партии, использовал появившееся время для того, чтобы уменьшить влияние фракции Бака и Смита. Тогда Тим Бак обеспечил подчинение канадских коммунистов Москве и смог продержаться у руля компартии Канады до 1960-х годов. Можно утверждать, что с 1930-х годов программы и политика КПК определялись не нуждами и потребностями рабочего класса, а лишь дипломатическими интересами советской бюрократии, которые понимались довольно узко [3]. В сущности, Международная ленинская школа, основанная Коминтерном в Москве, стала своего рода средством, с помощью которого из Кремля в Канаду проводились изменения в доктрине ВКП(б) [3]. Стюарт Смит, правая рука Бака в КПК, один из самых активных канадских студентов в Ленинской школе в начале 1920-х годов, отвечал за советскую пропаганду в официальном печатном органе КПК «Уоркер». Оценка международной обстановки в речи Смита на VI съезде КПК в 1929 году, как пишет Агнус, «была настолько схожей с традиционной линией Коминтерна... все утверждения основывались на представлении, что мир вступает в “третий период” капиталистического развития» [3; 237].

Коммунистическая пропаганда в Канаде распространялась при помощи компартии, ее региональных отделений, а также радикальной прессы. В письме от 19 мая 1931 года, направленном Центральным отделением агитпропаганды КПК в отдел культуры Профинтерна, сообщается: «В связи с проводимой нами здесь культурной работой мы просим снабдить нас подходящей сценарийной литературой на русском, украинском, болгарском языках. Мы испытываем нехватку подходящих сценариев революционной тематики. Также просим выслать нам популярную литературу или руководства для драматических кружков на русском языке» (Письмо из Центрального отделения агитпропаганды КПК в управление культуры Профинтерна г. Москвы, СССР – NAG, GROUP 28 IV, reel

М-7376, 4 А 2723). Кроме того, в начале 1931 года Коминтерн издал двадцатистраничную брошюру, состоящую из 46 разделов, под общим заголовком «Революционные задачи Коммунистической партии Канады». Документ, представляющий полный спектр действий, которые должна предпринять КПК относительно стратегии «третьего периода», вышел на английском, французском и русском языках.

В июле того же года в докладе на встрече в Центральном исполнительном комитете были четко поставлены цели пропагандистской кампании в Канаде: «Особое внимание мы должны уделить разъяснению того, что трудности, с которыми сталкиваются все слои рабочего класса, связаны с военной угрозой. При возможности используйте жалобы рабочих и фермеров в местные отделения (на местах), указывая на связь с военной опасностью и агрессией против СССР» (Письмо № 21 – доклад на встрече ЦИК, 14.07.1931 – Фонды Коминтерна, NAC MG 10 K 282).

Первым пунктом программы на встрече Центрального отделения агитпропа летом 1931 года также была пропаганда центральной роли СССР и ВКП(б): «Говоря о СССР и его успехах, мы должны помнить, что без партии невозможно ни существование, ни появление Советского Союза. Успешное строительство социализма – это полная заслуга деятельности и принципов партии Ленина. Это должно быть ясно» (Письмо № 21 – доклад на встрече ЦИК, 14.07.1931 – Фонды Коминтерна, NAC MG 10 K 282).

Наиболее активно используемый лозунг КПК в 1931 году звучал так: «Поможем Советскому Союзу выполнить пятилетний план без иностранного вмешательства» (Фонды Коминтерна, NAC MG 10 K 282).

Значение роли пролетариата в Советском Союзе также пропагандировалось в рубрике, которую вел Матти Тенхунен в финско-канадской газете «Varaus». Один из основных деятелей в вербовке североамериканских финнов, Тенхунен призывал финских рабочих помочь Советскому Союзу в осуществлении пятилетнего плана [5]. Тенхунен опубликовал серию статистической информации о росте промышленности в СССР и высказал мнение, что Советская Карелия не сможет выполнить план без помощи иностранных рабочих: «...помощь нужна на лесозаготовках, лесосплавах, лесопильных заводах, бумажных фабриках, в рыболовстве, сельском хозяйстве и строительстве» [5].

Таким образом, объединенные попытки Коминтерна, КПК и вербовщиков создали определенное представление о жизни и работе в СССР, которое стало привлекательным для канадских финнов, разочарованных депрессией в Северной Америке. Культурный, экономический и социально-политический кризис в Канаде сделал жизнь финских рабочих-иммигрантов невыносимой. В то же время экономическое и полити-

ческое развитие в Советском Союзе рождало необходимость найма рабочих в Карелию. Вербовка осуществлялась сверху вниз – через структуры и каналы международных коммунистических организаций.

«КАРЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ»: ИНИЦИАТИВА СВЕРХУ. СОВЕТСКО-КАРЕЛЬСКИЙ ИНСТРУКТАЖ: ПЕРЕПИСКА ТЕНХУНЕНА И БАКА

Очевидность того, что «карельский проект» претворялся в жизнь сверху вниз, можно обосновать перепиской между Тенхуненом – агитатором и вербовщиком из Карелии в Северной Америке, и Тимом Баком – главой Коммунистической партии Канады, датированной маем 1931 года. В переписке с Баком Тенхунен проявлял настойчивость, утверждая, что советские власти подготовили инструкции по вербовке канадских рабочих в Карелию и что данные приказы должны привести к конкретным результатам. Тенхунен пишет: «Я получил четкие инструкции *сверху* от политических и государственных структур... мы тщательно проработали карельский вопрос, опираясь на инструкции и генеральную линию, указанные *сверху*» (здесь и далее в письмах курсив наш. – Е. Е.) (Письмо от Матти Тенхунена Тиму Баку. 17.04.1931 – NAC MG 10 K 282. Фонды Коминтерна, папка 182).

Затем Тенхунен сообщил Баку, что пункты вербовки в Канаде должны быть организованы по примеру тех, что уже созданы в США: «Комитеты технической помощи Карелии были организованы таким же способом, что и в Штатах, в соответствии с требованиями *инструкций*» (Письмо от Матти Тенхунена Тиму Баку. 17.04.1931 – NAC MG 10 K 282. Фонды Коминтерна, папка 182). «Данная организационная структура для работы по карельскому вопросу уже опробована в США и одобрена секретариатом здесь, представителем в Москве и всеми советскими структурами, *в том числе ЦК*» (Письмо от Матти Тенхунена Тиму Баку. 17.04.1931 – NAC MG 10 K 282. Фонды Коминтерна, папка 182). Он также напомнил Баку о пятилетнем плане в Советском Союзе и о значении «карельского проекта» для его успешного выполнения. «Данный проект является решающим для пятилетнего плана, – пишет Тенхунен. – Карельский вопрос не должен рассматриваться как свободное экономическое движение, организованное *отдельными* карельскими промышленниками. Это не является вопросом о приглашении рабочих или решением проблемы нехватки рабочей силы в Карелии. Это шаг, предпринятый политическим комитетом КПК для решения нескольких основных проблем в республике» (Письмо от Матти Тенхунена Тиму Баку. 17.04.1931 – NAC MG 10 K 282. Фонды Коминтерна, папка 182).

Когда Бак ответил, что ЦИК КПК не одобрил карельскую «авантюру», Тенхунен показал себя с нелучшей стороны. Он прямо пригрозил Баку,

ссылаясь на власть, которой его наделили карельские политические лидеры: «Я думаю, что некоторые члены КПК допускают ошибку, если считают, что вопрос о переезде более 3000 рабочих до конца текущего года из США и Канады в Карелию *подлежит обсуждению*» (М. Тенхунен Баку. 22.05.1931 – НАС МГ 10 К 282. Фонды Коминтерна, папка 182). Тенхунен настоял, что вопрос о вербовке не может служить предметом для переговоров. Приказы должны быть исполнены: «...эта проблема не предназначена для партийного обсуждения. До сих пор не было еще практики, чтобы *решения СССР выносились на дискуссию*» (М. Тенхунен Баку. 22.05.1931 – НАС МГ 10 К 282. Фонды Коминтерна, папка 182). Это означает, что решения о вербовке все время диктовались из Кремля и не были открыты для обсуждения. Тенхунен четко пояснил, что КПК может заниматься лишь вопросами политического характера, такими как выяснение социалистического опыта нанимаемых работников. Все финансовые и технические вопросы должны были решаться Тенхуненом, Юсси Латвой и руководством. Тенхунен также проинформировал Бака, что вопросы о его полномочиях относительно вербовки могут быть мгновенно урегулированы при связи с Кремлем: «Вопрос о моем праве формировать штаб сотрудников, работающих по проекту, а также потребовать, чтобы вы передали мне политическое руководство, очень легко решить одной телеграммой на ту сторону Атлантики» (М. Тенхунен Баку. 22.05.1931 – НАС МГ 10 К 282. Фонды Коминтерна, папка 182).

Тенхунен также отметил, что Организация финнов Канады не может вмешиваться в процесс вербовки или пытаться взять на себя руководящую функцию. Тенхунен пишет: «Финское бюро имеет аналогичное мнение по данному вопросу относительно того, что работа должна осуществляться от имени Комитета Финского бюро и под полным контролем Бюро или партии» (М. Тенхунен Баку. 22.05.1931 – НАС МГ 10 К 282. Фонды Коминтерна, папка 182). Автор письма продолжает: «Когда программа была представлена карельскому руководству, оно решило использовать уже существующие организации, которые мы имеем в Штатах... и объявило об их полной самостоятельности в технических и финансовых вопросах» (М. Тенхунен Баку. 22.05.1931 – НАС МГ 10 К 282. Фонды Коминтерна, папка 182). Как результат, руководящими принципами «карельского проекта» явились *указания сверху*. Ни Компартия Канады, ни Организация финнов Канады не имели возможности выразить свое мнение по вопросам вербовки. Кремль и карельское руководство отдавали приказы, в то время как Тенхунен и Латва их исполняли.

КПК ПРОТИВ «КАРЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА»

Хотя Бак и КПК в конечном итоге сотрудничали с Тенхуненом и Латвой, они делали это неохотно. Где было возможно, они пытались за-

медлить процесс утечки «красных» финнов в Карелию. Например, в докладе на встрече ЦИК в мае 1931 года говорилось, что, несмотря на то что анкеты для переезжающих в Карелию могут быть разосланы по районам, «они не должны попасть в региональные отделения, так как могут быть расценены членами партии как приглашения» (Доклад на встрече ЦИК 07.04.1931 – НАС МГ 10 К 280, архив Коминтерна). Канадские коммунистические лидеры, следуя инструкциям *сверху*, хотели как можно меньше афишировать «карельский проект». Несколько раз ЦИК издавал заявления, напоминающие, что все члены партии, желающие отправиться в Карелию, сначала должны получить разрешение. «Нас вновь волнует вопрос о бегстве групп членов партии и отдельных товарищей в СССР без разрешения, это должно быть остановлено. Активисты нам нужны здесь» (Доклад на встрече ЦИК 09.06.1931 – НАС МГ 10 К 280, архив Коминтерна). Коммунистические партии Канады и США боялись, что массовый выезд финнов-социалистов, которые являлись хребтом компартий Северной Америки, нанесет удар по коммунистическому движению в этом регионе.

Письмо, направленное ЦИК Дж. Сундквисту, ответственному за заявления о переезде в Карелию, показывает, что число членов партии, имеющих право на выезд, было ограничено. «Дорогой товарищ, постоянно продолжает поступать огромное количество заявок от финских товарищей на переезд в СССР. Вы помните, что выехать могут не более 15–20 % членов партии» (Письмо ЦИК Дж. Сундквисту 25.03.1931 – НАС, Group 28 IV, 4, reel M-7377, 2 A 1130). Ограничительные квоты на членов партии, выезжающих в Карелию, обсуждались еще на заседании ЦИК в начале 1929 года. В письме Альфу Хаутамяки в Порт-Артур от 2 ноября 1929 года Полком давал следующие указания относительно карельской лесозаготовительной коммуны: «...также при наборе в коммуну не привлекайте слишком много партийных работников» (Письмо ЦИК Альфу Хаутамяки 15.11.1929 – НАС, Group 28 IV, 4, reel M-7376, 1 A 0126). Партия напоминала товарищам, что «их обязанность – бороться здесь, а не предпринимать попытки решать личные проблемы, иммигрируя в страну диктатуры пролетариата» (Резолюция КПК по поводу переезда в Карелию – НАС, Group 28 IV, 4, reel M-7377, 2 A 1261).

Были случаи неподчинения членов партии центру: «Тем не менее, как оказалось, некоторые члены партии не принимают указания центра всерьез и уезжают самостоятельно. Многие злоупотребляют членством в компартии. Политическое бюро приняло строгие меры против восьми партийных товарищей из Монреаля, которые организовали группу для переезда в СССР без ведома партии» (Резолюция КПК по поводу переезда в Карелию – НАС, Group 28 IV, 4, reel M-7377, 2 A 1261).

Лидеры канадских коммунистов также были убеждены, что некоторые товарищи вступили в КПК лишь для того, чтобы облегчить выезд в СССР. В докладе ЦИК от 15 октября 1931 года написано: «В связи с эмиграцией в СССР мы получили сообщения, что в некоторых районах товарищи, занимающие руководящие посты, носят при себе пакеты с партийными материалами и адресами, утверждая, что если они будут арестованы, это поможет им быть депортированными в СССР. Это не что иное, как предательство партии, и по данному вопросу должны быть приняты строгие дисциплинарные меры» (Отчет на собрании ЦИК 15.10.1931 – NAC, Group 28 IV, 4, reel M-7376, 1 A 0126).

Данное сообщение дает повод для сомнений, вызывала ли недовольство у «красных» финнов возможная депортация канадскими властями. Становится очевидным, что некоторые товарищи хотели, чтобы их депортировали, так как это был один из способов отправиться в «край обетованный» без разрешения партии.

«КАРЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ»: КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Можно сделать несколько выводов о степени советского участия в «карельском исходе». Лидеры ВКП(б), карельские власти, представители Коминтерна, руководители КПК – все были в какой-то мере ответственны за планирование, организацию и выполнение «карельского проекта». Например, англо-американский секретариат Коминтерна был вовлечен в проект уже в 1929 году. Кремль и карельское руководство продолжали разрабатывать план о приглашении североамериканских финнов на работу в Карелию. Тем не менее, хотя приказы распространялись в иерархическом порядке, достаточно часто возникали разногласия между структурами, участвующими в реализации проекта. Каждая из них по-своему реагировала на приказы, часто действуя в своих интересах или в интересах территории, которую они представляли. Помимо трений между Тенхуненом и Баком, упомянутых выше, также происходили конфликты между Гюллингом и советскими политическими органами. Не все советские организации с нетерпением ждали огромного количества североамериканских финнов на советской земле. Например, ОГПУ, Наркомат иностранных дел (НКИД) скептически относились к «карельскому проекту», считая иностранных рабочих нежелательным элементом. Данные политические структуры являлись преградой на пути Гюллинга к воплощению мечты о финском анклав в республике.

Многие канадские финны не смогли отправиться в Карелию, так как ОГПУ и НКИД отказывали им во въездных визах. И. Р. Такала пишет, что Гюллингу пришлось приложить много усилий, чтобы продвинуть «карельский проект» и преодолеть циничные настроения политиче-

ских служб по отношению к североамериканским финнам [10]. Гюллинг продолжал настаивать, что приглашение квалифицированных американских рабочих в Карелию является залогом успешного выполнения пятилетнего плана. И. Р. Такала упоминает, что Гюллинг лично обсуждал «карельский вопрос» со Сталиным и получил его одобрение [10]. В 1931–1932 годах проект был официально подтвержден Советом народных комиссаров СССР, РСФСР и Карелии [10].

Важно отметить, что «карельский проект» использовался в качестве прикрытия для решения личных и местных интересов. Как уже упоминалось, среди канадских коммунистических лидеров бытовало мнение, что эмиграция «красных» финнов нанесет ущерб пролетарскому движению в Канаде. Но КПК и карельские вербовщики руководствовались далеко не идеологическими принципами и альтруизмом. Например, Тенхунен злоупотреблял широкими полномочиями, которыми его наделило советское руководство, в корыстных целях. Тенхунен и Латва получали комиссионные за каждого взрослого и ребенка, переехавшего в Карелию [8; 48]. Более того, они также получали комиссионные от «Интуриста» – бюро, следившего за переселением в СССР.

Финансовая сторона «карельского исхода» была также важна для Бака и КПК. В начале 1930-х годов партия и ее печатный орган – газета «Уоркер» – испытывали финансовые трудности. В 1931 году Бак ввел налог в сумме двух долларов за каждую подачу заявления на переезд в Карелию. Ему срочно были нужны средства, и он настаивал, чтобы эти деньги были переведены в ЦИК, а не в региональные отделения партии (Доклад на встрече ЦИК 15.10.1931 – NAC, Group 28 IV, 4, папка M-7376). Можно также утверждать, что Бака более интересовало получение доли партии с доходов от шведских транспортных перевозок, нежели попытки остановить сам исход финнов. Как бы ни было, Тенхунен не был столь заинтересован, как Бак, в вопросе о распределении доходов от «карельского проекта».

«Карельский проект» был продиктован сверху центральными советскими и карельскими властями. Предполагалось, что он поможет поднять экономику Карелии и претворить в жизнь грандиозный план Гюллинга о Советско-Финской республике. Указания проводились в иерархической форме, из Кремля через Карелию в Канаду. Тем не менее различные партии по-разному отреагировали на приказы сверху, часто стремясь удовлетворить собственные нужды. Для коммунистических лидеров в СССР переселение в Карелию было «проектом», который стал для сотен канадских рабочих финнов «лихорадкой».

«КАРЕЛЬСКАЯ ЛИХОРАДКА»: РЕАКЦИЯ СНИЗУ

Тщательное изучение архивов и писем дает возможность сделать вывод, что канадские фин-

ны были вынуждены мигрировать по разным причинам, которые чаще всего имели личный характер и не совпадали с интересами коммунистических лидеров в СССР и Канаде. Значительная часть эмигрантов отправилась в Карелию в поисках работы и социальной стабильности, а не по идейным, культурным и другим нематериальным соображениям. Многие финны, отправившиеся из Канады в Карелию, действовали исключительно в своих интересах. В «карельском проекте» они видели возможность поправить экономическое положение своих семей и использовали все шансы, чтобы покинуть «страну возможностей» и отправиться в «рай для рабочих».

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В период с 1930 по 1933 год около 2000 канадских финнов переехали в Советскую Карелию. Только 30 из них (2 %) прибыли в республику в 1930 году. В 1931 году, в связи с тем, что вербовка приобрела официальный организованный характер и были открыты Центры технической помощи Карелии в Нью-Йорке и Торонто, количество эмигрантов значительно возросло. В 1931 и 1932 годах в Карелию отправились более 1500 канадских финнов, или 75 % от всех уехавших в 1930–1933 годах. (Здесь и далее анализируются списки североамериканских финнов, хранящиеся в Национальном архиве Карелии. Списки предоставлены автору Варпу Линдстрём и Эйлой Лахти-Аргутиной.) В 1933 году в Советский Союз отплыли 250 эмигрантов. Хотя несколько канадских финнов решили отправиться в СССР еще до 1931 года (первые эмигранты прибыли в СССР в 1925 году), массовый исход не был бы осуществлен без организованного процесса вербовки.

Около 75 % эмигрантов из Канады в Карелии получили работу в лесопромышленной сфере (лесорубы, плотники, пильщики, шоферы). 10 % были заняты в строительстве. Финны работали сельскохозяйственными рабочими, кузнецами, водителями тракторов, слесарями, горнорабочими, механиками, электриками, кровельщиками, сапожниками, портными, сварщиками, малярами. Также в Карелию прибыли четыре бухгалтера, два парикмахера и журналист.

Важно отметить, что в Карелию переселялись в основном семьями. Чаще всего переезжали молодые мужчины и женщины 20–30-летнего возраста. 60 % канадских финнов, мигрировавших в Карелию, прибыли в республику со своими семьями, остальные 40 % были холостыми. Тем не менее многие из этих одиноких мужчин и женщин являлись братьями, сестрами, дядями, тетями, двоюродными братьями и другими родственниками, которые приезжали в Карелию друг за другом. Например, в сентябре 1932 года 71-летний Урьё Кузьмин приехал в Карелию вместе со своей дочерью Тююне Кузьмин и ее

детьми – Урьё и Хэлен. Довольно часто неженатые мужчины приезжали вместе с семьями своих братьев. Например, Вальтер Лахти приехал к своему брату Вяйно Лахти, его жене Эллен и их детям Ельмер и Эллен. Хотя более 700 эмигрантов по прибытии были зарегистрированы как одинокие, большинство из них являлись членами огромных семей – звеньями родственной цепной миграции.

В числе прибывших было 380 женатых пар, из них 200 имели, по крайней мере, одного ребенка. 57 семей имели двух детей, 18 – трех, но были семьи и с семью детьми. 17 ноября 1931 года Роберт и Айно Хольмберг приехали в «рай для рабочих» с семьей детьми: Руут, Вильбретом, Расселом, Мартой, Дороти, Вернхардом и двухлетним Аланом.

Другой важной особенностью «карельской лихорадки» являлся преимущественно молодой возраст эмигрантов. Это были женщины и мужчины двадцати – тридцати лет, энергичные и в расцвете сил. По существу, они являлись сливками финской рабочей силы Канады, бесценным ресурсом трудовых кадров. 62 %, или две трети, тех, кто прибыл в Карелию с 1930 по 1933 год, были в возрасте от 21 до 39 лет. Если к этому числу мы добавим детей до 12 лет (каждый шестой эмигрант не достиг двенадцатилетнего возраста, были и такие, как 4-месячный Лео Сиеванен, сын Аарне и Импи Сиеванен), которые, как мы можем предположить, являлись потомками возрастной группы от 21 до 39, это составит в сумме 76 % всех участников «карельского исхода». Только 42 эмигранта, или 3 %, были старше 50 лет.

Таким образом, «карельский исход» являлся в основном семейным движением, среди эмигрантов преобладали молодые мужчины и женщины с детьми. Столь значительное число молодых семей с детьми заставляет поставить под сомнение точку зрения М. Севандер о том, что «идеологический фанатизм» сыграл решающую роль в распространении «карельской лихорадки». Сложно поверить, что молодые пары с только что рожденными детьми искали чего-то большего, чем экономическая и социальная стабильность. Это отнюдь не снижает роли коммунистической и социалистической идеологии в принятии финнами решения отправиться в Карелию. Но стоит поразмышлять, насколько сильны были радикальные настроения среди этих молодых мужчин и женщин, если приоритетами для них являлись наличие рабочего места, достаток и стабильность их семей и будущего их детей. Легче предположить, что скорее одинокие мужчины и женщины приезжали в Карелию по идеологическим соображениям, хотя, как уже было показано, многие холостяки просто следовали за семьями своих родственников в процессе расширяющейся цепной миграции.

Эмигранты приезжали в Карелию с целью поиска социально-экономического обеспечения, а не ведомые «идеологическим фанатизмом».

Пострадавших от экономической депрессии молодых финнов привлекала перспектива получения стабильной работы в СССР, бесплатного образования для их детей, медицинского обслуживания, государственной системы пенсионного обеспечения. Другими словами, «карельская лихорадка» подогревалась не идеологическими и политическими соображениями или фанатизмом, это был поиск лучших материальных условий. «Карельский проект» открыл новые возможности, которые «красные» финны, не колеблясь, использовали, чтобы убежать от бедности и безысходности в Канаде, отправившись попытать счастья на обетованную землю – в «рай для трудящихся».

ПИСЬМА ИЗ КАРЕЛИИ

Анализ писем североамериканских иммигрантов, отправленных из Карелии в Канаду и США в период с 1931 по 1933 год, показывает преимущества экономической и социальной жизни в СССР по сравнению с жизнью в Северной Америке. Например, в 1933 году шестнадцатилетний уроженец Оттертэйла, штат Миннесота, проживающий с семьей в Петрозаводске, писал: «Ты не должен волноваться о том, как ты будешь здесь жить, по сравнению с тем, как ты живешь там сейчас. У моего отца каждый день есть работа, и он не боится ее потерять» [9; 210]. Другая девушка в письме своей кузине отметила: «Маме и папе на самом деле здесь не очень нравится, но они понимают, что если, вернувшись назад, папа не получит работу, это будет ужасно» [9; 205]. Во многих письмах так или иначе подчеркивается важность наличия стабильной работы в Карелии. Канадским финнам было сложно адаптироваться в новых условиях жизни, привыкнуть к русско-советской культуре, но для многих покинуть Карелию было сложно или практически невозможно. Однако несколько семей заявляли о том, что им нравится жить в Карелии в условиях социальной защищенности и наличия стабильной работы, недостаток которых они испытывали в Канаде.

В своих письмах североамериканские финны хвалят поддерживаемую советским государством систему социально-экономического и культурного обеспечения. Один эмигрант пишет: «Однажды мне пришлось лечить зуб у дантиста, и это не стоило мне ни копейки. Здесь для рабочих бесплатные дантисты и врачи» [9; 210]. Кроме бесплатного медицинского обслуживания, эмигранты отмечали также наличие пенсионного обеспечения. В одном письме говорится: «Здесь, в стране рабочих, мы получаем надлежащую поддержку во время болезни или по старости лет» [9; 214]. Более того, в письмах также упоминается, что школы в республике бесплатные, способствующие продвижению финской культуры, финского языка, что облегчает адаптацию в новой среде. Перспективы трудоустрой-

ства, бесплатного медицинского обслуживания, бесплатного образования и пенсионного обеспечения послужили для канадских эмигрантов стимулом поселиться в Карелии. Прибыв в республику со своими семьями и родственниками, канадские финны приехали зарабатывать на жизнь, воспитывать детей, строить новые дома, как они думали, в социально и экономически защищенной среде. В большинстве своем они не искали приключений, и лишь немногие из них были радикально или революционно настроены. Но нельзя также утверждать, что финны не симпатизировали коммунизму, многие были равнодушны к идеям социализма. Тем не менее важно понять, что эти люди приехали сюда мирно жить, а не поднимать революционное восстание.

В данном разделе представлен статистический анализ данных о более чем 2000 финнов, которые покинули Канаду. Предполагается, что этот исход был частью семейно-цепной миграции. По моему мнению, основные причины трансатлантической миграции имели экономический характер. Было бы интересно проанализировать информацию о тех, кто вернулся из Карелии в Канаду (часть информации по этому вопросу является доступной), и определить, были ли те возвращенцы семьями, разочарованными в материальных условиях жизни в Карелии, или одиночками, чьи идеологические иллюзии были разрушены медленным прогрессом и неэффективностью социализма в СССР. Некоторые доступные письма и документы показывают, что одинокие финны более позитивно писали об опыте пребывания в Карелии, нежели главы семейств, которые не нашли жизнь в СССР такой привлекательной, как они предполагали.

Также важно подчеркнуть, что помимо ОГПУ и НКВД, которые писали в своих отчетах, что североамериканские финны являются нежелательным элементом в Советском Союзе, в СССР не было политических организаций, которых бы сколько-нибудь беспокоили идеологические воззрения канадских финнов. По мнению разработчиков пятилетнего плана, Советскому Союзу были нужны квалифицированные рабочие, а не активные коммунисты. Гюллинг и Ровио хотели быть уверены, что эмигрантами будут финны, готовые поддержать финноязычное население КАССР. Что касается Тенхунена и Латвы, то они определили, что им нужны работоспособные молодые люди, и оставили на усмотрение КПК вопрос об идеологических пристрастиях кандидатов на отъезд в Карелию. Как уже говорилось, лидеры КПК не были заинтересованы в том, чтобы преданные финны-социалисты уезжали в Карелию, и всевозможными способами пытались ограничить их отъезд. Таким образом, именно молодые финноязычные работники являлись основной целевой группой вербовщиков, и именно они составили большинство тех, кто уехал. Обещания благополучного будущего

в Карелии основывались на идеологических и экономических контрастах с безработицей в охваченной депрессией Канаде.

ДРУГИЕ ПРИЧИНЫ

Причины, по которым канадские финны приняли участие в «карельском проекте», были разными. Кто-то был заражен «идеологическим фанатизмом». Другие отправлялись за океан из любопытства и в поисках приключений. Однако большинство уехало из-за безработицы в Канаде и возможности трудоустройства в Советском Союзе. Многие эмигрировали по национальным и культурным соображениям. Некоторые историки утверждают, что национальная и культурная идентичность явились основными факторами, вызвавшими «карельскую лихорадку». Однако необходимо подчеркнуть, что миграция в Советский Союз не имела исключительно финский характер. Заявления на переезд в Карелию приходили из разных уголков Канады, и не только от финских граждан. 11 апреля 1931 года некий Стив Франк из Китченера, провинция Онтарио, написал в газету «Уоркер»: «Не могли бы вы сообщить некоторую информацию об эмиграции в Карелию. Несколько рабочих хотели знать, могут ли они эмигрировать. По профессии они квалифицированные механики, занятые в лесной промышленности. Пожалуйста, напишите мне, как они могут попасть в СССР» (Письмо С. Франка из Китченера, штат Онтарио, в газету «Уоркер» 11.04.1931 – NAC, Group 28 IV, 4, reel M-7378, 5 B 0765). Другое письмо пришло из Норанды, провинция Квебек: «Мне сообщили, что правительство России послало в Канаду агентов по найму квалифицированных рабочих в Россию. Я оператор-станочник с 16-летним стажем» (Письмо А. Галт из Норанды, провинция Квебек, в газету «Уоркер» 17.12.1930 – NAC, Group 28 IV, 4, reel M-7380, 7 B 1868). 23 февраля 1931 года в центральное управление КПК в Торонто пришло письмо из Принс-Джорджа, провинция Британская Колумбия: «Я понимаю, что России требуется огромное количество телеграфистов и поездных диспетчеров, не могли бы вы сообщить полную информацию относительно заработной платы, технических требований... транспортировки, паспортов и т. д.» (Письмо из Принс-Джорджа, провинция Британская Колумбия, в газету «Уоркер» 23.12.1930 – NAC, Group 28 IV, 4, reel M-7380, 7 B 1873).

Данные примеры показывают, что в начале 1930-х годов переезд в Советский Союз интересовал не только канадских финнов. «Карельский исход» был в большей степени результатом Великой депрессии и возрастающей бедности и голода, чем эмиграцией по национальным и культурным соображениям. Более того, если бы не Великая депрессия, «карельская лихорадка», вероятно всего, не претворилась бы

в жизнь, несмотря на попытки Гюллинга и Ровио привлечь рабочих в Карелию. Возможно, финны эмигрировали бы в Карелию, но не в таком количестве, и определенно не было бы такого ажиотажа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Карельский исход» – уникальное явление в истории Канады. Несмотря на Великую депрессию, 1930-е годы были чрезвычайно важным десятилетием в западном полушарии. Это было время радикальных изменений и консервативной реакции, отчаяния и в то же время амбициозных планов на будущее. Это была эпоха принципов и строгой политической морали, экономического кризиса, социальной нестабильности, усиливающегося национализма и политического радикализма. «Карельский исход» был рожден в атмосфере страданий, взлетов и падений, побед и предательств.

История сверху, как сказала Харли Дж. Кей, это анализ социополитических структур, исторических процессов, где правящая элита использует бедных – иными словами, «кто, кем и как управляет» [6; 84]. Как бы то ни было, «инструкции с той стороны» распространялись вниз в приказном порядке. Руководство на местах воспринимало эти указания неоднозначно. Каждая организация стремилась отстаивать свои собственные интересы. У Гюллинга и Ровио были цели национального характера, КПК интересовал пролетарский аспект в Северной Америке, Тенхунен и Латва были привлечены идеологией, а также личными целями, в то время как массы людей видели в «карельском проекте» возможность убежать от социального, экономического и политического кризиса. Причины «карельской лихорадки» в Канаде, которая заставила 2000 канадских финнов отправиться в Карелию, разнообразны настолько, насколько это возможно. Многие иммигранты искренне мечтали сделать советскую республику «раем для рабочих». Но большинство уезжало, чтобы найти работу и социально-экономическую стабильность. Часть иммигрантов в Карелию была привлечена географической и культурной близостью Карелии и Финляндии, родины финнов. Как уже было показано, многие одинокие финны приехали в Карелию за своими родственниками в процессе семейно-цепной миграции. Но были и те, кто отправлились в путь из любопытства и в поисках приключений. Большинство эмигрантов считали, что Северная Америка не оправдала их надежды – ни политические, ни экономические, ни культурные, ни социальные. Каждая группа имела свои собственные причины уехать в Карелию. Эти причины превратились в массовое движение снизу, которое получило название «карельской лихорадки».

История не может рассматриваться как черно-белая картинка. Ничто в историческом про-

цессе не является точным или определенным – в истории не существует «правды». Отдельный момент в историческом процессе похож на цветную фотографию, изображение которой меняется в зависимости от угла зрения. Краски в определенном положении смешиваются, сливаются, создавая гармонию. Так же и в истории – существуют сотни фактов, которые являются движущими силами в историческом процессе. Только при смешивании этих фактов, их динамике и взаимосвязи в пространстве получается гармония истории, исторический процесс. Существует

вующие объяснения «карельского исхода» не могут рассматриваться отдельно. Необходимо показать, что и было предпринято в данном исследовании, как причинно-следственные факторы исторического развития проявились во времени и пространстве, в социополитической и исторической обусловленности. Для советских коммунистов это был проект, который для канадских финнов стал лихорадкой, в то время как в Канаде его запомнили как исход.

(Пер. с англ. А. Андроновой)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прудникова Е., Колпакиди А. Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий. Москва: Олма Медиа Групп, 2007. 640 с.
2. Севандер М. Скитальцы: О судьбах американских финнов в Карелии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 186 с.
3. Angus I. Canadian Bolsheviks: The Early Years of the Communist Party of Canada. Montreal: Vanguard press, 1981.
4. Harris S. Nilo's Journey: Finnish American Migration to the Soviet Union in the 1930s. M. A. Thesis. Norwich University, 2000.
5. Soviet Karelia // Vapaus. 02.05.1931.
6. Kaye H. J. The Education of Desire: Marxists and the Writing of History. New York: Routledge, 1992.
7. Lindström V. The Finnish Canadian Communities During the Decade of the Depression // Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depression Era. Toronto: Aspasia Books, 2004.
8. Pogorelskin A. Communism and the Co-ops: Recruiting and Financing the Finnish-American Migration to Karelia // Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depression Era. Toronto: Aspasia Books, 2004.
9. Smith R. H. A Sociological Survey of the Finnish Settlement of New York Mills, Minnesota and its Adjacent Territory. Augusts, 1933.
10. Takala I. From the Frying Pan into the Fire: North American Finns in Soviet Karelia // Journal of Finnish Studies. Vol. 8. No. 1. 2004.
11. The Communist International, 1919–1943 Documents, Volume III 1929–1943. Oxford University Press, 1971.
12. Weidenhamer E. Disillusionment on the Grandest of Scales: Finnish American in the Soviet Union, 1917–1939 // The Journal of Russian and Asian Studie, issue 3, winter 2005, Finnish Americans in the Soviet Union.
13. Worley M. Courting Disaster? The Communist International in the Third Period // In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period. New York: St. Martin, 2004.

УДК 94(47).084.6 + 94(71).06 + 94(73).091

САМИРА САРАМО

аспирант университета Йорк, Канада

sssaramo@yorku.ca

ЛИЧНЫЕ ПИСЬМА СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ФИННОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ

В данной работе анализируются три коллекции личных писем североамериканских финнов, живших в Советской Карелии, с целью исследования особенностей жизни иммигрантов, их связи с родиной и их отношения к окружающей действительности в довоенный и послевоенный периоды.

Ключевые слова: письма иммигрантов, транснационализм, материальные условия жизни, молодежная культура, национальное самосознание, локальная идентичность, коллективная травма, историческая модель

Изучение писем иммигрантов дает историкам возможность проследить отношение людей как к своей родине, так и к принявшей их стране и, следовательно, пролить свет на то, какой была жизнь иммигрантов. В данной работе были изучены три коллекции писем североамериканских финнов, живших в Советской Карелии, которые оказались ценным источником для изучения непосредственных условий жизни в Карелии, для исследования культурных тенденций, развивавшихся в среде американских финнов, для понимания того, как финны в Карелии поддерживали связи с Северной Америкой, как они относились к репрессиям и Великой Отечественной войне и лично их переживали. Особое внимание уделяется вопросу о перевозке личного имущества иммигрантов из Северной Америки в Карелию, что позволяет сравнить условия проживания в Карелии с тем, к чему привыкли финны; исследуется также молодежная культура Карелии с целью показать, что строительство социалистической утопии означало возникновение новых этических норм общения и ухода; в работе уделяется

внимание и вопросу о том, как авторы писем пытались сохранить связи с родиной, что позволяет проследить сохранение «личной целостности» [3; 4]; наконец, отдельно рассматриваются сведения об арестах и убийствах в период репрессий и войны в письмах североамериканских финнов. Данная работа нацелена на то, чтобы ответить на вопрос: какой была жизнь строителей утопии, как иммигранты понимали свою роль и место в мире и как они справлялись с травмами от террора. Основными источниками послужили именно письма, а не документы коммунистической партии или опубликованные мемуары.

Разумеется, в науке существует интерес к исследованию писем иммигрантов, о чем, в частности, свидетельствует новый канадский проект о меннонитах (меннониты – протестантская деноминация. – *Прим. перев.*), оказавшихся в советских лагерях. Этот проект называется «Letters from Stalin's Russia» («Письма из сталинской России») [5]. Однако после тщательного исследования материалов проекта можно с уверенностью сказать, что очень небольшое количество

научных работ основано на письмах. Британским иммигрантам XIX века посвящены две фундаментальные работы. В 1971 году было опубликовано исследование Шарлотты Эриксон «Invisible Immigrants: The Adaptation of English and Scottish Immigrants in 19th-Century America» («Незримые иммигранты: адаптация английских и шотландских иммигрантов в Америке XIX века»), которое представляет собой новаторское исследование на тему британских иммигрантов в США, основанное на личной переписке «обыкновенных» людей. Эриксон доказывает, что благодаря письмам «иммигрант имел возможность сохранить себя и объяснить происходящее вокруг в ситуациях, когда он чувствовал потерю личностных координат» [2; 5]. Однако, на наш взгляд, в книге «Незримые иммигранты» представлено недостаточно информации о том, как нужно изучать личные письма. К счастью, много соображений на этот счет приводится в книге Дэвида Гербера «Authors of Their Lives: The Personal Correspondence of British Immigrants to North America in the Nineteenth Century» («Авторы о своей жизни: личная переписка британских иммигрантов в Северной Америке в XIX веке»).

Методология, которая использовалась при анализе писем из Карелии в Северную Америку, основывается на этой работе Гербера. Для Гербера письма были способом сохранения «личной целостности» в хаосе, вызванном миграцией. Важно отметить, что Гербер призывает читателей рассматривать письма не как способ поддерживать отношения с родиной, а как способ развивать эти отношения [3; 3–4]. Эти утверждения представляют собой способ переосмысления отношения иммигрантов к своему дому или же ко второй родине (что применимо к некоторым финнам-иммигрантам в Карелии). Таким образом, письма – это способ сохранить свое место в обществе, которое покинули иммигранты; данный подход отвергает как теорию «искоренения», так и теорию «переселения», распространенные в трудах об иммиграции. Эта методология позволяет понять возможность пребывания в двух местах одновременно.

Гербер говорит о том, что содержание писем может быть менее важно, чем та социальная функция, которую они выражают [3; 51–52]. В данной работе при анализе писем, написанных финнами в Карелии, принимается главный постулат Гербера о том, что письмо – это общественный диалог; но в исследовании также уделяется пристальное внимание материальным и культурным условиям написания письма для того, чтобы понять, какую информацию можно почерпнуть уже из его происхождения. Чувствительность к повседневным вопросам и событиям, отраженным на страницах писем, позволяет понять жизнь и ценности автора. Наконец, как верно замечает Гербер, написание письма как источника, играющего социальную роль, дает возможность самопознания [3; 75]. Изучение

личных писем – это плодотворный способ осознания ценности жизни иммигранта на личном, общественном и культурном уровнях.

В данной работе используются три группы писем, которые являются частью коллекции писем, представленной в международном исследовательском проекте «Missing in Karelia» [6]. Коллекция писем Хейно содержит десять писем, написанных дочерью Алисой и матерью Жужиной, одно письмо написано Тауно Сало и адресовано Карлу Хейно. О семье Хейно известно немного: Жужина и Франк Хейно эмигрировали в Карелию из Менага, штат Миннесота, с детьми Биллом, Карлом, Уолтером, Артуром, Урхо, Алисой и Мартой (по старшинству). Карл и Марта вернулись в Миннесоту к Лауре, Арвиду и Уайно (своим родным братьям и сестре), которые остались в Америке. В этих письмах содержится много новой и полезной информации, но при анализе возникают трудности, связанные с датировкой писем (на многих из них даты отсутствуют) и с наличием пропусков в содержании писем.

Вторая группа писем – это четырнадцать писем Аате Питкянена, адресованных его родителям, сестре Тайме и мужу сестры Джиму, а также друзьям, написанные между 29 марта 1933 года и 12 июня 1942 года. Этим письмам предшествует очень эмоциональное письмо, написанное Аате Питкяненем своей тете 25 июля 1928 года. Питкянен переехал в Петрозаводск из Кивикоски, местечка, расположенного неподалеку от современного Тандер Бэя, Онтарио. Удивительная история Аате Питкянена стала известной благодаря документальному фильму «Letters from Karelia» («Письма из Карелии», режиссер Келли Саксберг, 2004), снятому на киностудии Национальной киноассоциации Канады.

Последняя коллекция писем несколько отличается от писем Хейно и Питкянена. Письма Джека Форселла представляют ретроспективный взгляд на жизнь в Карелии в 1930-х годах. В проекте «Missing in Karelia» собрано двадцать восемь писем и несколько рождественских открыток Форселла, адресованных его племяннице Джанет Лехто в родной город Форселла на реке Дог Валеи, неподалеку от Тандер Бэя. Письма были написаны между 20 февраля 1972 года и 6 декабря 1996 года, а заключительное письмо было написано его женой Эльви 23 июня 1997 года. В связи с тем что письма Форселла носят ретроспективный характер, их можно поставить в один ряд с доступными опубликованными мемуарами. Однако можно утверждать, что, поскольку Форселл писал свои воспоминания в течение нескольких лет и для определенной аудитории, в письмах содержится более органичная оценка его пребывания в Карелии в 1930-х годах. Несмотря на то что в некоторых статьях (например, «Haaveet jaivat haaveiksi») («Мечты остаются мечтами») Паулы Аутио) делается попытка рассказать историю Форселла [1; 37–43], его личные письма лучше говорят о его жизни.

Несомненно, исследование писем представляет значительный интерес. Однако, как и в любом другом типе источников, в письмах содержится большое количество нюансов, к которым историк должен быть очень внимателен. Самая главная трудность в исследовании писем – это пробелы. Серьезной проблемой может стать отсутствие датировки. Например, письмо Аате Питкянена под номером 29 было написано в 1933 году, но месяц написан неразборчиво (Письмо А. Питкянена Дэвису от 29.03.1933). Тем не менее в письме говорится об окончании зимы. Другое письмо, написанное 6 апреля, было в том же конверте и сообщало о том, что он не смог отправить письмо, написанное в конце прошлого месяца. Следовательно, можно установить, что предыдущее письмо было написано в марте. Когда таких явных подсказок нет, историкам нужно внимательно восстановить временную линию и попытаться определить даты, используя упоминания об особых событиях, днях смерти или днях рождения.

Трудности возникают и с потерянными страницами – такая преграда встает при изучении всех писем. В письме Тауно Сало Карлу Хейно очевидно, что отсутствует третья страница (Письмо Тауно Сало К. Хейно от 23.11.1935). Как предупреждает Гербер, историки должны критично относиться ко всем пропускам [3; 9]. Гербер также призывает историков обращать внимание на роль получателя при потере страниц или пропусках в переписке [3; 8–10]. Важно узнать, было ли в письме что-либо оскорбительное в адрес получателя или его потомков. Очень серьезной преградой в изучении темы североамериканских финнов в Карелии, как и многих других вопросов советской истории, является цензура. Во время репрессий поток писем значительно сократился. Показательно, что в письме Жустины Хейно обнаруживается информация, согласно которой она отправила своей дочери Марте письмо, в котором сообщала семье об аресте Франка Хейно (Письмо Ж. Хейно № 5). Жустина уверена, что Марта не получила ее письма, потому что она знает, что ответ был бы отправлен сразу, тем более что ни в одном другом письме, посланном ею из Карелии, не упоминалось об аресте. Важно выяснить, были ли потерянные страницы изъяты цензором или автор письма, зная, что переписка контролируется, сам убирал эти страницы.

Историкам также следует выяснить, кем были авторы писем. Например, приехавшая в Карелию молодежь видела здесь возможность построить общество, которое бы соответствовало ее социальным и личным потребностям. В то же время те, кто иммигрировал с семьями и маленькими детьми, от этой возможности отнюдь не выигрывали.

Наконец, как пронизательно отметил Гербер, письма – это неизбежно эмоциональный источник [3; 44]. Историки должны учитывать тон,

в котором написано письмо, и быть внимательными к тому, как это могло повлиять на содержание.

Изучение личных писем позволяет собрать информацию для дальнейшего изучения жизненных условий в Карелии. Исследуя перемещение небольшого потока личного имущества, можно понять, в чем больше всего нуждались финны в Карелии. Совершая путь из Америки в Карелию, иммигранты могли передать посылки и письма своим соотечественникам, уже жившим в Карелии, от их родственников и друзей за океаном. Очень ценились получателями такие вещи, как штопальные иглы, бритвы, аспирин, йод, будильники (Письмо А. Питкянена в «Lakeridge Residents» от 20.06.1933; Письмо А. Питкянена родителям от 09.11.1933 и от 01.01.1939). Финны в Карелии просили и получали свитера, нижнее белье, носки, длинное шерстяное белье и особенно обувь (Письмо А. Питкянена родителям от 09.11.1933 и 01.01.1939; письма Ж. и А. Хейно № 4 и 8 от 25.01.1933). Чтобы иммигранты не теряли связь со своими соотечественниками в Канаде и США, им посылались книги и финноязычные американские социалистические и коммунистические газеты, такие как «Punikki», «Vappu» и «Työmies» (Письма А. Питкянена в «Lakeridge Residents» от 20.06.1933 и 08.04.1933).

Часто родственники и друзья посылали такие угощения, как печенье, кофе, сладости, жевательную резинку, что вызывало ностальгию у получателей (Письма А. Питкянена Дэвису от 29.03.1933, в «Lakeridge Residents» от 20.06.1933 и родителям от 09.11.1933). Календари, казалось, имели особое значение для иммигрантов в Карелии, во многом из-за картинок на страницах (Письма А. Питкянена в «Lakeridge Residents» от 08.04.1933 и родителям от 20.03.1937; Письмо Дж. Форселла Дж. Лехто от 29.11.1983). Благодарности за газеты, конверты и картины сопровождали каждое ответное письмо (Письмо А. Питкянена Дэвису от 29.03.1933; Письма Ж. и А. Хейно № А 1 и 9).

Изучение вещей, которые посылались в Карелию, таких как книги, журналы, угощения, показывает, как североамериканские финны пытались сохранить и поддержать связи со своей диаспорой. Отправка таких необходимых вещей, как одежда и иглы, говорит о том, каких товаров первой необходимости не хватало в Карелии. Хотя историки и нашли информацию о более значительных товарах – машинах и тракторах, собранных Обществом технической помощи Карелии и Машинным фондом, важно выяснить, какие товары были востребованы в повседневной жизни [4; 38]. Изучение личных писем как раз дает подробную информацию об условиях жизни, с которыми столкнулись североамериканские финны в Карелии.

Помимо этого письма сообщают и о культурной жизни. Изучение писем позволяет углубиться в исследование молодежной культуры

Советской Карелии 1930-х годов. В письмах Аате Питкянен, Алисы Хейно и Тауно Сало можно найти сведения о том, что строительство социалистической утопии также могло означать формирование новых норм общения, ухаживания и сексуального поведения. Аате Питкянен был полон оптимизма по отношению к современному обществу Карелии. Сообщая своим друзьям о желании стать советским гражданином, он заявил: «Я не верю, что когда-либо пожалею о своем решении» (Письмо А. Питкяненна в «Lakeridge Residents» от 20.06.1933). Пока еще ни в одной исследовательской работе не изучался вопрос о том, как молодежное движение повлияло на культурное и общественное развитие Карелии. Посредством изучения писем можно узнать, как молодежь строила свое общество, какие у них были возможности для развлечения и общения и что для них значили свидания и сексуальность.

В то время как одни люди приезжали в Карелию, другие решали уехать оттуда. Аате Питкянен часто писал о значении участия в общественной жизни, что позволяло отвлечься от проблем (Письма А. Питкяненна родителям и Дэвису от 09.11.1933 и в «Lakeridge Residents» от 08.04.1933). Он верил, что посещение общественных мероприятий – это «возможность выявить проблемы и попытаться вместе улучшить положение» (Письмо А. Питкяненна в «Lakeridge Residents» от 08.04.1933). В письмах сообщается о большом выборе возможностей, доступных тем, кто хотел активно участвовать в развитии молодежной культуры Карелии.

Для противодействия высоким темпам возвращения обратно в Америку в 1933 году в Петрозаводске был организован американский клуб для молодых людей (Письмо А. Питкяненна Дэвису от 09.11.1933). Для молодежи были созданы и многие другие объединения. Комсомол, пионерская организация и советское образование были, в первую очередь, нацелены на воспитание финской молодежи в духе коммунистической идеологии и истории. Алиса Хейно гордилась теми заданиями, которые ей дал ее пионерский отряд (Письмо А. Хейно № 2). Из писем Питкяненна также видно, что он принимал активное участие в работе комсомольского агитбюро вплоть до 1939 года (Письмо А. Питкяненна родителям от 01.01.1939). Хотя основной задачей этих организаций была подготовка будущих членов коммунистической партии, в письмах в первую очередь отражены возможности социализации, которые сопровождали образовательную деятельность.

Многие молодые люди занимались в музыкальных коллективах – хоровых ансамблях или оркестрах, организованных через школы, работодателей, союзы и комсомол. Алиса Хейно рассказывала своему брату, что занималась во многих группах, где разучивала песни или стихи, которые часто пела и рассказывала на вечерах,

устраиваемых североамериканскими финнами (iltamat) (Письмо А. Хейно № 2). Аате Питкянен писал о том, что принимал участие в концертах одного артиста на радиостанции – это входило в его обязанности по комсомольской работе (Письмо А. Питкяненна родителям от 09.11.1933).

Спорт – как официально организованный, так и любительский – был важной частью молодежной культуры Карелии. Фактически во всех городах Карелии были катки (Письмо А. Хейно № 2). Аате Питкянен был членом хоккейной команды (Письмо А. Питкяненна Дэвису от 06.04.1933). Влияние американцев можно увидеть в возникновении баскетбольной лиги (Письмо А. Питкяненна Дэвису от 06.04.1933). Борьба, футбол, «presäpällo» (финская игра наподобие бейсбола), легкая атлетика и игры на поле были очень популярны как среди участников, так и среди болельщиков (Письма А. Питкяненна в «Lakeridge Residents» от 08.04.1933 и родителям от 20.03.1937 и 12.03.1939). Катание на лыжах было еще одним любимым способом времяпрепровождения, причем популярны были как лыжные гонки, так и просто катание с гор. Такие спортсмены, как Аате Питкянен, благодаря своим увлечениям могли путешествовать, выступая на соревнованиях, становились известными и даже избегали сталинских репрессий. В конце 1938 года Питкяненна даже взяли в сборную команду Советского Союза по лыжам. Его перевели из Карелии и направили в распоряжение спорткомитета (Письмо А. Питкяненна родителям от 01.01.1939). Официальные образовательные и спортивные учреждения давали молодежи возможность общаться во время тренировок и в течение школьной недели. У детей в карельских школах был только один выходной день (Письмо А. Хейно № 2). Когда школьная или пятидневная рабочая неделя заканчивалась, молодежь мчалась в Дом культуры, чтобы принять участие в проводившихся там мероприятиях (Письмо А. Хейно № 4).

Письма демонстрируют, что в Карелии финская молодежь часто имела доступ к кино. Алиса Хейно, будучи только подростком, находилась под впечатлением от фильмов, которые она смотрела. Она писала брату о фильме, который сильно на нее повлиял. Это был фильм о поэте, который открыто выступает против царизма, присоединившись к советскому делу (Письмо А. Хейно № 2). Однако на Аате Питкяненна такие фильмы произвели гораздо меньшее впечатление. Питкянен писал своей сестре и зятю, что ему не понравились фильмы с партийной пропагандой. Он предпочитал те редкие случаи, когда показывали иностранные картины (Письмо А. Питкяненна Дэвису от 21.11.1934). Тем не менее, по словам Питкяненна, можно было всегда рассчитывать, что в финском театре в Петрозаводске «покажут хорошую пьесу» (Письмо А. Питкяненна Дэвису от 21.11.1934). Бильярд был также доступен для молодежи. В 1935 году Тауно Сало писал о том, что бильярдные были очень хорошо оборудованы (Письмо Т. Сало К. Хейно от

23.11.1935). Молодежь могла проводить время, играя в пул за шесть рублей в час (Письмо Т. Сало К. Хейно от 23.11.1935). Бильярд, танцы в субботу вечером и другие вечеринки позволяли финской молодежи в Карелии проводить «шумные и буйные вечера» (Письмо А. Питкянена родителям от 09.11.1933; Письмо Т. Сало К. Хейно от 23.11.1935).

Алиса Хейно писала о том, что именно в Карелии она научилась так хорошо танцевать, что могла бы научить любого. При этом она добавляла, что многие мальчики просили ее научить их танцевать, но она пока так и не назначила урок ни одному из них (Письмо А. Хейно № 4). Для старших подростков и тех, кому было около двадцати, предоставлялись широкие возможности для романтических встреч. Аате Питкянен писал друзьям в Лейкридж, Онтарио, что свидание – это «как болезнь» и что холостяки назначали свидания так часто, как цыгане меняют лошадей (Письмо А. Питкянена в «Lakeridge Residents» от 20.06.1933). В марте 1933 года Аате написал своей сестре: «У меня было несколько таких вспышек – летняя, осенняя, зимняя и весенняя, каждая на одну ночь. У меня уже очень долго не было ни одной постоянной девушки, с прошлого года...» (Письмо А. Питкянена Дэвису от 29.03.1933). В 1937 году Питкянен стал встречаться с Майкки. Он писал своей сестре, что люди были за них очень рады, кроме некоторых холостяков, которые положили свой глаз на «самую приятную и милую девочку по эту сторону Северного полюса» (Письмо А. Питкянена Дэвису от 02.05.1937). Отношения с Майкки оказались недолгими, и в итоге Аате женился на Лилии. Когда Аате и Лилия вступили в серьезные отношения, рождение ребенка не заставило себя долго ждать. То, как быстро пары обзаводились детьми, дало Тауно Сало повод назвать это «социалистической гонкой» (Письмо Т. Сало К. Хейно от 23.11.1935).

Некоторые упоминания о свиданиях и сексуальном поведении, о которых идет речь в письмах, требуют более пристального внимания. Несомненно, что присутствие такого значительного числа молодежи среди иммигрантов привело к новому пониманию общения, ухаживания и сексуальности. Было бы интересно провести сравнительное изучение отношений и сексуального поведения финской молодежи в Северной Америке и Карелии. Поскольку в 1920–30-е годы городская молодежная культура в Северной Америке характеризовалась более свободными социальными нравами, стоит задать вопрос о том, насколько на финскую молодежь, которая первоначально жила в сельских или тяготеющих к промышленным центрам районах в западной части Великих Озер, повлияли молодежные движения, появившиеся после Первой мировой войны. Исходя из того, что молодые финны-иммигранты, живущие в Карелии, получили социалистическое воспитание, также необходимо

обратиться к вопросу о том, какое влияние на их понимание сексуальности оказывали работы, защищающие свободную любовь при социализме.

Как кажется, личные письма являются лучшим источником проникновения в вопросы общественных норм и сексуального поведения. Благодаря им можно понять, почему многие ретроспективные источники, например письма Джека Форселла, игнорируют вопросы, связанные с молодежной культурой. Так, многие развлечения, описанные в письмах очень подробно, могут быстро забыться, или лишь спустя годы будет осознана их значимость. Тем не менее важно помнить дни, когда молодежь Карелии была полна оптимизма относительно будущего, которое она строила.

Изучение писем иммигрантов способствует лучшему пониманию того, как люди видели свое место в межнациональном мире, а также тех отношений, которые они поддерживали и развивали как со своей родной страной, так и с той страной, куда они приехали. Одно из самых интересных наблюдений, сделанных при исследовании всех трех коллекций писем, заключается в том, что сами авторы говорят, какой должна быть переписка. Каждый из авторов заботился о своевременном получении писем и об определенном количестве ответов. Например, в письме, адресованном в родной город, Аате Питкянен жалуется, что его сестра пишет письма друзьям в Карелию, пренебрегая при этом им (Письмо А. Питкянена в «Lakeridge Residents» от 20.06.1933). Однако в этом же письме, написанном в июне, Питкянен признается, что еще не ответил на многие письма, так же как и не успел написать письмо с благодарностью за рождественскую открытку. Осознание того, что он не отослал требуемого числа писем, могло вызвать беспокойство у того, кто писал письмо. Например, Джек Форселл, писавший только своей племяннице и сестре, все-таки боялся, что другие подумают, что он о них забыл (Письмо Дж. Форселла Дж. Лехто от 06.02.1979). То, что авторы так серьезно относились к переписке, говорит об их обязательствах перед родиной, которую они покинули.

Некоторые авторы решили открыть свою личную переписку для публики. Джек Форселл рассматривал свои письма как «открытые письма для тех, у кого хватит терпения их прочитать» (Письмо Дж. Форселла Дж. Лехто от 06.02.1979). В одном из писем Алиса Хейно даже написала имена людей, которых она хотела бы видеть читателями своего письма (Письмо А. Хейно № 3). В работе Гербера также отмечается стремление авторов адресовать свои письма определенному количеству получателей в своем населенном пункте или семье [3; 76]. Вместе с тем Гербер упоминает и авторов, которые поначалу хотели открыть свои письма публике, а позже выступали за конфиденциальность [3; 108–110]. Это можно проследить в письмах Аате Питкянена.

Он почти всегда просил получателя передать письмо дальше сразу после прочтения, однако 8 апреля 1933 года Питкянен пишет: «Эти новости вы должны более или менее сохранить при себе» (Письмо А. Питкянена в «Lakeridge Residents» от 08.04.1933).

Хотя авторы писем старались соблюдать требования эпистолярного жанра, отсутствие информации о своих близких могло вызвать острое чувство одиночества и депрессию. После того как Жюстина Хейно потеряла в Карелии двух сыновей и не знала, что случилось с ее мужем, ее письма превратились в отчаянную мольбу, с помощью которой она стремилась связаться с семьей и старыми друзьями. Жюстина писала, что она думает обо всех своих старых друзьях, рассматривает несколько фотографий, которые у нее сохранились, и признавалась, что практически ничего не знает об их жизни, так как долго не писала писем (Письмо Ж. Хейно № 9 от 16.06.1941).

Желание авторов писем составить полный список тех людей, с которыми они общались, как, например, в письме Алисы Хейно от 18 марта, может рассматриваться как попытка не потерять, а расти и развиваться параллельно с социальными изменениями в родных местах (Письмо А. Хейно № 2). К сожалению, в книге «Незримые иммигранты» Ш. Эрикссон не сообщает об известиях и поздравлениях в письмах, которые упоминаются в работе [2; 9]. Обращая внимание на эти, казалось бы, обыденные вещи, историки могут узнать, как иммигранты пытались сохранить свое место на родине и принять активное участие в развитии родных мест, от которых они были так далеко. В качестве примера можно привести упоминавшуюся выше дискуссию о ввозимых из Канады и США вещах, когда в письмах авторы очень подробно перечисляли все, что они получили. Однако при изучении таких писем большее внимание нужно уделять именно списку вещей, а также самой практике отправления посылок, а не просто факту заботы о родных и получению нужных вещей.

Для Алисы Хейно представлял особую значимость граммофон, который она хранила в Карелии, потому что это был подарок ее брата, а о самом факте получения она упоминала в двух письмах (Письма А. Хейно № 2 и 4). В 1939 году Аате Питкянен, живущий в Карелии уже несколько лет, перечислил все, что он получил за все годы, от кого он получил эти вещи и что из них сохранилось до сих пор (Письмо А. Питкянена родителям от 01.01.1939). Этот факт говорит о ценности и важности для Питкянена тех вещей, которые он получил (даже самых практичных). Для Аате носки были не просто носками, они были «носками, которые прислал Хулккок», газета – «газетой Антти Кари» (Письмо А. Питкянена родителям от 01.01.1939). К тому же те чувства, которые испытывал Аате Питкянен ко всем этим вещам, были показателем того, какое расстояние разделяло его с друзьями,

которых он покинул много лет назад. Эти нюансы открывают личные переживания авторов писем, которые страстно желали сохранить отношения со своим родным обществом, а с ними и чувство «личной целостности».

Чувство стремления к друзьям, семье, местам, оставленным позади, и ностальгия по ним показывают, насколько североамериканские финны хотели сохранить свое место в обществе, которое они покинули. Уже в первые дни после приезда в Карелию Алиса Хейно заявляла, что она счастлива, но планирует поездку в США (Письма А. Хейно № 3 и 4). Чем больше проходило времени и чем сильнее было влияние сталинских чисток, тем меньше оставалось от оптимизма начала 1930-х годов, и в письмах Аате Питкянена все чаще звучало желание вернуться к семье. В июне 1942 года, за несколько дней до казни, Питкянен писал об угрызениях совести от того, что уже очень давно не был у родителей. Он писал: «Я прошу прощения за то, что не смог вам помочь в пожилом возрасте, но, как вы и сами знаете, это было просто невозможно» (Письмо А. Питкянена родителям от 10.06.1942). И далее: «Отец, ты правильно сделал, что вовремя вернулся в Канаду, не страдал от этих войн и не был оторван от дома и семьи, как я» (Письмо А. Питкянена родителям от 10.06.1942). В своем последнем письме от 12 июня 1942 года Аате признавался: «Я всегда хотел вас увидеть, особенно сейчас, когда у меня есть своя собственная семья» (Письмо А. Питкянена родителям от 12.06.1942). Такие заявления говорят о том, что финны, много лет назад покинувшие финскую диаспору в Америке и начавшие новую жизнь, все еще стремились сохранить для себя место в Северной Америке. С одной стороны, в письмах прослеживается стремление сохранить место на родине, с другой стороны, подробное исследование того, как в письмах описаны репрессии и война, показывает, как североамериканские финны видели свое место в Советской Карелии. Самое значимое письмо, рассказывающее о репрессиях, можно найти в коллекции Аате Питкянена. Автором письма была Айно Питкянен, тетя Аате (Письмо Айно Питкянен А. и К. Питкянен от 25.07.1938). Айно Питкянен имела возможность подробно описать события, происходившие в Карелии, потому что за несколько месяцев до этого она была депортирована из СССР и писала из Финляндии: «Россия переживает большие репрессии. Всю зиму мы со страхом ждали, чья же очередь наступит сегодня вечером. Приходили солдаты со штыками и забирали людей, после чего о последних больше ничего не было слышно. Они забирали финнов со всей реки так тщательно, что осталось всего четыре человека... Вы не поверите, какой была жизнь в Советском Союзе прошлой зимой. Если кто-то делал что-то неправильно, его заставляли работать в поте лица, некоторые были арестованы, другие высланы...

Всю прошлую зиму мы не осмеливались за-
снуть. Все время мы не спускали глаз с двери,
ждали, когда придут солдаты, ведь они всегда
приходили ночью...» В письме перечисляются
имена людей, которых забрали, и продолжается
рассказ о том, что происходило дальше. Свобо-
да, с которой могла писать Айно, была недо-
ступна в Карелии. Тем не менее, по словам Джека
Форселла, они понимали, что в 1938 году людей
убивали (Письмо Дж. Форселла Дж. Лехто от
14.01.1993).

За исключением Айно Питкянен, авторы пи-
сем буквально «всовывали» между строк упо-
минания о репрессиях. Это делалось для того,
чтобы пройти проверку цензора. Когда обсужда-
лись репрессии, авторы преуменьшали свои ут-
раты и боль, чтобы оплакать всех жертв репрес-
сий, затронувших финнов. В то время как Жус-
тина не была уверена в том, жив ее муж или нет,
она переступала через свой траур, говоря о том,
что он – один из тысячи пропавших (Письмо
Ж. Хейно сыну № 9 от 16.06.1941). Аате Питкя-
нен был казнен финнами в оккупированном
Петрозаводске как изменник, и в своем послед-
нем письме он пишет о потерях отдельных се-
мей как о горе всего общества: «У меня были
надежды на то, что после войны мы соберемся
вместе и сможем помочь тем, кому вдруг потре-
буется наша помощь, однако изменить свою
судьбу никто не в силах. В конце концов, сколько
уже погибло парней, каждый из которых был
лучше меня» (Письмо А. Питкянена родителям
от 12.06.1942). Такого же мнения был и Джек
Форселл. Он был расстроен, прочитав автобио-
графическую книгу Мейми Севандер «They Took
My Father» («Они забрали моего отца»), так как
ему казалось, что книга излишне сфокусирована
на судьбе одной семьи, а не всего общества
(Письмо Дж. Форселла Дж. Лехто, октябрь 1992).

Айно Питкянен дважды утверждала, что по-
лучатели писем не смогут понять событий, про-
изошедших в Карелии. Точно так же Джек Фор-
селл пятьдесят лет спустя верил, что тот, кто сам
не пережил репрессий и войну, «не сможет ниче-
го понять и поверить в то, что было» (Письмо
Дж. Форселла Дж. Лехто от 04.12.1988). Спустя
год после реакции на мемуары Севандер Фор-

селл писал: «Настоящую трагедию было бы для
вас очень сложно осмыслить» (Письмо Дж. Фор-
селла Дж. Лехто от 14.01.1993), поэтому, по его
мнению, размытое описание событий в книге
М. Севандер даже к лучшему.

После изучения писем Айно Питкянен, Жус-
тины Хейно, Аате Питкянена и Джека Форселла
становится ясно, что для североамериканских
финнов в Карелии было характерно чувство
единства, которое все больше крепло после
травм, пережитых вместе. С одной стороны, во
всех письмах чувствуется стремление авторов
сохранить свое место на родине, а с другой –
прослеживается четкое осознание себя частью
карельского общества. Изучение большего коли-
чества писем, несомненно, поможет расширить
знания о том, как пересекались самосознание
народа и репрессии.

Коллекция писем Хейно, Питкянена и Фор-
селла показывает важность дальнейшего анализа
для изучения иммиграции. Письма демонстри-
руют, как североамериканские финны в Совет-
ской Карелии использовали свои связи с домом
для того, чтобы улучшить материальные условия
жизни. Изучение различных видов товаров, ко-
торые шли из Северной Америки в Карелию,
дает представление о том, какие необходимые
товары были недоступны в Карелии и какие то-
вары ценились иммигрантами. Описания обще-
ния, ухаживания, сексуальности молодежи в пись-
мах открывают возможности для изучения кар-
ельской молодежной культуры. Исследование
того, как авторы писем понимают переписку,
помогает определить, как североамериканские
финны в Карелии пытались оставаться актив-
ными участниками жизни своих родных мест.
Наконец, изучение того, что иммигранты писали
о репрессиях, показывает, как формировалось
осознание личного своеобразия посредством кол-
лективного переживания народных бед – репрес-
сий и войны. Таким образом, изучение писем
иммигрантов может способствовать расширению
знаний об истории строительства социализма в
Карелии североамериканскими финнами.

(Пер. с англ. А. Рожковой)

ИСТОЧНИКИ

Missing in Karelia Research Project Letter Collections (Коллекции писем в проекте Missing in Karelia Research Project):

Jack Forsell, February 20, 1972 – June 23, 1997. (Письма Дж. Форселла 20 февраля 1972 – 23 июня 1997).

Justina and Alice Heino, circa. 1933 – June 16, 1941. (Nos. 1–9) (Письма Жюстины и Алисы Хейно 1933 – 16 июня 1941 (№ 1–9)).

Aate Pitkanen, March 29, 1933 – June 12, 1942. (Письма А. Питкянена от 29 марта 1933 – 12 июня 1942).

Aino Pitkanen, July 25, 1938. (Письмо Айно Питкянен от 25 июля 1938).

Tauno Salo, November 23, 1935. (Письмо Тауно Сало от 23 ноября 1935).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Autio P. Haaveet jaivat haaveiksi / P. Autio // Carelia Kultuurilehti. – 1993. – № 3. – P. 37–43.
2. Erickson Ch. Invisible Immigrants: The Adaptation of English and Scottish Immigrants in 19th-Century America / Ch. Erickson. – Ithaca: Cornell University Press, 1972.
3. Gerber D. A. Authors of Their Lives: The Personal Correspondence of British Immigrants to North America in the Nineteenth Century / D. A. Gerber. – New York: New York University Press, 2006.
4. Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia During the Depression Era / Edit. Harpelle Ronald, Varpu Lindstrom, Alexis E. Pogorelskin. – Beaverton, ON: Aspasia Books, 2004.
5. «Letters from Stalin's Russia» Homepage. www.gulagletters.com.
6. «The Missing In Karelia Research Project» Homepage. www.missinginkarelia.com.

(Статья печатается с небольшими редакторскими сокращениями. Библиографическое описание использованной литературы сохранено в авторской редакции. – Прим. ред.)

УДК 371

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ФЕДОРОВ

кандидат педагогических наук, доцент, проректор по научной работе Карельского государственного педагогического университета

*fedorov@snw.ru***ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ФЕДОРОВА**

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Карельского государственного педагогического университета

fedorov@snw.ru

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ ПОДХОД К ПОДГОТОВКЕ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ

В статье актуализируется роль ценностно-смыслового подхода к профессиональному педагогическому образованию. Анализируются основные функции интерактивного обучения. Доказывается, что практическое использование таких активных методов обучения, как кейс-стади, портфолио, фокус-группа, подтверждает эффективность интерактивного обучения и его влияние на развитие ценностно-смысловой сферы личности учителя.

Ключевые слова: культура, ценности, смыслы, ценностно-смысловой подход, педагогическое образование

В современную эпоху образование является основной стратегией развития любой страны. По заключению Международной комиссии ЮНЕСКО, именно образованию отводится решающая роль в преодолении глобальных проблем и противоречий современности. Серьезные преобразования в обществе привели к тому, что разнообразие форм жизни и свобода выбора человеком своего жизненного пути стали нормой нашего существования. Изменилось и содержание отношений человека к природе, обществу и самому себе. В эпоху глобальных перемен особый интерес представляют имеющие место изменения ценностно-смысловых структур человека: меняются не только ценности и ментальность человека, меняется сам смысл человеческой жизни. Основная задача высшего профессионального образования заключается в формировании творческой личности специалиста, способного к саморазвитию, самообразованию, инновационной деятельности. Решение этой задачи вряд ли возможно только путем передачи знаний

в готовом виде от преподавателя к студенту. В соответствии с переходом на качественно новый уровень подготовки специалистов акцент следует перенести с обучающей деятельности преподавателя на познавательную деятельность обучающегося. При этом основная задача преподавателя сводится не к изложению готовых знаний, а к организации учения.

В современных гуманитарно-аксиологических концепциях жизнедеятельности человека подчеркивается, что признание в индивидуальности связано с удостоверением в нем носителя ценностей, которые включают в себя многообразие траекторий субъективных систем, определяемых интенциями. Этим обстоятельством объясняется необходимость междисциплинарного анализа проблемы профессиональной подготовки студентов педагогического вуза.

Общим подходом становится ценностно-смысловой подход, направленный на раскрытие личностного потенциала каждого субъекта обучения, на полноценное развитие всех сторон его

личности. Важнейшими условиями развития личности и субъектности психологи называют включенность человека в разнообразные виды деятельности и в общение, в процессе которых имеет место присвоение культурно-исторического опыта, становление самосознания, направленности личности, ее мировоззрения и личностной культуры.

Образование также представляет собой и образ того результата, который должен быть достигнут конкретной образовательной системой, и индивидуальный результат, достояние личности, заключающееся в развитии всех ее сторон. Это невозможно свести только к совокупности знаний основ наук и соответствующих навыков и умений, к определенному уровню овладения культурой (образованность) или к способности человека к выполнению общекультурных, общечеловеческих функций и видов деятельности. Это результат, затрагивающий в той или иной мере все стороны личности. В этой связи представляется вполне закономерным происходящий сегодня пересмотр некоторых образовательных ориентиров.

Очевидно, этим во многом объясняется тот факт, что педагогика, долгое время выстраивая свои образовательные программы исключительно на основе понятия, значения, игнорировала такие ключевые термины, как «смысл», «сознание», «понимание», «живое знание», хотя А. Н. Леонтьев еще в 1947 году указывал на то, что учебный процесс наполнен значениями и не наполнен смыслами. При обращении к рассмотрению проблемы сознательного учения он подчеркивал значимость достижения именно «живого знания»: недостаточно, чтобы ребенок усвоил теоретическое или практическое значение данного предмета, но нужно, чтобы он соответственно отнесся к изучаемому, нужно воспитать у него соответствующее отношение. Только при этом условии приобретаемые им знания будут для него живыми знаниями, станут подлинными «органами его индивидуальности» и, в свою очередь, определяют его отношение к миру [2].

Иными словами, достижение личностного («живого») знания возможно только в том случае, если человек сам постигает его смысл, устанавливает связь этого знания с самим собой – своим опытом, личными переживаниями. Конкретно по отношению к процессу обучения это означает не усвоение знания как такового, а извлечение из конкретного элемента содержания образования собственного, личностного знания, не усвоение заданной извне оценки, а построение собственного оценочного суждения, не выполнение предписанной деятельности, а выработка ее индивидуального стиля, способа самовыражения через эту деятельность.

Такой подход к обучению открывает путь к школе «живого» личностного знания, к школе смыслового мышления и действия, к школе смысла (В. П. Зинченко).

Современный педагогический интерес к ценностно-смысловому содержанию жизнедеятельности личности, к ее личностным смыслам как детерминантам ее саморазвития и получения «живого» личностного знания не случаен. Массовая практика обучения зачастую строится по технократическому типу, разворачивается в логике «наукоучения» (В. С. Библер). Данная система не отрицает ученика, но отводит ему пассивную роль слушателя и наблюдателя. Ведущая роль принадлежит учителю, который транслирует знания ученику, тогда как последнему остается только постараться как можно лучше усвоить преподносимое. Все это ведет к тому, что ученики усваивают и воспроизводят уже готовые, по выражению психолога В. П. Зинченко, «мертвые знания», тогда как возможности их собственного смыслотворчества остаются весьма ограниченными. Образование неизбежно приобретает регламентированный, закрытый характер.

Поскольку именно в процессе реализации смыслов человек развивает как свои творческие и познавательные возможности, так и свой внутренний мир в целом, реализация данного принципа также предполагает, что субъект обучения активно участвует в созидании знания, выступающего материалом для его собственного самостроительства, включается в процесс поиска смысла усваиваемых знаний, не ограничиваясь лишь добросовестным усвоением заданных извне значений.

Очевидно, что в данных условиях категория «смысла» не может более оставаться в тени, она выходит на передний план в рамках гуманитарной парадигмы образования. Более того, сегодня, когда все большее признание получает взгляд на образование как «смысловой универсум» (С. Галенко), приобщение обучающихся к поиску и реализации смыслов становится одной из самых главных задач образования и в то же время насущным предметом педагогического исследования.

Чтобы получить более полное представление о готовности учителей к актуализации смыслопоисковой активности учащихся как средству самопонимания, самоактуализации и получения личностного знания в процессе обучения, учителям было предложено ответить на вопрос: «Что является приоритетной целью вашей профессиональной деятельности?» В результате ответы учителей по вопросу о приоритетных целях профессиональной деятельности распределились следующим образом: обучение (предметному знанию) – 76,7 %; развитие учебных способностей – 58,2 %; адаптация учащихся к жизни – 33,6 %; становление «Я-концепции» – 8,2 %; наращивание учащихся сил саморазвития – 22,7 %.

Данные результаты свидетельствуют о том, что учителя в подавляющем большинстве выделяют лишь один – когнитивный – аспект планируемых ими целей. Выделение учителями таких целей, как «адаптация учащихся к жизни», «саморазвитие учащихся», «становление “Я-кон-

цепции»», которые хотя и получили высокую оценку учителей, но тем не менее не являются приоритетными, может свидетельствовать о том, что учителя осознают значимость активизации не только интеллектуальных сил учащихся, но и необходимость обращения к их личностно-смысловой сфере, а также создания условий для самореализации учащихся в учебном процессе. Подтверждением тому может служить и то обстоятельство, что в качестве существенного результата обучения большая часть опрошенных нами учителей выделили наряду с формированием базовых знаний учащихся развитие их личностных качеств, в том числе развитие индивидуальности учащихся. Однако, несмотря на осознание значимости развития личности учащихся в учебном процессе, наибольших успехов, по собственным оценкам учителей, они достигают в реализации обучающих (86,7 %) и контролирующих (84,05 %) целей в процессе обучения. Целей же, непосредственно направленных на активизацию субъектной позиции учащихся в процессе учения, создание условий для осмысленного самоопределения в учебной деятельности, реализации творческих возможностей учащихся, достигают менее половины опрошенных нами учителей (42,8 %).

Особенно важным в подготовке будущего учителя является интерференция дисциплин психолого-педагогического и предметного циклов, поскольку содержание учебного материала и применяемые методы оказывают стимулирующее влияние на профессиональную дидактическую компетентность, связанную с большинством функций профессионально-личностной самореализации студента (мотивационной, интеллектуальной, рефлексивной, формирования проактивных умений и др.).

Однако эмпирические данные показывают, что подготовка будущих учителей по-прежнему ориентируется на репродуктивные способы овладения профессиональной деятельностью, редко используются продуктивные формы организации образовательного процесса и методы, позволяющие изменить позицию обучающихся и сделать их реальными субъектами профессионального становления.

Контент-анализ определений «центрированного на ученике подхода», предложенных нами работающим молодым учителям, показал, что, по мнению большинства учителей, центрированный на ученике подход заключается в том, чтобы держать ученика в центре внимания учителя (54,2 %). Кроме того, реализация «центрированного на ученике подхода» в процессе обучения связывалась учителями с включением в содержание обучения вопросов общечеловеческой ценности гуманных отношений между людьми (33,8 %), увеличением доли внимания каждому ученику и установлением контроля за его деятельностью (19,7 %), а также с дифференциацией учебных заданий, уче-

том индивидуальных особенностей учащихся, повышением ответственности учителя за результаты обучения и созданием на уроке под руководством учителя прочного фундамента знаний у каждого школьника.

Следовательно, можно говорить о том, что имеет место явное сужение смысла центрированного на ученике подхода и, соответственно, снижение его значимости, подмена ключевой идеи узконаправленными технологиями. Наиболее распространенное представление о центрированном на ученике подходе заключается в усилении индивидуализации в воздействии на учащегося – при фокусировании внимания на обученности как главном эффекте. «Внутренний опыт» работы ученика над самим собой, преобразования самого себя в процессе учения, которому при центрированном на ученике подходе к обучению придается смысл контекста учебной деятельности, нередко изначально оценивается учителем как не соответствующий требованиям школьного обучения. Большинство учителей считали, что главным фактором успеха на уроке является учитель, а передать инициативу учащимся можно лишь после того, как они овладеют учебным материалом под руководством учителя. Такое понимание, на наш взгляд, основано на многолетней традиции учителя быть ответственным за содержание и усвоение заданного программного материала каждым учеником, что приводит к центрированному на учителе подходу к обучению.

Педагогика как учебная дисциплина в современном высшем педагогическом образовании призвана содействовать становлению профессиональной компетентности будущих специалистов образования, проявляющейся в их умении решать определенные типы профессиональных задач. В вузе создается и реально функционирует продуктивная образовательная среда, объективно влияющая на развитие творческого потенциала студентов [1]. Содержание, методы продуктивного обучения в вузе на всех этапах не только стимулируют активность, самостоятельность, творчество студентов, но и воспитывают у них эмоционально-мотивационное отношение к творческой деятельности как к общественно и лично значимой ценности.

В образовательный процесс вуза вводятся дополнительные дидактические компоненты интегративного характера (спецкурсы, спецсеминары, проблемные группы, практика и др.), обладающие аддитивными функциями по отношению к программному содержанию профессиональной подготовки и обеспечивающие индивидуальный корректив в развитии студента; задействован рефлексивный механизм ориентации, в результате чего студент начинает рассматривать педагогическую деятельность как необходимое условие своего развития. Необходима и дальнейшая конкретизация данных аспектов на технологическом уровне, что позволит

определить способы и приемы их практической реализации в образовательном процессе. Мы предлагаем их следующую конкретизацию: принцип пропилевтики кратко можно охарактеризовать как дифференциацию знаний, в том числе специализированных методов и компьютерных инструментов, сочетающийся с психологическими возможностями и динамическим социальным характером творческого поиска; принцип сочетания реализуемых методов и целей с целями-позициями личности и социальной группы в непрерывном переходе от исследования явлений к обоснованному и проверяемому прогнозированию процессов; принцип принятия позиции другого субъекта – через принцип актуализации личностного опыта во внутреннем диалоге и в общении, через принцип самоопределения и самовыражения; принцип мотивации успехом – через принцип использования полифункциональных, перспективных заданий, через принцип варьирования условий, заданий.

Одним из путей реализации современного предназначения педагогики в вузе выступает ее интерактивное изучение студентами. Интерактивное обучение – это обучение через опыт. Процесс интерактивного обучения включает в себя: переживание участниками конкретного опыта (это может быть игра, упражнение, изучение определенной ситуации); осмысление полученного опыта; рефлексия; применение знаний на практике. По теме «Инновационная школа – что это сегодня?» нами была организована Республиканская конференция «Продуктивная шко-

ла» (27–28 сентября 2005 года) в МОУ «Лицей № 1» г. Петрозаводска, директор – Э. Э. Слабунова, к. п. н. На данной конференции студентами и учителями посещались и анализировались уроки информатики учителя А. А. Мальковой, основная задача которых – освоение надпредметных знаний и формирование универсальных умений и навыков; уроки физики учителя Е. Н. Герасимовой в 11 «В» классе, совмещающие практический и образовательный опыт, овеществленный в конкретном продукте; уроки биологии учителя Е. И. Изотовой в 5 «А» классе, реализующие межпредметные связи биологии, астрономии, литературы, и др. Подобная совместная работа стимулирует обучающихся к ознакомлению с разными точками зрения на изучаемую проблему, к поиску дополнительной информации, к оценке получаемых собственных результатов. Учитель становится руководителем, координатором, консультантом, к которому обращаются как к авторитетному источнику информации, как к эксперту.

В меняющемся мире система образования должна формировать такие новые качества выпускника, как инициативность, инновационность, мобильность, гибкость, динамизм и конструктивность. Будущий профессионал должен обладать стремлением к самообразованию на протяжении всей жизни, владеть новыми технологиями и понимать возможности их использования, уметь принимать самостоятельные решения, адаптироваться в социальной и будущей профессиональной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебедев О. Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. 2004. № 5. С. 3–12.
2. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.

ЕВГЕНИЯ ИВАНОВНА СОКОЛОВА

кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой
иностранных языков технических факультетов ПетрГУ
sokolova@psu.karelia.ru

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ПОДДЕРЖИВАЮЩИЕ ПРОГРАММЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ОПТИМИЗАЦИИ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБУЧЕНИЯ

В статье рассмотрены различные подходы к созданию компьютерных поддерживающих программ, проанализирована диалектическая связь педагогической теории и практики, определена многоуровневость процесса. С учетом поставленного педагогического эксперимента сделан вывод об эффективности применения новых информационных технологий как инструмента оптимизации иноязычного образования в вузе.

Ключевые слова: компьютерная поддерживающая программа, педагогическая теория, педагогическая практика, бихевиористский, когнитивный, оптимизация

Современный этап развития российского образования характеризуется активными инновационными процессами. Опыт внедрения новых информационных технологий в образовательный процесс, оснащение учебных заведений современными техническими средствами обучения, владение подавляющего большинства студентов и преподавателей навыками работы с персональным компьютером создают реальные предпосылки для эффективного использования компьютерных технологий в учебном процессе.

В настоящее время во многих вузах страны создана материально-техническая база для внедрения компьютерных технологий. Так, в Петрозаводском государственном университете общее количество компьютерных классов составляет 61, количество рабочих мест в них – 662, из них имеют доступ в Интернет – 650. Среднее количество учебных часов в год на одного студента – 89. Иначе говоря, объективные условия, в частности, в Петрозаводском государственном университете позволяют широко внедрять компьютерные программы, мультимедийные средства, дистанцион-

ные курсы обучения в преподавание дисциплины «Иностранный язык». В Законе Российской Федерации «Об образовании» (1992 г.) информатизация образования определена как одно из основных направлений государственной образовательной политики. Под информатизацией образования понимается комплекс методов и форм обучения, основанный на использовании технических средств (компьютерных программ, мультимедийных средств) и новых форм обучения, таких как дистанционное образование и дистанционное обучение. Таким образом, в современном вузе существуют реальные предпосылки для оптимизации иноязычного обучения.

Определимся с терминами и понятийным аппаратом. Что такое оптимизация? В переводе с латинского «оптимизация» означает «выбор наиболее благоприятных условий». Каковы наиболее благоприятные условия для иноязычного обучения?

- Повышение прочности знаний;
- создание аутентичной языковой среды;
- ускорение овладения иностранным языком.

Оптимизация предполагает «повышение эффективности обучения не любыми средствами, а наиболее выгодным для конкретных условий комплексом этих средств» (Бабанский Ю. К.) Критериями оптимизации обучения являются:

- успешность овладения учащимися *знаниями, навыками, умениями*;
- степень соответствия результатов обучения требованиям *программы обучения*, а также максимальным возможностям каждого учащегося;
- соответствие расходов времени и усилий преподавателя и учащихся действующим нормативам [1].

Соблюдение этих критериев возможно при следующих условиях:

1. Выявление психолого-педагогических подходов, являющихся основой оптимизационного процесса;
2. Определение *дидактических принципов и методов обучения*, наилучшим образом обеспечивающих достижение поставленных целей оптимизации обучения;
3. Использование современных средств обучения в качестве органического компонента обучения [2].

Рассмотрим возможность оптимизации иноязычного обучения через внедрение компьютерного поддерживающего обучения. Для рассмотрения этой проблемы необходимо обратиться к связи педагогической теории с педагогической практикой. С одной стороны, педагогическая практика является мерилом эффективности оптимизационных педагогических теорий; с другой стороны, попытка оптимизации непосредственно в практике преподавания без достаточного теоретического обоснования, как правило, не приводит к положительным результатам. Только в условиях эффективного взаимодействия педагогической теории и педагогической практики могут быть найдены эффективные оптимизационно-педагогические решения. Это взаимодействие обеспечивается такими глобальными процессами, как инструментализация теории, с одной стороны, и концептуализация практики – с другой. Сущность соотношения педагогической теории и практики реализуется в следующем диалектическом механизме: теоретическая концепция, став инструментальной, проверяется на практике, а затем практика, инструментально и методологически развиваясь, вскрывает новые закономерности, концептуализируется и обновляет теорию [3].

На схеме представлена взаимосвязь педагогической теории и педагогической практики. Инструментализация теории раскрывается нисходящей вертикалью схемы, а концептуализация практики – восходящей вертикалью схемы.

Оптимизировать процесс иноязычного обучения через внедрение новых информационных технологий возможно лишь при строгом выполнении основных принципов обучения, то есть основополагающих правил, предписаний, следо-

вание которым является необходимой предпосылкой эффективного протекания учебного процесса.

Педагогическая концепция (Педагогическая теория)
Методология реализации педагогической концепции
Инструментарий реализации педагогической концепции
Педагогическая практика

При оптимизации процесса обучения английскому языку целесообразно ориентироваться на следующие четыре уровня:

- концептуальный уровень, в котором отражаются психолого-педагогические основы конкретного оптимизационного процесса;
- инструментальный уровень, отражающий дидактические принципы оптимизации иноязычного обучения и определяющий методические приемы реализации оптимизационного процесса;
- содержательный уровень, определяющий содержание обучения (принципы отбора и организации учебного материала, в данном случае – компьютерной поддерживающей программы, далее – КПП);
- операциональный уровень, характеризующийся четко расписанным протоколом взаимодействия обучаемого с компьютерной поддерживающей программой [5].

Следовательно, для теоретически корректного проектирования КПП необходимо определить психолого-педагогические основы, дидактические принципы, методические приемы и протокол работы с КПП.

Концептуальный уровень включает два подхода – бихевиористский и когнитивный.

Основателем бихевиористского подхода является Б. Ф. Скиннер. Он предложил пять основных принципов программированного обучения:

1. Предъявление материала небольшими порциями;
2. Пошаговый характер задания;
3. Разделение действий на операции;
4. Обязательная немедленная обратная связь;
5. Зависимость дальнейшего продвижения обучения от успешности прохождения предшествующего этапа.

Существует и другая концепция создания обучающих компьютерных программ – когнитивно-интеллектуальная, и в этом случае психологическим основанием служит теория когнитивного подхода (Дж. Брунер и У. Риверс). Он основан на когнитивной психологии, опирается на принцип сознательности в преподавании и на теорию социоконструктивизма и натурального подхода (Стивен Крашен), согласно которой

учащийся является активным участником процесса обучения, а не объектом обучающей деятельности преподавателя [8].

Когнитивная теория обучения иностранным языкам основывается на следующих положениях:

1. Развитие мышления является неотъемлемой составляющей процесса овладения языком.
2. Обучение языку не должно строиться только на восприятии и механическом заучивании единиц языка (структур, словосочетаний, речевых образцов) или правил.
3. Вовлечение обучаемых в активный процесс познания сути изучаемых явлений.
4. Учет индивидуальных интересов и психологических особенностей обучаемых.
5. Процесс учения носит не только личностный, но и социально обусловленный характер.

Последнее положение позволило ученым сделать вывод об интерактивном характере процессов обучения и учения и говорить о социоинтерактивном подходе в рамках когнитивного подхода.

В зависимости от использования бихевиористского или когнитивного подхода различают три основные формы программирования: линейное, разветвленное и смешанное.

Инструментальный уровень определяет основные дидактические принципы проектирования и методические приемы внедрения компьютерного обучения. Следующие дидактические принципы являются релевантными для компьютерного поддерживающего обучения: принцип обусловленности, принцип необходимости, принцип интерактивности, принцип надежности, принцип доступности, принцип активности, принцип систематичности и принцип прочности усвоения знаний, умений и навыков, принцип информативности, принцип диалогового взаимодействия, принцип дружелюбности интерфейса, принцип учета индивидуальных особенностей.

Ввиду особой важности для КПП принципа активности и учета индивидуальных особенностей, рассмотрим их подробнее. Принцип активности обучения априори заложен в процесс компьютерного обучения, поскольку инициатором работы за компьютером всегда является пользователь. В условиях компьютеризированного учебного процесса принцип активности трансформируется в специфический для компьютерной формы обучения принцип интерактивности. Взаимодействие обучаемого с компьютером интерактивно, то есть обоюдно активно; интерактивность проявилась в рамках возможности участия в учебном процессе обучаемого и компьютерной поддерживающей программы в качестве равных партнеров при решении задач обучения – в данном случае, оптимизации обучения практической грамматике английского языка. На наш взгляд, принцип интерактивности – основной принцип, необходимый для реализации внедрения компьютерного обучения, так как

он играет особую роль при обучении языкам по двум причинам:

1. Активные формы взаимодействия вызывают значительно большую мотивацию со стороны обучаемых по сравнению с пассивными;

2. Постоянное стимулирование активности обучаемых позволяет значительно повысить объем тренировочных упражнений для усвоения навыков практической грамматики. В компьютерном обучении этот принцип реализуется в особой форме человеко-машинного взаимодействия и стимулирует сознательную активность студентов, подкрепленную управляющей деятельностью компьютерного поддерживающего курса. Интерактивность является показателем дидактической эффективности и степени интеллектуальности обучающих программ.

Принцип учета индивидуальных особенностей (иногда его называют принципом адаптивности) является формой проявления индивидуального подхода в условиях компьютерного обучения иностранным языкам и реализуется в возможности приспособления обучающей системы к особенностям конкретного процесса обучения на основе учета типологических особенностей обучаемых, обеспечения индивидуального темпа работы и способа изложения материала, осуществления оптимальной стратегии процесса обучения. Наиболее полно этот принцип реализуется именно при компьютерной форме обучения. Индивидуализация процесса обучения осуществляется благодаря мощному потенциалу компьютерных средств по адаптации к нуждам конкретного пользователя. С помощью внедрения компьютерных поддерживающих программ становится возможным учитывать не только возрастные особенности и уровень подготовки групп обучаемых, но и индивидуальные психологические характеристики каждого обучаемого. Принцип индивидуализации в компьютеризированном процессе иноязычного обучения обеспечивается следующими факторами:

- индивидуальным способом управления учебной деятельностью, то есть применением различных по степени сложности версий КПП на базе диагностического тестирования исходного уровня знаний обучаемых с возможностью перехода к более сложным или более простым вариантам работы с программой в зависимости от успешности результатов;
- возможностью выбора индивидуального темпа работы в соответствии с психологическими характеристиками обучаемого в результате варьирования скорости предъявляемой учебной информации на дисплее и темпа диалогового взаимодействия обучаемого с компьютером;
- адаптацией формы предъявления учебного материала к индивидуальным особенностям восприятия информации конкретным пользователем.

Методологическим приемом реализации указанных принципов является личностно-ориентированный подход, так как он предполагает активное отношение обучаемого и наличие индивидуализации обучения.

Применительно к обучению иностранным языкам на базе компьютерных поддерживающих программ можно выделить следующие черты личностно-ориентированного подхода: высокий уровень мотивации, активность и интерактивность обучения, самостоятельность обучения, мгновенная обратная связь, индивидуализация обучения.

На содержательном уровне необходимо определиться с принципами отбора содержания программ. Психологической основой для содержательной составляющей компьютерной поддерживающей программы служит теория поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина и Н. Ф. Талызиной. Процесс усвоения знаний, согласно этой теории, осуществляется в четыре этапа:

1. Этап создания устойчивой мотивации;
2. Этап уяснения схемы ориентировочной стороны действия;
3. Этап выполнения действия в материализованной форме (то есть действия с объектами, представленными в виде знаков, схем и т. д.);
4. Этап интериоризации, то есть перевод действия во внутренний план.

Таким образом, на первом этапе создаются условия для высокого уровня сформированности мотивационной сферы, на втором этапе обучаемые ориентируются в новом для них действии, узнают, какие операции и в какой последовательности необходимо произвести. На третьем этапе они пробуют совершить эти операции с проверкой каждого шага (по Гальперину, совершают новое действие в материализованном виде). На последнем этапе обучаемые автоматизируют новое действие, переводя его во внутренний план.

Сформированность мотивационной сферы играет чрезвычайно важную роль не только для компьютерного обучения, но и в целом для процесса усвоения знаний. По данным исследователей Дж. Брофи и А. Пинкас, успех учения на 70 % обеспечивается высоким уровнем мотивации и только на 30 % – уровнем способностей обучаемого [7], [9]. Для выяснения уровня мотивации студентов и преподавателей к компьютеризации иноязычного обучения нами было предпринято исследование на предварительном этапе подготовки внедрения компьютерных поддерживающих программ. Результаты исследования позволили сделать вывод о том, что и студенты, и преподаватели проявляют достаточно высокую степень заинтересованности в работе с компьютерными курсами, хотя нужно отметить, что у студентов она несколько выше. Возрастной и гендерный анализ полученных данных показал, что если говорить о студентах, то

интерес к новым технологиям несколько выше у юношей, а что касается преподавателей, то компьютерная грамотность чуть выше у более молодых, и они же считают компьютеризацию более эффективным инструментом оптимизации иноязычного обучения.

На операциональном уровне необходимо четко расписать протокол взаимодействия обучаемого и компьютера. С этой целью созданы инструкции для обучаемых и методические рекомендации для преподавателей и студентов.

Оптимизация процесса иноязычного обучения на базе компьютерных программ не означает полного отказа от традиционной классно-урочной системы обучения и от учебников в твердых обложках. Поэтому в качестве актуальной задачи выдвигается создание особого дидактического комплекса, в котором органично сочетались бы достижения новых информационных технологий в сфере образования и традиционный процесс обучения (М. Я. Виленский, П. И. Образцов, А. И. Уман).

Результаты внедрения компьютерных поддерживающих программ обучения показали их очевидную эффективность (см. табл. 1):

Таблица 1

Действительный залог	% ошибок	Страдательный залог	% ошибок
Контрольная группа	37	Экспериментальная группа	11,8
Контрольная группа	18,4	Экспериментальная группа	11,8
Общий % ошибок	55,4		28,4

Из таблицы видно, что процент допущенных ошибок по общему результату теста у экспериментальной группы был в 1,9 раза ниже, чем у контрольной. Если сравнивать процент допущенных ошибок по действительному залогу, то результат в 3,1 раза ниже у экспериментальной группы, чем у контрольной, а по страдательному – в 1,6 раза ниже.

Чтобы выяснить, как проявляются полученные навыки в речи, студентам контрольной и экспериментальной групп было предложено написать ряд сочинений, в которых сама тема предполагала употребление тех грамматических явлений, которые были изучены.

Итоги экспериментального обучения были подведены проведением отсроченного экспериментального среза, выявившего достаточно высокий уровень сформированности у испытуемых развиваемых грамматических навыков и умений, а также подтвердившего эффективность обучения грамматике с применением КПП. Эффективность обучения на базе КПП рассчитывалась по формуле $Q_v = (V_{nm} - V_{tm}) / V_{tm} * 100 \%$, где V_{nm} – скорость усвоения учебного материала с использованием новой методики обучения, а V_{tm} – скорость усвоения учебного материала с использованием традиционных методов.

Таблица 2

Название модуля	ПС, %	ОС, %	ПС, %	ОС, %
Article	62	68	56	97
Modals	29	32	31	96
Reported Speech	48	52	50	98
Tenses	63	73	60	98
Subjunctive Mood	29	24	33	96
Degrees of Comparisons	51	62	48	99

Примечание: ПС – предэкспериментальный срез; ОС – отсроченный срез.

При сравнении предэкспериментального и отсроченного срезов очевидно, что процент правильных ответов у студентов экспериментальной группы заметно выше, чем в контрольной группе, обучавшейся без внедрения КПП при равных стартовых позициях. Так, процент правильных ответов в экспериментальной группе колеблется от 94 до 99. Количество правильных ответов у студентов контрольной группы практически одинаково в предэкспериментальном и отсроченном срезах.

Некоторые параметры, такие как время, затраченное на поиск правильного ответа каждым студентом, можно было установить только с помощью обучающей программы. Традиционное обучение

позволяет определить этот параметр лишь усредненно по отношению ко всей группе обучаемых.

Целенаправленное поддерживающее обучение на основе компьютерных программ, ставящее своей целью управление познавательной деятельностью студентов на основе получения обратной связи о ходе освоения навыков, в данном случае – грамматических, обладает рядом потенциальных возможностей для повышения эффективности процесса обучения. Они заключаются в следующем:

- меньшие временные затраты на формирование грамматических навыков и умений по сравнению с традиционным обучением;
- повышение качества обучения, поскольку компьютеризация обучения позволяет высвободить время на аудиторных занятиях для творческой работы и изучения других аспектов иностранного языка – чтения, говорения, письма, перевода специальной научно-технической литературы;
- повышение прочности усвоения знаний, поскольку студент обучается в удобном для его психофизиологических качеств темпе;
- более объективная и менее трудозатратная для преподавателя система контроля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабанский Ю. К. Взаимосвязь закономерностей, принципов обучения и способов его оптимизации // Советская педагогика. 1980. № 12. С. 25–32.
2. Бабанский Ю. К. Оптимизация учебно-воспитательного процесса: методологические основы. М.: Просвещение, 1982. 188 с.
3. Беспалько В. П. Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика, 1989. 192 с.
4. Гальперин П. Я. О методе поэтапного формирования умственных действий // Вопросы психологии. 1969. № 1. С. 15–25.
5. Машбиц Е. И. Психолого-педагогические проблемы компьютеризации обучения. М.: Педагогика, 1988. 191 с.
6. Талызина Н. Ф. Теория планомерного формирования умственных действий сегодня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.voppsy.ru/issues/1993/931092.html>.
7. Brophy L. Motivating Students to Learn. Boston, 1988. 125 p.
8. Pincas A. Reference in Online Discourse. TESL-EJ, Volume 4. №. 1. July 1999. P. 17–21.
9. Krashen S., Terrel T. The Natural Approach: Language Aquisition in the Classroom. Pergman Press, 1983. 205 p.

ОКСАНА ЛЕОНИДОВНА ДОБРЫНИНА

доцент кафедры иностранных языков технических факультетов ПетрГУ

oksadobr@mail.ru

**СТАНОВЛЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЭКОЛОГО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА (РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ)**

В статье представлены результаты опытно-экспериментальной работы по становлению иноязычной эколого-коммуникативной компетентности (ИЭКК) студентов трех факультетов университета, позволяющие сделать выводы о факторах, влияющих на ее становление, и о динамике формирования компонентов ИЭКК.

Ключевые слова: иноязычная эколого-коммуникативная компетентность, образование для устойчивого развития, ценностный, когнитивный, социальный, оценочный компоненты

Концепция устойчивого развития направлена на обеспечение экологически безопасного существования, социального и экономического благополучия сегодняшних и будущих поколений. Основными принципами данной концепции являются принцип сохранения природной среды, принцип целостного мышления и понимания взаимосвязи и взаимообусловленности экологических, экономических и социальных проблем, принцип взаимосвязи локальных, региональных и глобальных аспектов экологических проблем. 57-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН объявила 2005–2014 годы Десятилетием образования в интересах устойчивого развития. В 2005 году Европейская экономическая комиссия ООН приняла стратегию в области образования в интересах устойчивого развития. Суть стратегии состоит в переходе от традиционной передачи знаний и навыков, необходимых для существования в современном обществе, к становлению готовности действовать и жить в быстро меняющихся условиях, участвовать в планировании социального развития, учиться предвидеть последствия

предпринимаемых действий, в том числе и возможных последствий в сфере устойчивости природных экосистем и социальных структур [4].

Становление в рамках мировой системы образования новой парадигмы – образования для устойчивого развития (ОУР) – предполагает, что перестройка профессиональной подготовки специалистов в вузе должна происходить по двум направлениям: с одной стороны, через экологизацию предметных областей технических и гуманитарных наук и, с другой стороны, через гуманитаризацию естественных и технических наук. Решению этой задачи может способствовать вузовское обучение профессионально направленному иностранному языку, включающее аксиологический и экологический компоненты. Иностранный язык как вузовская дисциплина обладает огромным образовательным, воспитательным и развивающим потенциалом. Являясь предметом деятельностного, коммуникативного характера, иностранный язык является интегративным по своей сути. Через изучение иностранного языка человек осознает, что люди,

живущие в других странах, по-разному воспринимают окружающий мир и фиксируют свое понимание мира в языке; приходит к пониманию общности проблем, волнующих людей других стран; учится уважительному отношению к другим народам, другой культуре.

Анализ диссертационных исследований и статей по экологизации иноязычного образования (например, О. А. Говоровой, Н. И. Соколовой, И. М. Наумовой) показал, что в ходе обучения преобладает технократический подход, отсутствует целостная методическая система обучения профессионально направленному ИЯ с включением в нее экологического и аксиологического компонентов в рамках ОУР [1], [3], [2].

В результате обучения студентов университета профессионально направленному иностранному языку, включающему аксиологический и экологический компоненты в рамках концепции ОУР, представляется возможным формирование у студентов иноязычной эколого-коммуникативной компетентности. Под ИЭКК понимается готовность студентов использовать экологические и языковые знания и нравственно-ценностные ориентиры в конкретных профессиональных экологонаправленных ситуациях общения на иностранном языке для обсуждения, принятия решений и выполнения действий с осознанием их экологических и социальных последствий, как в локальных, так и глобальных масштабах. Разработанная методическая система становления ИЭКК студентов университета в процессе обучения профессионально направленному ИЯ в контексте ОУР ориентирует цели, содержание, формы и методы обучения на формирование средствами ИЯ ответственного отношения человека к окружающей природной и социальной среде в процессе решения мыслительных духовно-познавательных задач. Методическая система разработана в соответствии с совокупностью следующих педагогических условий: создание контекстной среды в рамках профессионально направленного иностранного языка; интеграция компетентностного, проблемного и аксиологического подходов в обучении; обеспечение дифференцированного и опережающего образования при формировании содержания иноязычного обучения; взаимосвязь локального, регионального и глобального аспектов в образовании. Методическое обеспечение становления ИЭКК студентов университета при изучении ими профессионально направленного иностранного языка состоит из комплекса аутентичных текстов профессиональной и экологической тематики, учебных заданий к ним, информационных и духовно-познавательных проблемных ситуаций, различных форм контроля приобретаемых умений и навыков.

Опытно-экспериментальная работа проводилась с целью апробации в учебном процессе и корректировки методической системы формирования ИЭКК студентов университета в рамках

ОУР на трех факультетах Петрозаводского государственного университета: на лесотехническом факультете (ЛИФ) с 1999 по 2004 год, на физико-техническом факультете (ФТФ) с 2003 по 2005 год и на кафедре туризма (КТ) с 2003 по 2007 год. В состав контрольных и экспериментальных групп входило 178 студентов: ЛИФ – по 30 студентов в контрольной (КГ) и экспериментальной группах (ЭГ), ФТФ – 28 студентов в КГ и 27 – в ЭГ, КТ – 28 студентов в КГ и 35 студентов – в ЭГ.

В процессе опытно-экспериментальной работы обучение профессионально направленному ИЯ осуществлялось по традиционной методике в КГ студентов указанных факультетов и по разработанной методической системе – в ЭГ. Обучение студентов по разработанной методической системе проводилось на основе авторских учебно-методических пособий: «Forestry» (2000) – для студентов ЛИФ; «Energy» (2005) – для студентов ФТФ; «Welcome to the world of hospitality» (2006), «The art to manage» (2007), «Ecological tourism» (рукопись) – для студентов КТ. Изучение студентами профессионально направленного иностранного языка проходило в модульном формате, структурными компонентами которого являлись: проблемное задание, лексико-грамматические упражнения, информационные и духовно-познавательные проблемные ситуации. В качестве условия проблемного задания выступал текст, имеющий не только высокую познавательную ценность как источник информации о будущей профессии студента, но и увязывающий профессиональные проблемы с экологическими и социальными последствиями их решения. Введение в содержание стандартной (информационной) проблемной ситуации эмоционально-ценностных, личностных компонентов позволило создавать духовно-познавательные проблемные ситуации, реализуя тем самым воспитывающий и развивающий потенциал иностранного языка как изучаемой студентами дисциплины. Формами контроля являлись дискуссии, дебаты, презентации, ролевые и деловые игры, позволяющие осуществить комплексную проверку умений и навыков иноязычного общения и сформированность ценностного отношения студентов к обсуждаемым проблемам.

Опытно-экспериментальная работа проводилась в три этапа: первый – констатирующий этап – до начала формирующего эксперимента; второй – этап формирующего эксперимента, который осуществлялся в процессе обучения, и третий – отсроченный этап – проверка эффективности предложенной методической системы формирования иноязычной эколого-коммуникативной компетентности студентов 5 курса ФТФ.

Динамика сформированности компонентов ИЭКК – ценностного, когнитивного, социального, оценочного – определялась в соответствии с разработанными критериями: личностно-смысловым, когнитивно-деятельностным, коммуникативным, рефлексивным. Основными методами

диагностики являлись: на первом этапе – анкетирование и тестирование студентов-первокурсников; на втором этапе – анкетирование, тестирование, наблюдение, анализ устных выступлений и письменных работ студентов, на третьем этапе – анкетирование студентов.

На первом этапе опытно-экспериментальной работы с целью определения уровня владения английским языком в области экологической тематики, а также знания студентами основных экологических понятий и проблем было проведено анкетирование студентов-первокурсников лесоинженерного и физико-технического факультетов и кафедры туризма ПетрГУ. Анкета 1 состояла из 22 вопросов, условно входящих в три блока: когнитивный (знание экологии), аксиологический (нравственно-ценностные ориентации студентов) и оценочный (критичность мышления и самооценка). Вопросы анкеты давали возможность выбора ответа из нескольких вариантов (6 вопросов), закончить утверждение (4) или дать развернутый ответ (11). В ответе на последний вопрос студенты указывали свою будущую специальность.

Результаты анкетирования показали, что:

- из предложенных на выбор анкет на русском и английском языках большинство студентов (67 %) выбрали анкету на русском языке, что свидетельствует о недостаточном уровне владения английским языком в целом и англоязычными экологическими терминами в частности;
- анкету на английском языке выбрали студенты кафедры туризма, у которых уровень владения иностранным языком выше, поскольку абитуриенты сдают вступительный экзамен по иностранному языку;
- студенты имеют неясное представление о понятиях «устойчивое развитие», «биологическое разнообразие»;
- большинство студентов имеют представление об основных глобальных и региональных экологических проблемах;
- существует значительный разброс мнений студентов о значимости экологических знаний в будущей профессиональной деятельности (от 27 % студентов на лесоинженерном факультете до 88 % студентов на кафедре туризма) и в повседневной жизни (от 46 % на лесоинженерном факультете до 88 % на кафедре туризма);
- очень немногие студенты считают себя экологически образованной личностью (от 27 % на ЛИФ до 40 % на ФТФ);
- ассоциации со словом «лес» носят более прагматичный характер у студентов инженерных факультетов («деревья», «ресурс», «поход», «шашлык», «рыбалка») и эмоционально-ценностный – у студентов кафедры туризма («красота природы», «покой», «тишина», «мой дом», «зелень», «голубое небо»).

Анализ результатов анкетирования позволил сделать выводы о том, что:

1) студенты-первокурсники владеют достаточным уровнем экологических знаний на русском языке, которые могут послужить основой для обсуждения проблем окружающей среды в связи с их будущей профессиональной деятельностью;

2) на технических факультетах необходим первоначальный корректирующий курс ИЯ с последующим изучением профессионально направленного ИЯ;

3) при обсуждении проблем, связанных с будущей профессией, необходимо поднимать вопросы, касающиеся ответственности будущего специалиста перед природой и человечеством за качество и последствия своих профессиональных решений;

4) в ходе обучения ИЯ необходимо воспитывать такие свойства личности, как осознание себя частью своего народа и человечества, частью целого (биосферы), понимание невозможности выживания и благополучия человека в изоляции от других существ.

Результаты второго этапа опытно-экспериментальной работы свидетельствуют о положительной тенденции в развитии всех структурных компонентов ИЭКК студентов университета. Так, например, по сравнению с началом эксперимента существенно возросло число студентов, имеющих осознанное отношение к природе как к экологической ценности, учитывающих и прогнозирующих последствия воздействия своей будущей профессиональной деятельности на природную и социальную окружающую среду: ЛИФ – с 13.4 до 80 %, ФТФ – с 11.2 до 92.5 %, КТ – с 14 до 94.4 %. Если до начала эксперимента готовность студентов к общению на ИЯ в профессиональных экологонаправленных ситуациях находилась на низком уровне (100 % на ЛИФ и ФТФ, 94.2 % на КТ), то к концу эксперимента 60 % студентов ЛИФ в экспериментальной группе и 70.3 % студентов ФТФ поднялись на средний уровень готовности, 25.9 % – на высокий уровень готовности, 71.4 % студентов КТ поднялись на высокий уровень готовности.

Результаты анализа динамики формирования отдельных компонентов ИЭКК студентов университета позволяют судить об уровне сформированности ИЭКК в целом. Начальный уровень сформированности ИЭКК определяется, когда все компоненты ИЭКК сформированы на среднем уровне, промежуточный – при сочетании среднего и высокого уровней сформированности ее компонентов, продвинутый – в случае, если уровень всех компонентов определяется как высокий.

В табл. 1 представлены уровни сформированности ИЭКК студентов по факультетам.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что предлагаемая методическая система обучения профессионально ориентированному ИЯ с включением в него экологической сос-

Таблица 1

Уровни сформированности ИЭКК
к моменту окончания формирующего эксперимента

Уровень	ЛИФ КГ – 30 чел., ЭГ – 30 чел.				ФТФ КГ – 28 чел., ЭГ – 27 чел.				КТ КГ – 28 чел., ЭГ – 35 чел.			
	КГ		ЭГ		КГ		ЭГ		КГ		ЭГ	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
начальный	4	13.4	14	46.6	6	21.5	12	44.4	8	28.6	–	–
промежуточный	–	–	5	16.8	–	–	5	18.5	–	–	17	48.5
продвинутый	–	–	–	–	–	–	2	7.5	–	–	16	45.7
ИЭКК не сформирована	26	86.6	11	36.6	22	78.5	8	29.6	20	71.4	2	5.8

тавляющей привела к формированию ИЭКК начального и промежуточного уровней у 63.3 % студентов ЛИФ, у 62.9 % студентов ФТФ и у 48.5 % студентов КТ. Продвинутый уровень сформированности ИЭКК определялся у 7.5 % студентов ФТФ и у 45.7 % студентов КТ. Не сформирована ИЭКК (то есть некоторые структурные компоненты ИЭКК были сформированы только на низком уровне) у 36.6 % студентов ЛИФ, у 29.6 % студентов ФТФ и у 5.8 % студентов КТ. Для сравнения, ИЭКК в контрольных группах не была сформирована у студентов ЛИФ – 86.6 %, ФТФ – 78.5 %, КТ – 71.4 %.

На третьем этапе опытно-экспериментальной работы с целью проверки результативности разработанной методической системы обучения студентам 5-го курса кафедры туризма было предложено ответить на вопросы анкеты 2. К этому времени прошло 12 месяцев после окончания курса обучения ИЯ. Вопросы первой части анкеты 2 давали студентам возможность самооценки своих языковых знаний и навыков в области профессиональной коммуникации, вопросы второй части предлагали студентам оценить влияние занятий ИЯ на их отношение к проблемам охраны окружающей среды и устойчивого развития цивилизации на Земле.

Студенты экспериментальной группы 5-го курса КТ активно используют ИЯ и собираются использовать его в будущем с целью: общения с иностранцами – 25 (в настоящее время) / 30 (в будущем), для выступления с докладом на конференции – 15/18, для чтения литературы по специальности – 24/31, для работы в Интернете – 35/35, для написания деловых писем – 8/25, при телефонных переговорах – 13/24, для участия в деловых переговорах, встречах – 9/30, для создания рекламных материалов – 7/23.

В табл. 2 представлены результаты опроса студентов 5-го курса КТ.

При ответе на вопрос, каким образом повлияли занятия ИЯ на отношение к проблемам охраны окружающей среды и устойчивого развития цивилизации на Земле (можно было выбрать несколько ответов), студенты ЭГ 5-го курса КТ отметили, что после этих занятий они: а) более серьезно относятся к вопросам состояния и охраны окружающей среды – 19 человек; б)

более внимательно относятся к охране своего здоровья и здоровья окружающих людей – 5 человек; в) в своей дипломной работе уделяют внимание вопросам охраны окружающей среды – 17 человек; г) будут обязательно учитывать экологические и социальные последствия своих будущих профессиональных решений – 23 человека.

Сравнение результатов исследования на начало и окончание опытно-экспериментальной работы в ЭГ на трех факультетах, а также с данными, полученными в КГ этих факультетов, позволяет сделать выводы о том, что:

- предложенная методическая система формирования ИЭКК студентов университета в рамках образования для устойчивого развития позволяет сформировать ИЭКК у большинства студентов как технических, так и гуманитарных факультетов университета;
- уровень сформированности ИЭКК зависит от: а) уровня владения ИЯ студентами-первокурсниками; б) продолжительности курса обучения профессионально направленному ИЯ. При довольно низком уровне владения ИЯ студентами-первокурсниками ЛИФ до начала эксперимента и вследствие необходимости проведения для них предварительного корректирующего курса ИЯ существен-

Таблица 2

Результаты опроса
студентов 5-го курса КТ (Анкета 2)

	КГ (28 чел.)		ЭГ (35 чел.)	
	кол-во	%	кол-во	%
1. Оценивают уровень владения профессиональным ИЯ:				
– достаточный	6	21.5	23	65.4
– недостаточный	12	42.8	9	25.7
– затруднились ответить	10	35.7	3	8.9
2. Собираются самостоятельно совершенствовать знания ИЯ				
– да	8	28.5	33	94.2
– нет	5	18.0	–	–
– затруднились ответить	15	53.5	2	5.8
3. Повлияли ли занятия ИЯ на отношение к экологическим ценностям				
– да	7	25.0	34	97.7
– нет	21	75.0	1	2.3

но укорачивается продолжительность курса обучения профессионально направленному ИЯ с включением в него экологической составляющей, что в результате приводит к сформированности ИЭКК лишь на начальном уровне почти у половины студентов. При относительно высоком уровне владения ИЯ студентов-первокурсников КТ не требовался корректирующий курс ИЯ, продолжительность курса обучения профессионально направленному ИЯ была существенно выше, результаты сформированности ИЭКК были намного лучше: 48.5 % – промежуточный уровень, 45.7 % – продвинутый уровень;

- динамика формирования отдельных компонентов ИЭКК у студентов трех факультетов университета различна: на более высоком уровне по результатам эксперимента сформиро-

ван ценностный компонент, только у 6 студентов ЛИФ и 4 студентов ФТФ он остался на низком уровне, все студенты КТ имеют средний (19) и высокий (16) уровни сформированности ценностного компонента;

- результаты отсроченного этапа опытно-экспериментальной работы показали, что студенты 5-го курса КТ владеют профессионально направленным ИЯ, широко используют его в своей учебной работе и планируют использовать в своей профессиональной деятельности. У студентов сформированы нравственно-ценностные ориентиры: ответственное отношение к экологическим и социальным последствиям своих будущих профессиональных решений, разумное нравственно-целесообразное преобразование действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стратегия ЕК ООН для образования в интересах устойчивого развития [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unesco.org/env/esd/HLmeetMarch12005.htm>.
2. Говорова О. А. Педагогические условия развития экологической культуры студентов технических вузов (на занятиях иностранным языком): Дисс. ... канд. пед. наук. Киров, 2005. 160 с.
3. Наумова И. М. Становление экологической компетентности будущих инженеров в образовательном пространстве диалога культур: Дисс. ... канд. пед. наук. М., 2006. 233 с.
4. Солова Н. И. Формирование экологической культуры студентов педагогических вузов средствами иностранного языка: Дисс. ... канд. пед. наук. Рязань, 2002. 274 с.

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА ВИНОГРАДОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Московского педагогического государственного университета
evinogradova@proc.ru

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК СПОСОБ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИИ

В статье рассматривается связь пропозициональных единиц художественного текста с содержанием индивидуально-авторской концептуализации мира. На примере концепта «кровь» в рассказе М. А. Булгакова «Пропавший глаз» показана методика выявления концептуального содержания путем анализа системы пропозиций, организованных вокруг ключевого слова концепта.

Ключевые слова: концепт, ключевое слово, пропозициональный анализ, художественный текст

Семантические доминанты художественного высказывания формируются в сознании его реципиента в базовые концепты. Термином *концепт* обозначается ментальная единица, которая в рамках когнитивной лингвистики изучается не только с точки зрения ее содержания, но и с точки зрения ее языковой репрезентации: С. Г. Воркачев отмечает, что в лингвокультурологических исследованиях концепт понимается как «вербализованный культурный смысл» [3; 11].

Концепт, по мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, «может быть вербализован различными способами (лексическими, фразеологическими, синтаксическими и др.), целым комплексом языковых средств, систематизация и семантическое описание которых позволяют выделить когнитивные признаки и когнитивные классификаторы, которые могут быть использованы для описания концепта» [4; 8].

Основным средством языкового выражения концептов являются *ключевые слова* текста – собственно, их способность служить конденсированными и наиболее яркими знаками концепту-

ального содержания высказывания и определяет их роль как ключевых слов. Не случайно Р. А. Будагов называет их «концептуальными словами» [1; 53]. Однако концептуальный потенциал ключевых слов в художественном высказывании определяется не только их общими символическими коннотациями в культуре, но и системными языковыми связями в конкретном тексте, развертывание которых и является языковым способом концептуализации ключевых слов.

И. А. Стерниным дано аргументированное и подробное описание методики изучения содержания языкового концепта, опирающейся на выявление системы ассоциативных связей ключевого слова концепта с образами и представлениями, обозначенными другими языковыми единицами [5]. В значительно меньшей степени разработана методика анализа содержания индивидуально-авторских концептов, представленных в художественных текстах. Здесь исследователь не может опереться на опрос информантов или «встраивать» в произведение содержание языкового концепта – главным источником информации и кри-

терием адекватности ее интерпретации может стать только сам художественный текст как комплексный лингвистический знак.

Под *концептуализацией текстовой информации* мы понимаем формирование сверхлинейных понятийно-образных комплексов, центром которых становятся ключевые слова текста. Концептуальная значимость ключевых слов обнаруживается в пропозициональных структурах текста, в составе которых ключевые слова и их дериваты в качестве элементов пропозиции вступают в семантическое взаимодействие с другими языковыми единицами, в парадигматические и синтагматические отношения, в отношения кореференции, метафорической синонимии, предикативные и обуславливающие отношения. Такое оформление логических связей между семантическими единицами, составляющими содержание концепта, мы называем *пропозиционализацией* концепта, которая осуществляется как в дискурсе, так и в пределах отдельного высказывания. Пропозициональное развертывание концептуальной информации становится способом ее языкового обнаружения: система пропозиций, структурным элементом которых (предикатом, актантом, сирконстантом) являются ключевые слова текста, есть способ языкового представления семантики соответствующего концепта. Причем по отношению к художественному высказыванию наиболее значимыми являются те пропозиции, в которых проявляется метафорическая составляющая ключевых слов, потому что именно таким образом в сознании читателя формируется метафорический подтекст – структурная основа художественной картины мира.

Однако сама система пропозиций, в которых реализуется концептуальное содержание художественного высказывания, не дана непосредственному наблюдению и является итогом логической операции, которую читатель производит произвольно, а филолог, занимающийся анализом художественного текста, – вполне сознательно и целенаправленно. В систему пропозиций с ключевым словом должны быть включены не только языковые единицы, прямо предназначенные для выражения пропозициональной семантики (предложения), но и языковые единицы со свернутой или скрытой пропозициональной семантикой. *Пропозиция* – логико-языковая структура, в которой информация принимает предикатно-аргументную форму. Развернутое высказывание (тексты на естественном языке) обычно строится не из языковых единиц с элементарным пропозициональным содержанием, а из полипропозициональных (простые семантически осложненные предложения, грамматически осложненные и сложные предложения) и макропропозициональных (сложные синтаксические целые) языковых единиц, объединенных в глобальную пропозициональную структуру. Поэтому выявление системы элементарных пропозиций высказывания требует специальной аналитической процедуры – канони-

зации текста. О задачах и методике пропозиционального анализа художественного текста см. в нашей работе [2].

Пропозициональный анализ текста, заключающийся в выявлении единиц с элементарной (с одним предикатом) пропозициональной семантикой и в приведении заключенной в них информации к однотипной структуре, может, по нашему мнению, служить основой для относительно полного и объективного представления концептуального содержания текста. В ходе исследования содержание составляющих текст предложений было разложено на элементарные пропозиции (выраженные не только грамматической основой, но и полупредикативными членами предложения, рядами однородных членов, предложно-падежными словоформами и атрибутивными словосочетаниями, вводно-модальными конструкциями и др.). Механизмы свертывания, наложения, установления иерархии, изменения модального статуса (переход из диктума в модус) пропозиционального содержания, которые лежат в основе формирования строя предложения как полипропозициональной единицы, были повернуты в обратном направлении – для получения списка элементарных пропозиций, в логизированной форме передающего содержание предложений текста. Полученная таким образом информация подвергалась дальнейшей обработке в разных аспектах:

- выделение системы пропозиций с общими сирконстантами (представляющих логическое содержание эпизодов произведения);
- выделение системы пропозиций с постоянным актантом, выраженным кореферентными именными группами (представляющих логическое содержание образа персонажа);
- выделение системы пропозиций, маркирующих речевую, интеллектуальную и эмоциональную деятельность субъекта речи – повествователя и персонажей (представляющих нарративную структуру высказывания);
- выявление системы пропозиций, содержащих однотипные предикаты с переменными или константными актантами и сирконстантами (языковое выражение основных мотивов произведения).

В настоящей статье рассматривается выявленная в тексте рассказа М. А. Булгакова «Пропавший глаз» система пропозиций, связанных посредством ключевого слова, – на примере слова «кровь».

Ядро этой системы составляют пропозиции, в которых используется непосредственно лексема *кровь* и ее дериваты:

- 1) *кровь* заляпала травку {во время родов в кустах, которые прошли удачно}, [эта] *кровь* [была] яркая, руки [врачей – Юного Врача и акушерки Пелагеи Ивановны] во время принятия родов [в эпизоде неудачных родов, когда Юный Врач и Пелагея Ивановна бились над поворотом на ножку] [были] *в крови*, *крови* [было] по локоть [когда

Юный Врач и Пелагея Ивановна бились над поворотом на ножку], [солдатская] **кровь** [была] алая [в эпизоде неудачного удаления Юным Врачом больного зуба у солдата], [раствор марганцовокислого калия] смешался с [солдатской] **кровью** [во время полоскания после удаления зуба], [раствор марганцовокислого калия вместе с **кровью**] вытек из рта [солдата], **кровь** хлынула из рта солдата [после полоскания], **кровь** хлынула из рта солдата [сильно: так, что я замер], **кровь** [вряд ли текла бы] сильнее, если бы ЮВ полоснул солдата бритвой по горлу, чашка была полна [солдатской] **крови**, наконец **кровь** утихла, {Юный Врач опасался, что} у солдата будет заражение **крови**, пена [на губах лежащего на операционном столе человека с огнестрельной раной в упор] была розовой **от крови**;

- 2) топор **окровавленный** {представляется Юному Врачу при рассматривании фотографий преступников}, белый предмет [= зуб солдата, удаленный вместе с куском кости] **окровавленный**.

Примыкающими к ядерной зоне являются пропозиции, в которых лексемы с семантикой крови восстанавливаются путем импликации на основе конверсивных отношений и отношений метафорической синонимии: кровь залипала травку → {[первая, жиденькая, бледная, зеленая] травка [во время весенних родов в кустах у мостика] [стала] **окровавленной**}; марля мгновенно становилась алой → {марля [становилась] **окровавленной** [вследствие кровотечения из раны в солдатской челюсти]}; [комки марли с завернутым в него удаленным при помощи щипцов и с преодолением усилия зубом солдата] [был] **окровавленным**.

Анализ ядерной группы пропозиций показывает следующее:

- появление крови является знаком того, что человек находится на грани жизни и смерти (роды, опасная для жизни рана);
- яркий цвет крови говорит о нарушении сокровенной связи в живом организме – но такая кровь метонимически связывает сокровенными отношениями новые субстанции: так, залипавшая во время весенних родов молодую травку кровь рожавшей на «жирной, пропитанной влагой» земле женщины подчеркивает кровную связь между ними; хранимый в кармане, а затем в ящике письменного стола Юного Врача окровавленный комки марли с неудачно удаленным зубом солдата, как и «с ужасом» увиденная Юным Врачом полная чашка солдатской крови, устанавливают между ними отношения нерасторжимой амбивалентной связи (убийца и жертва, врач и пациент) – вплоть до двойничества (не случайно Юный Врач именно после неудачного удаления зуба переживает солдатскую зубную боль как собственную);

- сильное кровотечение и заражение крови сигнализируют о явной смертельной угрозе;
- кровь отмечает те предметы, которые участвуют в борьбе жизни и смерти (топор, бритва, руки врача, марля), – в этом смысле заслуга помощи родам в соответствующем эпизоде принадлежит не только Юному Врачу и акушерке, но и земле-матери (тогда как в другом эпизоде с родами, в отсутствие помощи со стороны зимней выюжной природы, несмотря на руки по локоть в крови, врачам не удается спасти младенца); плод этой борьбы (окровавленный зуб, завернутый в комки марли);
- кровь постоянно сопровождает деятельность Юного Врача, но в тексте данного рассказа маркированной является сема таинственности, новизны события, сопровождаемого кровью, участником которого становится Юный Врач; в этом смысле в содержание концепта крови входит со-кровенный характер деятельности врача.

Таким образом, в семантической структуре концепта выделяются семантика сокровенной связи субстанций мира, носителя жизненно важной информации.

Следующий круг представлен пропозициями, являющимися синтаксическими дериватами ядерных пропозиций и организованными с помощью предикатов, которые актуализируются в синтаксических дериватах. Эта группа выражена полипропозиционными синтаксическими единицами, в составе которых семантика пропозиций первой группы включена в качестве одного из актантов (вещающие отношения) или в качестве обуславливающей пропозиции.

Яркая кровь залипала травку, которая была первой, жиденькой, бледной, зеленой, – противопоставление по семе интенсивности и неявные каузирующие отношения: «оживление» молодой травки кровью – параллель с рождением младенца в этом эпизоде.

Кровь хлынула из рта солдата вследствие того, что Юный Врач, удаляя больной зуб, вырвал кусок челюстной кости (белый предмет, зажатый в щипцах, был удален после некоторого сопротивления) – в этом случае сам Юный Врач становится виновником кровопролития, поэтому не случайно возникает условное сравнение с убийцей («если бы я полоснул его ножом по горлу»), дающее основание ставить знак гипотетического равенства между Юным Врачом и преступниками, хотя сама мысль о таком отождествлении вызывала у него ужас. Выстраивается синонимический ряд, на одном конце которого – орудия убийства, на другом – медицинские инструменты: окровавленный топор – бритва, полоснувшая по горлу, – щипцы, удалившие солдатский зуб («Ах, черт возьми! Зачем я сунул к нему со щипцами?»). В другом эпизоде неправильное наложение ложки акушерских щипцов приводит к гематоме: Юный Врач

«младенца... получил странного: половина его головы была раздувшаяся, сине-багровая, безглазая» (этот «кровоавый» знак дублируется в портрете Юного Врача: в зеркале он видит «перекошенную физиономию явно дегенеративного типа с подбитым как бы правым глазом»).

Кровь хлынула из рта солдата после того, как Юный Врач, будто стараясь замаскировать свою ошибку, бессмысленно заставил солдата полоскать рот раствором марганцовки.

Розовая пена на губах лежащего на операционном столе человека с «раной в упор» косвенно сигнализировала о внутреннем кровотечении, борьба с которым требовала от Юного Врача профессиональной решимости и мастерства, которые он и проявил («Разве я тогда потерялся?»), хотя за ответ о ранах в упор на экзамене по судебной медицине получил тройку.

Окровавленный топор, окровавленный комок марли с солдатским зубом связаны с насильственными действиями, которые даны в контексте оценочных предикатов «преступник», «преступление».

Окровавленный комок марли с солдатским зубом Юный Врач «воровским движением» пять раз вынимал из ящика письменного стола и опять прятал – метафора невозможности «похоронить» «кровоавое преступление», избавиться от него свою память и совесть. Обратим внимание также, что все «кровоавые» эпизоды даны в нарративном контексте воспоминаний Юного Врача, подчиняются эксплицированным и имплицитным предикатам ментальной рефлексии деятельности. «Кровоавый след», таким образом, соединяет прошлое и настоящее.

Сопоставление указанных полипропозициональных информационных единиц показывает противопоставление в индивидуально-авторском концепте «кровь» жизнеутверждающего и смертельного, естественного и насильственного кровопролития. Подчеркивает особый онтологический статус врача, который выступает и как виновник кровопролития, и как борец с ним.

Приезжая в Мурьево, Юный Врач привозит с собой бритву и бритвенные принадлежности. В этом рассказе подчеркнуты хирургические аспекты врачебной профессии, поэтому не случайна бритва как атрибут Юного Врача – знак не только его связи с цивилизацией, но и близости к кровопролитию. Однако первое же значительное «кровоавое» событие заставляет забыть о бритве и бритье, и в дальнейшем, по мере углубления героя во врачебную деятельность, «Жиллет» делается для него все менее нужным, превращаясь в «блестящую игрушку».

Особого внимания заслуживает подсистема пропозиций с предикатами цвета. О крови говорится, что она *яркая, алая*. Но такой является лишь свежая и явно обнаруживаемая кровь. Об окровавленном же комке марли с солдатским зубом говорится, что он «*ржавел*» и высохал в письменном столе». Этот предикат указывает на

изменение цвета крови по мере ее старения, об утрате яркости, о появлении оттенков рыжего и желтого цветов. В данную парадигму могут быть включены пропозиции, где аналогичные предикаты приписаны другим именным группам, благодаря чему между кровью и другими субстанциями устанавливаются отношения глубинного родства. Предикат «ржавый» («ржавенький») в художественном мире рассказа приписан прежде всего металлическим предметам. «Ржавенькая полосочка» осталась на лезвии бритвы «Жиллет», долго пролежавшей в мыльной пене, потому что Юному Врачу необходимость выполнять профессиональные обязанности помешала добриться; и эта «ржавенькая полосочка» навечно осталась на лезвии «как память о весенних родах». Таким образом, мотив «ржавения» обретает устойчивую связь с мотивом памяти. Благодаря фигуре сравнения концепт «окровавленный зуб» вступает в отношения метафорической синонимии с концептом «ржавые гвозди»: «на свете... существует фельдшер Демьян Лукич, который рвет зубы так же ловко, как плотник – ржавые гвозди из старых шалевков». Ржавчина служит образным субститутом старой, запекшейся крови. Вполне логичным становится развитие этого мотива применительно к другим субстанциям художественного мира: рыжий или желтый оттенок, проявляющиеся в «поржавевшей» крови, связываются с представлением о взрослении и возрастающей мудрости (у возмужавшего Юного Врача «*рыжеватая* поросль» на щеках и «*пожелтевшую* зубную щеточку»; в момент воспоминания о прошедшем годе и подведения итогов Юный Врач видит «*желтые* последние листья на березах»; «прокуренная», следовательно, пожелтевшая или порывевшая, «бороденка» у опытного уездного врача). Но желтый цвет связан и с концептом смерти («*желтое* тельце» мертвого ребенка, «*восковой*» цвет едва не умершей родильницы).

На связь рыжего, ржавого цвета с темой вины и мотивом «несмываемой крови» обращает внимание Е. А. Яблоков [7; 91], отмечая, что не случайно даже стоматологический эпизод строится на сравнении зубов с «ржавыми» гвоздями: добавим, что завернутый в окровавленную марлю зуб «ржавел», но, несмотря на желание Юного Врача изгнать событие из памяти, это ему не удавалось. Подобно тому как неизвестно зачем хранится «поржавевший» комок марли, сохраняется ставшее бесполезным, но напоминающее об успехе врачебной практики поржавевшее лезвие бритвы.

Таким образом, алый, яркий цвет свежей крови вступает в оппозицию с цветом ржавчины и желтизны, но усиливает входящую в концепт крови семантику накопления опыта и памяти. Стареющие и иницирующие воспоминания предметы в разной степени отмечены знаком запекшейся крови. Заметим, что деятельность

Юного Врача начинается «в тридцати верстах от *железного* пути», то есть не содержит изначально источников «ржавчины».

В связи с этим примечательны два эпизода: «разбавление» крови за счет смешивания с марганцовкой (Юный Врач велит солдату полоскать рот после удаления зуба) и «маскировка» кровавой раны (Юный Врач вымазал лунку во рту солдата йодом). Кстати, на первые роды Юный Врач мчится с банкой йода, которая ему не понадобилась.

Выделенные в тексте рассказа «Пропавший глаз» пропозициональные структуры, имеющие отношение к концепту «кровь», дают основание говорить о языческом и христианском мифопоэтическом подтексте произведения. Подчеркнем прежде всего художественную значимость того, что первый из описанных в рассказе врачебных эпизодов (весенние роды) протекает на фоне готовой к новому рождению природы, признаками которой в рассказе являются половодье («речка, мутная и вздувшаяся среди оголенных куп лозняка»), «жирная, пропитанная водой земля» с проступившей на ней молодой травкой, «залипанной» кровью рожавшей женщины. Синонимичными этому описанию становятся образы потока крови, смешанного с водой для полоскания, вырывающегося из рта солдата после удаления зуба (завернутого, подобно младенцу, в марлю), и образ «пузыристой пены, розовой от крови», которая «вскакивала... на губах» человека с раной в упор.

Апокалиптические ассоциации вызывает постоянное повторение мотива кровопролития — тем более в контексте образа чашки, полной крови. Противоречивые евангельские reminiscences (молитва в Гефсиманском саду, наполненный кровью Христа священный Грааль, «умывание рук» Пилатом, на котором лежит ответственность за казнь невинного) обнаруживаются в структуре образа Юного Врача.

Выявление семантического объема концепта в художественном произведении на основе анализа пропозициональных единиц, организованных ключевым словом концепта, включает, таким образом, следующие этапы: 1) анализ предикатов, приписанных ключевому слову в элементарных пропозициях; 2) анализ подсистемы пропозиций с кореферентными и однотипными актантами в функции субъектов, по отношению к которым кровь является предикатом (субъект обладания); 3) анализ подсистемы пропозиций с одинаковыми и однотипными (синонимичными) предикатами (выявление метафорических соответствий атрибутов крови и связанных с ней событий другим явлениям мира); 4) анализ закономерностей включения элементарных пропозиций с ключевым словом в полипропози-

циональные структуры (выявление концептуального и мотивного взаимодействия).

Е. А. Яблоков отмечает значимость мотива крови в художественном мире М. А. Булгакова [7; 308–311]. Но если в других произведениях писателя на первый план выходят такие составляющие семантики данного мотива, как связь с течением исторического времени и происхождением персонажа, то в цикле «Записки юного врача» в целом и в рассказе «Пропавший глаз» в частности в концепте крови актуализированы в пропозициональных единицах следующие семантические компоненты:

- кровь является атрибутом живого человеческого организма, в котором жизнь борется со смертью;
- кровь является средством связи с жизнью как формой бытия Универсума (с природным началом вообще);
- кровь — сокровенная субстанция, а ее явление (кровопролитие) есть жизненная катастрофа;
- кровопролитие совершается под влиянием естественных сил, случайного стечения обстоятельств либо по вине человека; целенаправленное или непреднамеренное кровопролитие оценивается как преступление;
- яркая, алая кровь говорит о кульминационном моменте этой борьбы и свидетельствует о жизненной силе;
- кровью отмечены предметы, которые являются участниками и свидетелями борьбы; данные предметы метонимически перенимают свойства того организма, чья кровь пролита, или того лица, которое стало виновником кровопролития;
- засохшая и потускневшая («заржавевшая») кровь является хранителем памяти о событии кровопролития;
- кровеподобными в качестве хранителей памяти и опыта являются другие предметы, в той или иной степени отмеченные цветом ржавеющей крови;
- в тройственной онтологической оппозиции «губитель / жертва / спаситель» (тот, кто проливает кровь / тот, чья кровь проливается / врач, останавливающий кровотечение) врач занимает особое место: неосторожное, чересчур самонадеянное, непрофессиональное поведение может превратить его из того, кто спасает пациента, в убийцу (поэтому среди атрибутов Юного Врача бритва — предмет, способный привести к кровопролитию, а также марля и банка с йодом — предметы, помогающие в борьбе с кровотечением и заражением крови).

В целом в художественном мире рассказа кровь предстает как универсальный носитель жизни и информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будагов Р. А. Язык – реальность – язык. М.: Наука, 1983. 262 с.
2. Виноградова Е. М. Пропозициональный анализ художественного текста как основа его интерпретации // Известия Уральского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». Т. 41. Вып. 11. Екатеринбург: Изд-во ЕГУ, 2006. С. 145–152.
3. Воркачев С. Г. Постулаты лингвоконцептологии // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 10–13.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 7–10.
5. Стернин И. А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология. Вып. 1. Воронеж: Истоки, 2008. С. 8–25.
6. Яблоков Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова. М.: Языки славянской культуры, 2001. 424 с.
7. Яблоков Е. А. Текст и подтекст в рассказах М. Булгакова («Записки юного врача»). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. 103 с.

УДК 821.161.1.09 «1917/1991»

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЯБЛОКОВ

доктор филологических наук, г. Москва
ejablokov@mtu-net.ru**ИСПОВЕДЬ ЧЕЛОВЕКА-КРЫСЫ**
(Эволюция героя в рассказе А. Грина «Крысолов»)

Как показано в статье, основное содержание рассказа Грина составляют внутренние, психологические коллизии героя-рассказчика, так что борьба светлых и темных сил совершается в основном в его собственной душе. Соответственно, заглавие воспринимается, прежде всего, как характеристика главного героя, личность которого претерпевает кардинальные изменения.

Ключевые слова: инициация, бессознательное, образ героя-рассказчика, «текст в тексте», литературные и фольклорные реминисценции

– Помните, – сказал О'Брайен, – тот миг паники, который бывал в ваших снах? Перед вами стена мрака, и рев в ушах. Там, за стеной, – что-то ужасное. В глубине души вы знали, что скрыто за стеной, но не решались себе признаться. Крысы были за стеной.

Дж. Оруэлл. 1984

Рассказ «Крысолов» (1924), являющийся одним из самых известных произведений Грина, не обделен вниманием исследователей. В его интерпретациях акцент обычно делается на избавлении героя-рассказчика (далее – ГР) от влияния губительной среды – вспомним адресованную ему фразу Иенсена: «Вы были окружены крысами» (399)¹. В связи с образом крыс² литературоведы говорят об inferнально-мистических, нравственно-философских, исторических коннотациях, а кое-кто даже усматривает в гриновской крысе символ мирового антироссийского заговора³. Не стремясь к столь широкомасштабным выводам и полагая, что любые интерпретации должны подкрепляться конкретным анализом, мы хотим привлечь внимание к одному важному аспекту «крысиной» темы – который, вероятно,

имеет смысл назвать психологическим, поскольку он связан с внутренним миром самого ГР.

Очевидно, что сюжет «Крысолова» носит «кризисный» характер – совершившиеся события изменяют не только существование, но и все существо ГР, так что в фабульном «последействии» намечено начало нового жизненного этапа; ср. предпоследнюю (практически итоговую) фразу: «Я должен завоевать доверие...» (399)). Подчеркнем, что в этих словах звучит не столько мысль о «неблагоприятном» окружении, сколько желание «дотянуться» до уровня некоей новой среды, которая в моральном отношении кажется ГР выше, чем он сам.

Однако с точки зрения нарративного времени будущее, обещанное в финале рассказа, должно мыслиться как ретроспектива (хотя о том, как

сложилась его дальнейшая жизнь, ГР не только не говорит, но даже как бы «табуирует» тему: «И более – ни слова об этом» (399)). Характерны обороты речи, подчеркивающие нарративную дистанцию: «...в те времена многие ходили на чердаки» (367); «У меня был огарок свечи, вещь совершенно необходимая в то время, когда лестницы не освещались» (375). Речь идет о событиях достаточно давних; при этом начало действия точно датируется. Вводя в фабулу автобиографические мотивы⁴ и значимые даты (см. ниже), Грин явно «проецирует» художественную реальность «Крысолова» на собственную биографию 1920 года⁵, иносказательно запечатлевая тогдашний перелом во «внешних» обстоятельствах своего существования и индивидуальном мироощущении.

Основу рассказа составляет сюжет перерождения / инициации – все происходящее с ГР может восприниматься как символическая смерть-воскрешение. Справедливо мнение, что одинокий и бездомный герой «Крысолова» оказывается перед лицом хаоса [10; 147], однако следует добавить, что хаос царит не только вокруг, но и «внутри» него, причем этот аспект даже важнее: как нам представляется, именно внутренним состоянием ГР в значительной степени мотивированы фантастические события, в которых он (скорее, мнимо) участвует.

В финале ГР цитирует слова тех, кто перенес его, заснувшего, на кровать: оказывается, «для мужчины» он «был очень легкий» (399). Фраза обретает символический смысл. Во-первых, явленная ассоциация с библейским афоризмом: «Ты взвешен на весах и найден очень легким» (Дан. 5:27), – в этом плане перед ГР стоит задача «набрать вес», то есть повысить моральные кондиции. Во-вторых, звучит намек на то, что в течение всего действия ГР пребывал «недоразвитым» мужчиной, как бы подростком или ребенком, и лишь пройдя все испытания, обрел предпосылку к тому, чтобы стать «взрослым».

Действие рассказа начинается 22 марта 1920 года – в Вербное воскресенье (ст. ст.). Данное обстоятельство связывает основное действие со Страстной неделей, таким образом, подкрепляется тема инициации. Вместе с тем 22 марта – следующий день после весеннего равноденствия: грядущее «прибавление» света дает надежду на его победу.

Помимо «прямой» даты в хронологию рассказа должен быть включен номер телефона, по которому пытается позвонить ГР – «107–21» (381) – и который «корректируется» телефонисткой: «Сто восемь ноль один» (383); затем он (в цифровом виде) повторяется на карточке Йенсена: «1–08–01» (398). Судя по всему, оба номера представляют собой «зашифрованные» даты. 107–21 – это, вероятно, 1 или 10 июля 1921 года: как известно, июнь – июль 1921 года были первыми неделями совместной жизни Александра и Нины Грин (в Петрограде, затем в Токсове),

возможно, один из тех дней оказался особенно памятным. Второй номер (10801), похоже, представляет собой «анаграмму» даты (ст. ст.) рождения автора «Крысолова»: 11.08.1880. Поскольку телефонные номера фактически «отождествляются» (один заменяет другой), можно предположить, что Грин тем самым указывает на брак с Ниной Николаевной как на свое «второе рождение».

Художественный мир «Крысолова» отнюдь не «однороден» в смысле достоверности происходящего. Изображенные события в большинстве своем «виртуальны» – совершаются в воображении ГР под влиянием измененного состояния сознания, являются плодом бредовых ассоциаций. В этом отношении характерна сама структура пространства банка, зеркальность которой, как подчеркивает Е. Нагайцева, стимулирует аналогию с запутанными лабиринтами человеческого подсознания; основное следствие такой аналогии – «“неуправляемый (навязчивый) процесс порождения форм” (отражений и идей)» [15; 16–17].

Трудно судить о том, что происходит с ГР «физически»; однако «внутренне» он оказывается в «хаотическом» хронотопе, где причудливо перемешаны реальные детали, обрывки литературных сюжетов и архетипы коллективного бессознательного (например, образы крыс и лабиринта, имеющие богатую фольклорно-мифологическую традицию). «...Мировосприятие героя представлено как транзитивное состояние обычного и измененного состояний сознания» [15; 18–19]. Характерно, что в психоанализе образ крысы интерпретируется как проявление навязчивых идей [9; 205].

Можно сказать, что преследующие ГР хтонические создания – это вышедшее из-под контроля подсознание, «овнешненный» детский страх. Ср. эпизод ожидания встречи с неизвестным, чьи шаги ГР слышит за дверью: «...инстинкт, заменив в эти минуты рассудок, говорил истину, тычась слепым лицом в острие страха. Призраки вошли в тьму. Я видел *мохнатое существо темного угла детской комнаты...*» (386).

В начальных фразах рассказа ГР иронизирует по поводу «присяжных документалистов» (364)⁶, издевательски-точно (причем дважды) называя дату и тем самым как бы предупреждая, что дальнейшее изложение не только не отличается фактичностью, но и вообще плохо верифицируемо. Недаром в первых главах явно нагнетаются детали, намекающие на аномальность восприятия ГР: голод (365) – «простуда» (366) – тифозный бред (368) – «острая бессонница» (370). По существу, с первой страницы ГР на наших глазах погружается в «хаос». Описывая свое состояние во время болезни, он говорит, что «бред принял форму визитов» (368). По сути, вся фабула «Крысолова» состоит именно из таких «визитов» – воображаемых встреч ГР с более или менее человекоподобными персонажами.

Возвращение к реальности изображено в последнем (точнее, предпоследнем, ибо последний состоит всего из одной фразы) абзаце. Здесь совершается выход из «хаотического» хронотопа – границей между ним и явью оказывается «дикий, дремучий сон» (399).

Рассказ не случайно открывается и заканчивается «книжной» темой. Читая фрагмент сочинения некоего Эрта Эртруса, Иенсен с его помощью объясняет ГР то, что с ним происходило, как бы «вписывает» его приключения в литературный антураж, придавая им статус «текста в тексте». Но превращение ГР в «литературного» персонажа начинается с первых страниц «Крысолова» – и даже раньше: уже в эпиграфе из «Шильонского узника» речь идет о «подземелье» (в поэме Байрона в нем томится главный герой вместе с братьями), таким образом, еще до начала событий вводится тема «подземного лабиринта», по которому затем станет бродить ГР, намечаются хтонические коннотации.

К тому же фамилия, которую носит гриновский Крысолов, в начале XX века была достаточно известна, причем именно в литературном контексте. Вильгельм Иенсен (1837–1911) – плодовитый немецкий⁷ писатель, реализм которого, как было сказано в современной Грину Литературной энциклопедии, «местами переходит в фантастику и мистицизм, иногда уступая место мотивам поэзии “кошмаров и ужаса”» [14]. Кстати, один из его рассказов в 1912 году был издан на русском языке [13] вместе с посвященной ему статьей З. Фрейда «Бред и сны в “Градиве” В. Иенсена»⁸, сама тематика которой сближает ее с рассказом Грина⁹. Однофамилец, датский прозаик Йоханнес Вильгельм Иенсен (1873–1950), пользовался еще большей известностью в России: в 1910-х годах на русском языке вышло 9-томное собрание его сочинений (кстати, впоследствии он стал лауреатом Нобелевской премии).

Фабула гриновского рассказа начинается с эпизода продажи книг, причем последних имеющихся у ГР (366). Он намерен получить за них «цену пяти фунтов хлеба» (366) – воплощенная коллизия «хлеба насущного» и «хлеба духовного». Книгами мотивировано знакомство с девушкой, равно как и ее исчезновение: «Я уронил книги, когда же их поднял, девушка исчезла» (367), – будто ее спугнул именно этот «катаклизм». На одной из книг ГР записывает номер телефона (367) – словно «озаглавив» или «пронумеровав» ее. Под этим «знаком» станут разворачиваться дальнейшие события: соединение с забытым номером телефона, разговор по неработающему аппарату и пр. – все это как бы «содержание» проданной героем книги¹⁰.

Книгами торгует и девушка – таская их из отцовской библиотеки (хотя слову «воровать» предпочитает более нейтральное слово «понашивать») (366). Из проданных ею книг явно не случайно назван «Дон Кихот» (366) – в духе времени меркантильный интерес торжествует

над безоглядным «рыцарством». При этом простой «бытовой» поступок девушки, заколовшей воротник рубашки ГР собственной булавкой¹¹ и покоровшей его своей веселой человечностью, оказывается поистине судьбоносным и «литературным» в высшем смысле – недаром она сравнивается с одной из самых известных романтических героинь: «Кармен сделала очень немного, она только бросила в ленивого солдата цветок. Не более было совершено здесь» (368).

Признаками «судьбоносности» наделен и «типичный андреевский старикан» (367), который в конце концов купил книги у ГР, по-своему «посодействовав» развитию «книжной» фабулы. В сопоставлении с заглавием рассказа и традиционным «крысиным» цветом¹² упоминание о Леониде Андрееве¹³ вызывает четкую ассоциацию с драмой «Жизнь Человека», все действие которой протекает под знаком «незримого» присутствия Некто в сером. Ср. характерные фразы ГР: «Мне показалось: *некто*, согнувшись, крадется неслышно через дверь с целью схватить» (386); «Полотенце еще шевелилось; здесь отошел *некто*, может быть, на расстоянии десяти шагов от меня...» (389).

Говоря о явной «книжности» злключения ГР, нельзя не отметить (пожалуй, даже демонстративное) сходство с рассказом Эдгара По «Колодец и маятник» (повествование в котором также ведется от лица героя). Герой-рассказчик у По тоже едва не проваливается в колодец, и его тоже спасает преждевременное падение на пол: «Я протянул руку и с ужасом обнаружил, что лежу у самого края круглого колодца. <...> Тут я понял, какая мне готовилась судьба, и поздравил себя с тем, что так вовремя споткнулся» [17; 321]. Ср. в «Крысолове»: «Спотыкаясь о книги, я поскользнулся, зашатался и, падая, опрокинул шаткую кипу гроссбухов. <...> Падая на руки, я ушел ими в отвесную пустоту, едва не перекачнувшись сам за край провала, откуда, на невольный мой вскрик, вылетел гул книжной лавины. Я спасся лишь потому, что упал случайно ранее, чем подошел к краю» (388). После этого герой По подвергается нашествию крыс – в отличие от гриновского рассказа, вполне реальных: «Новые полчища хлынули из щели. Они запрудили все мое ложе и сотнями попрыгали прямо на меня. <...> Они теснились, толкались, они толпились на моем теле, все вырастая в числе. Они металась по моему горлу; их холодные пасти тыкались в мои губы; они чуть не удушили меня» [17; 327]. Хотя в данном случае крысы оказываются не столько губителями, сколько спасителями: они перегрызают ремень, которым привязан герой, так что ему удастся ускользнуть от смертельного лезвия-маятника.

«Книжные» ассоциации вызывает и образ Крысолова, восходящий вроде бы к известной немецкой легенде. Однако при всей нарочитости отсылки модус связи гриновского рассказа с легендой не так уж очевиден и однозначен. Фольклорный образ Крысолова вовсе не «светел» –

скорее, мрачен, если не зловещ, поэтому аналогии с ним порождают двойственное чувство. «Бесспорно, “крысы” и “дети” в гамельнской истории противоположны: “крысы” для жителей города – самое “плохое”, “дети” – самое “лучшее”. <...> Но при всей очевидности оппозиции “крысы” и “дети” в немецкой легенде имеют и нечто общее: и те, и другие в *равной степени* могут быть зачарованы дудочкой Крысолова и тем самым погублены» [16; 93–94]. Примечательно, что появление ГР в доме Иенсена хронологически совпадает с уничтожением «главной» крысы; по аналогии с сюжетом легенды можно предположить, что судьба самого ГР воспроизводит вторую ее часть – историю «уловления» детей. Данная проблема, как нам представляется, имеет важнейшее значение, и мы вернемся к ней в финале статьи.

Кроме того, Т. Загвоздкина сопоставляет Иенсена с Дроссельмейером из сказки «Щелкунчик и мышиный король»: «...образ Крысолова является продолжением гофмановского образа чудака и изобретателя, духовного наставника юного романтического “энтузиаста”» [10; 153]. Кстати, заглавие книги, фрагмент которой читает Иенсен, – «Кладовая крысиного короля» (397) – похоже на название сказки Гофмана¹⁴.

Наконец, идея превращения ГР в «книжного» персонажа существенно подкрепляется образом бумажного царства, в котором он оказывается, попав в банк: «Бумага во всех видах, всех назначений и цветов распространяла здесь вездущее смешение свое воистину стихийным размахом» (371).

Обилие бумаги подавляет, и в этом «море» ГР подчас ведет себя подобно пловцу: «В одном месте пришлось мне лезть вверх и месить кучи скользких под ногой папок» (372). «Водные» ассоциации достаточно устойчивы – характерно, например, сравнение: «Мне казалось, что я иду по дну аквариума, из которого выпущена вода, или среди льдов» (373).

Важно и сходство «белых разливов» (371) бумаги с половодьем – фактически звучит намек на то, что время действия не соответствует «жизнеподобной» хронологии. Если относиться к словам ГР с полным доверием, следовало бы заключить, что эпизод в банке разворачивается спустя примерно четыре месяца (три месяца тифа плюс три недели скитаний (369)) после 22 марта – и, стало быть, относится к *июлю*. Однако характерно, что колорит здесь отнюдь не «летний». 22 марта ГР отмечал «холод и мокрый снег» (365) – ср. затем описание банка: «На паркетах *грязным снегом весенних дорог* валялась бумага» (371). Едва избежав падения в проломанный пол, ГР слышит «гул книжной лавины» (388), опять-таки сравнивая бумагу со снегом. Впрочем, однажды он прямо называет сезон – но тут же подчеркивает, что обстановка ему не соответствует: «...по летнему времени было здесь не довольно тепло» (375).

«Водные» мотивы особенно актуальны с учетом народной легенды о гамельнском крысолове. В одном из ее вариантов дети, привлеченные дудочкой, покидают город и тонут в Везере. Именно такая версия положена в основу произведения, которое также откликнулось в гриновском рассказе, – это драма Г. Ибсена «Маленький Эйолф»¹⁵; думается, фамилия Иенсен призвана, в частности, напомнить о норвежском драматурге¹⁶. «Главный» (хотя и недолго присутствующий на сцене) персонаж драмы Ибсена – Старуха-крысоловка, воплощение судьбы / смерти; она предлагает помочь всем, у кого «скребет или грызет» [12; 287, 290]. Повинуясь зову ее губной гармоники, мальчик по имени Эйолф бросается в воду фьорда, «уходя» вслед за старухой, уплывающей на лодке. Подобные реминисценции подкрепляют мысль о том, что, «погружая» ГР в бумажное «море», Грин тем самым соотносит его как с ребенком, так и с крысой.

Интересно, что двуединство «детско-крысиного» образа в ибсеновской драме, равно как и в легенде о гамельнском крысолове, было подчеркнуто не кем иным, как Фрейдом, написавшим в 1909 году статью под примечательным в аспекте нашей темы заглавием «Заметки об одном случае невроза навязчивости (Случай Человека-крысы)»¹⁷. Образ ребенка-«крысы» видим и в рассказе «Крысолов»: ср. эпизод, когда ГР, стремящийся спасти от гибели девушку и ее отца, встречается на рассвете «плачущего хорошенького мальчика лет семи», после общения с которым ГР испытывает «чувство укушенного» (394). Никаких явно «крысиных» черт у ребенка-оборотня нет, тем не менее он (как и встреченная затем на улице девушка) «иллюстрирует» слова Эрта Эртруса о том, что крыса способна «изменять свой вид, являясь, как человек... как его полный, хотя и не настоящий образ» (398). При этом действие мальчика, вцепившегося в руку ГР столь крепко, что тот с трудом вырывается (394), символически выражает их «неразрывность»: это своего рода двойник ГР, и борьба с ним («отрыв» от детского и крысиного) также выражает идею инициации.

Присутствующие в образе ГР «крысиные» ассоциации становятся еще более очевидны при анализе изображенного пространства. ГР сравнивает банк с лабиринтом (372) – исследователи закономерно подчеркивают важность этого архетипического образа как традиционного препятствия при посвящении в тайну [10; 147–148], а кроме того, отмечают его символическое значение, интерпретируя сюжет рассказа как «бесконечный ночной путь по лабиринту города, истории, России» [10; 148]. Однако, помимо мотива «лабиринтного» (в узком пространстве со многими поворотами) движения, в рассказе устойчивы образы темного и тесного («подземного») помещения, а также небольшого (несоразмерного субъекту) отверстия, через которое ГР наблюдает или проникает. Приведем примеры.

ГР изначально обитает в подвале (367) и ходит за дровами на чердак, рассматривая небо сквозь «выбитое слуховое окно» (367). Знакомый «лавочник» (сам похожий на респектабельную крысу) открывает ему путь в банк – ведет «к темному углу, откуда вела наверх черная лестница» (370), то есть ГР попадает в банк через черный ход; при этом проводник советует ему выходить всегда с осторожностью и оглядкой – «действительно, на высоте лица в стене около двери чернел вас-ис-дас с разбитым стеклом» (371). В банке ГР выбирает для ночлега «кабинет с одной дверью» (374), то есть «тупиковое» помещение, подобное норе (до этого описывались длиннейшие коридоры и огромные пространства). Далее, счастливо избежав падения в люк (388), ГР протискивается в «узкую боковую дверь... попав в... проход, очень узкий» (389); затем пытается увидеть то, что происходит в зале внизу, через «отверстие в стене, размером не более форточки» (390). Спасаясь от преследователей, «в слепом беге по узкому пространству» (393) в конце концов проникает на чердак сквозь «квадратную дыру в потолке» (393), затем через слуховое окно (393) выбирается на крышу и по водосточной трубе спускается на землю. Наконец, спеша по названному девушкой адресу, перепрыгивает «щель» расходящегося моста (395).

Эти детали подтверждают, что в фабульном пространстве нарушены нормальные пропорции – оно «противоестественно»: либо непомерно огромно (вспомним сравнение банка с Ватиканом (370)), либо уродливо сжато, так что ГР утрачивает привычное, «человеческое» самоощущение и начинает двигаться совершенно в ином стиле, повинаясь не столько рациональным соображениям, сколько инстинкту самосохранения¹⁸.

Впрочем, элементы «крысиного» поведения присущи ГР (да и не только ему) еще до начала истории с банком. В принципе, это вполне объяснимо с учетом разрухи и нищеты, на фоне которых совершаются события. Действия ГР мотивированы обычным чувством голода: он ворует дрова, меняет книги на хлеб, мечтает о еде, оказавшись в банке, и т. п. Хотя в сравнении с другими – допустим, с тем же «лавочником», «англичанином с ярославским оттенком» (370) – непрактичный и довольно легкомысленный в отношении собственного благополучия ГР не столь сильно подвержен влиянию инстинктов; в этом одна из важнейших предпосылок того, что «крысиное» начало в конце концов будет им изжито.

В «ониричном» мире гриновского рассказа отнюдь не только интеллигентный ГР проявляет «животные» черты. Ср., например, внешность девушки, встреченной им на рынке, где она тайком от отца торгует книгами, фактически сбывая краденое (пусть и под влиянием все того же инстинкта самосохранения): на ней «теплый серый платок» (видимо, ворсистый), «сухонный жакет», а также «теплые перчатки с голыми подушечками посматривающих из дырок пальцев»

(365). Здесь доминирует «шерстяная» фактура, а основной цвет – серый; даже глаза у девушки «серо-синие» (365). И хотя, как уже говорилось, она вызывает у ГР весьма благородные ассоциации, в сумме возникает сложное сочетание «высокого» и «низкого». Недаром в подсознании ГР (то есть в фабуле) ее образ «распадется» на несколько персонажей – как враждебных, так и дружественных: можно сказать, что все женские образы в рассказе представляют собой «ипостаси» безымянной девушки.

Таковы, прежде всего, два голоса: один звучит в неработающем телефоне, называя забытый ГР адрес (383–384), другой зовет его за собой, чтобы погубить (386–388)¹⁹. Кроме того, ГР встречается с двумя «зримыми» женскими персонажами. Во-первых, это «негативный» двойник девушки – оборотень, который на Конногвардейском бульваре²⁰ объясняется ГР в любви (395), видимо, чтобы отвлечь от цели его движения. Во-вторых – двойник «позитивный», даже идеальный; показательно, например, имя, которым наделяется этот женский персонаж: Сузи²¹ – уменьшительная форма древнееврейского имени Сусанна²², этимологически «водяная, белая лилия». По-немецки белая лилия называется Wasserrose, поэтому имя Сусанна считается эквивалентом имени Роза. Кстати, в аспекте ассоциаций с Кармен можно отметить, что цветком, который та бросает солдату (по крайней мере, в постановках оперы Ж. Бизе), традиционно является именно роза.

«Крысиными» коннотациями наделены даже такие персонажи, которые прямо аттестованы как «антагонисты» крыс. Ср., например, внешность Иенсена: он «в сером халате» (396), «в плотной шапке седых выстриженных ровным кругом волос, напоминающих чашку желудя. Острый нос, бритые, тонкие, с сложным упрямым выражением губы, яркие, бесцветные глаза и клочки седых бак на розоватом лице, оканчивающемся направленным вперед подбородком» (397). В коридоре банка ГР слышит разговор «человекокрыс» об Освободителе / Избавителе, призванном уничтожить Крысолова (392). Но примечательно, что заглавные буквы двух этих именований – «О» и «И» – как бы повторяются в инициалах самого Крысолова – О. Иенсен. Между прочим, номер телефона на его вывеске – I080I – есть комбинация тех же букв (в латинском написании), зеркально взаимоотражающихся через восьмерку, «знак бесконечности». К тому же, как отмечалось выше, фамилия Иенсен по «географической» принадлежности ассоциируется с латинским наименованием серой крысы – *Rattus norvegicus*²³.

Имя авторитетного «крысоведа», чью книгу цитирует Иенсен, также содержит «крысиные» коннотации: антропоним Эрт Эртрус выглядит анаграммой *Rattus rattus*, наименования черной (домашней) крысы, которое в 1758 году дал К. Линней. Именно черную крысу (правда, назы-

вая ее «гвинейской») убивает Иенсен, и именно ее аттестует как «Освободителя» (398). Вспоминая заглавие книги Эртруса, данное существо, вероятно, можно считать «Крысиным королем».

Как видим, между «темными» и «светлыми» персонажами рассказа существуют довольно причудливые отношения и взаимопереходы. Это неудивительно, если учитывать, что основные фабульные события разыгрываются во внутреннем мире ГР, в его подсознании. В отличие от инициационного сюжета «Золотой цепи», где юный Санди Пруэль борется с *внешним* злом и в этой борьбе мужает²⁴, в «Крысолове» возникает образ зла *внутреннего*, которое герой (вполне зрелого возраста) преодолевает в борьбе с самим собой, выводя в «светлое поле» сознания и повествуя об этом. Подчеркнем еще раз, что гибель крысы-Освободителя в тот самый момент, когда ГР появляется в доме Иенсена, выглядит как событие символическое и знаменует кульминацию процесса «исцеления».

В финале ГР впадает в «дикий, дремучий сон» (399)²⁵. Неординарные эпитеты²⁶, под влиянием их узуального употребления, вызывают аналогии с лесом, например, с тем «сумрачным

лесом», который возникает в начале «Божественной комедии» [6; 7]. образу леса у Грина присуща «функция посредничества между материальным и духовным» [8; 102] – это в целом соответствует логике финала «Крысолова», где герою обещан переход к новому бытию. После хаоса, в котором сон и явь были неразделимы, сон – признак того, что амбивалентность исчезла и восстанавливается нормальная «система координат».

Возвращаясь к параллелям гриновского рассказа и легенды о гамельнском крысолове, мы теперь можем более определенно охарактеризовать суть парадоксальной связи между ними. Анализ приводит к заключению, что ГР в своем лице объединяет по сути всех основных персонажей легенды – крысу, ребенка и крысолова – с соответствующим набором позитивных и негативных коннотаций. В фабульном плане рассказ повествует о событиях фантастических: столкновении с мрачным царством крыс и встрече с благодетельным Крысоловом, избавившим ГР от преследователей. Однако на более глубоком, сюжетном уровне речь идет об изживании «крысиного» и «детского» в самом себе; фигурально выражаясь – о превращении ГР в «крысолова».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рассказ «Крысолов» цитируется по: Грин А. С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Правда, 1980. Т. 4 – с указанием страницы. Авторские разрядки не воспроизводятся; курсив в цитатах – мой.

² Кстати, 1924 год, когда написан рассказ, являлся годом Крысы по восточному календарю; впрочем, трудно сказать, знал ли об этом Грин – вернее, интересовался ли он подобной информацией. Интересно также, что в египетской мифологии образ крысы связан с идеей суда над душой [9; 205] – такое понимание весьма близко к проблематике гриновского рассказа.

³ Приведем весьма глубокомысленное суждение, звучащее поистине как лозунг: «Вот книга, которую надо перечитать тем, кто управляет окруженной крысами страной» [2].

⁴ Об этом говорят многие мемуаристы [3; 199, 243, 298–302, 519–520], [4; 14, 19–20].

⁵ Общеизвестно, что весной – летом 1920 года в жизни Грина начались важнейшие перемены, радикально повлиявшие на все его дальнейшее существование и творчество. 20 марта 1920 года, получив отпуск из армии, он прибыл в Петроград, перенес тиф, едва не умер, после выздоровления в конце мая поселился в Доме искусств, а летом того же года развелся с В. П. Калицкой [1; 37–38]. «Переломный» период завершился примерно год спустя женитьбой на Н. Н. Коротковой.

⁶ Отметим сходное высказывание повествователя в романе «Блестящий мир»: «Литература фактов вообще самый фантастический из всех существующих рисунков действительности» [4 (Т. 3); 137].

⁷ Ср. немецкое слово «Хальт!» (396), которое ГР слышит в квартире Сузи и которое, по-видимому, произнесено Иенсеном (хотя и не очень понятно, как оно связано с ситуацией).

⁸ См., напр.: <http://vapp.ru/docs/gradiva/>.

⁹ В частности, Фрейд пишет: «...сновидения – это, так сказать, физиологический бред нормального человека» [13; 148].

¹⁰ Точно такая же модель намечена в начале романа «Золотая цепь»: Санди находит пустой переплет от книги [4 (Т. 4); 3], и дальнейшая фабула как бы наполняет эту книгу содержанием – Санди становится ее главным героем и одновременно «автором».

¹¹ Впрочем, как подчеркивают исследователи, в народных поверьях булавка играет роль оберега, спасая человека от сглаза [16; 108], – с этой точки зрения, в действии девушки кроется магический смысл.

¹² Справедливости ради нужно сказать, что «воочию» ГР видит лишь рыжих (377) и черных (396) крыс. Однако традиционно это животное ассоциируется, конечно, с серым цветом.

¹³ Кстати, Л. Андреев умер в сентябре 1919 года – за полгода до начала событий рассказа «Крысолов».

¹⁴ Возможна еще одна гофмановская реминисценция: образ банка в гриновском рассказе, по созвучию со словом «банка», заставляет вспомнить сказку «Золотой горшок», где герой вследствие колдовства попадает «под стекло» – оказывается сидящим под стеклянным колпаком.

¹⁵ В 1905 году она была поставлена в петербургском Передвижном театре, в 1907 году – в Александринском театре.

¹⁶ Грин приводит латинские наименования мышей и крыс (377); судя по всему, он знал, что серая крыса (пасюк) именуется *Rattus norvegicus*. Это название было дано в 1769 году англичанином Д. Беркенаутом, который ошибочно полагал, что крысы попали в Англию на кораблях из Норвегии, – ср. сходное объяснение Иенсена по поводу гвинейской крысы (397); кстати, здесь Грин, судя по всему, путает *гвинейскую* крысу, которая имеет рыжий цвет, с *гавайской* – потомком черной крысы, *Rattus rattus*, завезенной из Европы).

¹⁷ См.: http://www.psychanalyse.ru/practice/man_rat.html. Трудно предположить, что Грин мог читать данную статью или вообще знать ее содержание (она увидела свет в 1913 году, но на русский в те времена не переводилась). И все же обращает на себя внимание странное сходство. Фрейд рассказывает о пациенте, которого преследовал неотвязный образ «наказания крысами»: человека сажают на глиняный горшок, где содержатся голодные крысы, вгрызающиеся в анус жертвы (пациент воображал, что его близких подвергают этому наказанию). В рассказе «Крысолов» ГР с непонятной целью

дает латинские наименования животных. Научное название серой крысы (пасюка) – *Mus decumanus* – приведено, например, в статье «Крысы» в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона». Однако в гриновском рассказе возникает каламбурное сочетание «*Mus decum anus*» (377), которое можно приблизительно перевести как «десятизатая мышь» (лат. «десять» – *decim*). Есть соблазн объяснить появление пробела в слове «*decumanus*» простой опечаткой, которая была допущена, например, при первой публикации «Крысолова» (Россия. 1924. № 3. С. 58), после чего неуклонно воспроизводилась во всех изданиях. Но нельзя не признать – если это и опечатка, то поразительно «фрейдовская».

¹⁸ По мнению Е. Нагайцевой, «доминантный личностный смысл рассказа» может быть сформулирован следующим образом: «Животные инстинкты, залегающие в глубинах нашего бессознательного, в определенных условиях представляют опасность для человека – он может потерять свою “человечность”» [15; 19].

¹⁹ По поводу этого невидимого существа ГР замечает: «...я не понимал, как могла бы самая воздушная женщина *перелететь* через обширный люк, стены которого не имели никакого бордюра, позволяющего воспользоваться им для перехода; ширина достигала шести аршин» (389). В этой связи вновь вспомним о звучащих в рассказе латинских названиях: мыши здесь поименованы *Murinae* (строго говоря, таково обозначение подсемейства мышиных, к которому принадлежит и отряд крыс обыкновенных *Rattus*, так что противопоставление мышей и крыс в этом смысле не совсем верно). Интересно, однако, что именем *Murina* называется также один вид *летучих* мышей (трубносы).

²⁰ Кстати, в плане литературных ассоциаций данная сцена напоминает эпизод «Преступления и наказания», где Раскольников встречает на Конногвардейском бульваре пьяную девочку [7; 47], – впоследствии эта встреча «откликнется» в страшном сне Свидригайлова, которому явится развратная девочка-«оборотень» [7; 483]. Описание этой девочки Грин, похоже, варьирует, изображая встреченного ГР мальчика. В «Преступлении и наказании» читаем: «Он нагнулся со свечой и увидел ребенка – девочку лет пяти, не более, в намокшем, как поломоная тряпка, платьишке, дрожащую и плакавшую. Она как будто и не испугалась Свидригайлова, но смотрела на него с удивлением своими большими черными глазенками...» [7; 482]. В «Крысолове»: «Едва я повернул за угол, как принужден был остановиться, увидев плачущего хорошенького мальчика лет семи, с личиком, побледневшим от слез; тоскливо тер он кулачками глаза и всхлипывал. <...> Это худенькое тело дрожало, его ножки были в грязи и босы. <...> Не плача уже и также молча, уставил он на меня прямой взгляд черных огромных глаз» (394–395).

²¹ Возможно, для Грина имело значение анаграмматическое сходство сочетания «Сузи Иенсен» и имени Иисус.

²² Можно предположить и «прототипическую» мотивировку: Нина Николаевна Грин была крещена в честь св. равноапостольной Нины, просветительницы Грузии. Скорее всего, она знала житие своей покровительницы – в частности то, что мать св. Нины носила имя *Сусанна*.

²³ Кстати, до 1814 года Норвегия была провинцией Дании, а после этого до 1905-го насильственно состояла в союзе со Швецией, то есть не имела независимости.

²⁴ Как отмечает Е. Званцева, в романе также метафорически присутствуют «крысиные» мотивы: «...крысы проникают во дворец Ганувера» [11; 134]. Характерно, что в «Крысолове» подчеркнута связь крыс с уголовным миром: «...интерес различных групп зала вертелся около подозрительных сделок, хотя и без точной для меня связи разговора вблизи. Некоторые фразы напоминали ржание, иные – жестокий визг; увесистый деловой хохот перемешивался с шипением. Голоса женщин звучали напряженным и мрачным тембром, переходя время от времени к искушающей игривости с развратными интонациями камелий. Иногда чье-нибудь торжественное замечание переводило разговор к названиям цен золота и драгоценных камней; иные слова заставляли вздрогнуть, намекая убийство или другое преступление не менее решительных очертаний. Жаргон тюрьмы, бесстыдство ночной улицы, внешний лоск азартной интриги и оживленное многословие нервно озирающейся души смешивалось с звуками иного оркестра, которому первый подавал тоненькие игривые реплики» (391).

²⁵ Кстати, сходная фраза есть в романе «Золотая цепь»: «Дикий сон клубился еще во мне» [4 (Т. 4); 44].

²⁶ Обратим внимание на оксюморонность словосочетания: слово «дикий» ассоциируется с гиперактивностью, слово «сон», напротив, с покоем; дрема есть сон неглубокий – но в рассказе производное от этого слова использовано для характеристики «сверхглубокого» сна. Вместе с тем «дикий сон» явно полон драматических сновидений, а слово «дремучий» наводит на мысль о потере дороги и блужданиях. Таким образом, «финальный» сон ГР по-своему «дублирует» фабулу и служит лишним подтверждением ирреальности совершившихся событий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александр Грин: хроника жизни и творчества. Феодосия; М.: Издательский дом «Коктебель», 2006. 80 с.
2. Варламов А. Мистический враг // Литературная газета. 2004. № 18.
3. Воспоминания об Александре Грине. Л.: Лениздат, 1972. 608 с.
4. Грин А. С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Правда, 1980. (Т. 3 – 496 с.; Т. 4 – 480 с.)
5. Грин Н. Н. Воспоминания об Александре Грине. Феодосия; М.: Издательский дом «Коктебель», 2005. 400 с.
6. Данте Алигьери. Божественная комедия. М.: Интерпракс, 1992. 624 с.
7. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 5. 576 с.
8. Дунаевская И. К. Этико-эстетическая концепция человека и природы в творчестве А. Грина. Рига: Зинантне, 1988. 168 с.
9. Жульен Н. Словарь символов. Челябинск: Урал Л.Т.Д., 1999. 500 с.
10. Загвоздкина Т. Е. Романтическая мифологизация в рассказе А. С. Грина «Крысолов» // А. С. Грин: взгляд из XXI века. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. С. 146–155.
11. Званцева Е. П. Традиция сказочного повествования в романе А. С. Грина «Золотая цепь» // Проблема традиций и новаторства в русской и советской прозе и поэзии. Горький: Горьковский пед. ин-т, 1987. С. 41–50.
12. Ибсен Г. Собр. соч.: В 4 т. М.: Искусство, 1958. Т. 4. 824 с.
13. Иенсен В. Градива: Фантастическое приключение в Помпее. Одесса: Жизнь и душа, 1912. 190 с.
14. Ф. Ш. Иенсен В. // Литературная энциклопедия. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1930. Т. 4. Стб. 432.
15. Нагайцева Е. В. Концептуальная символическая модель: на материале творчества А. С. Грина: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2002. 21 с.
16. Неелов Е. М., Лопуха А. О. Рассказ А. С. Грина «Крысолов»: опыт прочтения // Художественный текст: опыты интерпретации. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2007. С. 87–109.
17. По Э. Избранное. М.: Худож. лит-ра, 1984. 704 с.

ГЮЛЬНАРА АШРАФОВНА МЕХРАЛИЕВА

соискатель кафедры русской литературы филологического
факультета ПетрГУ
mekhralieva@mail.ru

СКАЗКИ ЛЮДМИЛЫ ПЕТРУШЕВСКОЙ И ДЕТСКИЙ СТРАШНЫЙ РАССКАЗ

В статье исследуется влияние жанра детского страшного рассказа («страшилки») на сказочный мир Людмилы Петрушевской, трансформация мотивов и образов детских страшных историй в сказках автора.

Ключевые слова: сказка, Петрушевская, детский страшный рассказ

В рамках данной статьи мы обратимся к вопросу, который еще мало исследован, – влиянию детских страшных рассказов на сказки Людмилы Петрушевской. Справедливости ради скажем, что влияние жанра детских страшных рассказов (страшилок) на творчество Петрушевской отмечалось не раз, но обычно применительно к циклу рассказов «Песни восточных славян» (М. Липовецкий, А. Куралех, Д. Маркова, С. Поволяев). «По сути, – пишет А. Куралех, – это отголосок тех страшных историй, которые мы не раз слышали и сами рассказывали в школе или в детском саду... Петрушевская прекрасно владеет этим “детским” материалом» [2; 64]. Как известно, литературная сказка сформировалась на основе фольклорной волшебной сказки: «...жанровая специфика литературной сказки состоит именно в том, что это всегда такое художественное произведение, жанровой доминантой которого является “память жанра” волшебной сказки (“сказочность”)» [3; 160]. Однако, несмотря на фольклорно-сказочную обусловленность этого жанра, «в литературной сказке вместо фольклорной традиции на первый план выходит воля писателя» [6; 21]. Но кроме фольклорной вол-

шебной сказки, влияние которой закреплено за литературной сказкой жанрово, сказки Петрушевской отмечены влиянием многих других фольклорных жанров, в них «использованы традиции народной сатирической сказки, сказки о животных... сказки-небылицы, элементы страшилок-фабулатов и анекдотов» [7; 220].

Обращает на себя внимание прежде всего то, что эти рассказы начинаются так же, как детские страшилки: «Одному полковнику во время войны жена прислала письмо...», «Один молодой человек Олег остался без отца и матери...», «Один человек похоронил жену...», «Однажды молодая девушка возвращалась зимним вечером с электрички...», «Одна женщина ненавидела свою соседку...». Согласно общепринятой точке зрения, детская страшилка как жанр потаенного детского фольклора сформировалась в городской среде. Т. В. Зуева связывает возникновение жанра с Октябрьской революцией, повлекшей за собой резкое изменение соотношения городских и сельских жителей, утрату феодального мировоззрения, а с ним и жанров «взрослого» фольклора, которые раньше удовлетворяли потребность детей в переживании ужасного [1; 131–132].

По мысли М. Н. Мельникова, «о позднем происхождении жанра говорит система его образов, бытовая атрибутика (милиционер, милиция, ученый, токарный станок, механическая кукла, рояль, радио, такси и т. д. и т. п.)» [5; 77]. Но, как указывают О. Ю. Трыкова и К. А. Рублев, жанр существовал гораздо раньше; для доказательства этого тезиса они приводят в пример рассказ А. Н. Толстого «Фофка» (1918), отразивший «мир тревожного воображения городских детей XX века» [12; 44].

В своих сказках Петрушевская обращается к сюжету страшилок о предмете-злодее, выделенных в особый тип С. М. Лойтер [4; 129]. Это большой класс детских страшных историй, рассказывающих об опасных предметах: желтых шторах, зеленом пистолете, пианино, белых перчатках и др. «Опасной становится в страшилке и просто новая вещь, – пишет М. Осорина, – не принадлежащая к домашнему кругу, недавно принесенная извне: купленная на день рождения новая кукла оказывается вампиром, белая статуэтка балерины ночью протягивает руку и колет иголкой с ядом, а в черном пианино сидит злая колдунья» [8; 43].

Прежде всего, влияние этого сюжета ощущается в «Сказке о часах». Как предмет-злодей в сказке выступают часы: тому, кто их завел, нужно будет заводить их – сначала каждый час, а потом все чаще, пока часы не остановятся прежде, чем их успеют завести. В сказке присутствует и популярный в детских страшных историях мотив материнского запрета (запрет надевать часы) и его нарушения дочерью, а также мотив постепенного приближения к смерти (в страшилках мама непослушной девочки приходит домой сначала без одной руки, затем без второй, без ноги, без второй, а потом не приходит вовсе). У этих часов есть и свойственная предметам-злодеям страшная предыстория: они убили бабушку девочки. Но история эта, основываясь на приемах страшилки, обретает смысл, которого в страшилке нет. В фольклорных страшилках зло, воплощенное в образах ведьм, мертвецов, радио, занавесок, пластинок и т. д., – непонятно, иррационально, неясно его происхождение, зло существует ради самого зла. В «Сказке о часах» предмет не наделен собственной злой волей, но наделен смыслом. Часы просто отмеряют жизнь того, кто их завел, а если они пойдут сами, то умрет старушка, которая «каждый вечер выпускает ночь и дает отдохнуть белому свету» [9; 168–169], а с ней и день. Для этого и существуют часы. Они одновременно гарантируют существование мира (старушка запрещает их разбивать) и означают его конечность. Но главное, что отличает сказку от страшилки и делает «Сказку о часах» все-таки сказкой, – счастливый конец. Глупая и капризная девочка вынудила свою мать завести часы, а узнав правду, даже не пожалела ее, а только разозлилась, что не сможет носить их в школу. Но

когда она повзрослела и сама родила дочку, она завела часы у постели умирающей матери. И тогда проходившая мимо окон старушка сказала: «Ну что же, пока мир остался жив» (171). Мир остается жив до тех пор, пока живы любовь родителей и детей, пока они могут жертвовать собой и нести ответственность за себя и друг за друга.

Этот прием детского страшного рассказа – появление в жизни ребенка безопасного с виду, но несущего зло предмета, – Людмила Петрушевская использует и в сказках «Волшебные очки» и «Волшебная ручка». Предмет-вредитель, попавший в сказку из страшилки, с самого начала не угрожает смертью, тогда как «страшилка... всегда стремится к максимальной степени трагизма» [12; 38]. По оценке С. М. Лойтер, в 90 % случаев сверхъестественные силы в страшилке смертоносны [4; 87]. В обеих сказках Петрушевской предмет попадает в дом главных героев из магазина – места, являющегося «заманчивым и одновременно опасным пространством», которое пугает ребенка своим многолюдьем и где он боится заблудиться [14; 116]. Детские переживания отвечают культурным архетипам, в соответствии с которыми «поездка на ярмарку ассоциировалась с путешествием в иной мир, полный вражды и опасности» [14; 117]. Поэтому многочисленные предметы-вредители, встречающиеся в страшилках, часто попадают в дом из потенциально опасного пространства магазина.

Волшебные очки из одноименной сказки были куплены вопреки материнскому наказу купить тетради (ср. с запретом в страшилке: не покупать черные шторы, белый бант...). Важно и то, что «очень дешевые черные очки» (276), которые купила девочка, отмечены значимым цветом как для детской мифологии, так и для взрослой культуры в целом. Очки, являясь поначалу желанными (они могут действовать одновременно как микроскоп и телескоп), больше вредят, чем помогают. Девочка видит множество микробов, в том числе на мыле и на полотенце, отчего вскоре перестает носить очки днем, зато ночью она может наблюдать «дивную жизнь светил» (277), но и это не мешает очкам осуществлять вредительскую функцию: из-за бессонных ночей девочка плохо учится в школе, а рассказы о жизни на других планетах заставляют ее опасаться перевода в «школу для дураков» (278). Неожиданный случай (благодаря очкам девочка спасла похищенного ребенка) полностью изменяет значение и роль этого волшебного предмета: героиня решает помогать взрослым людям, а увидев «три миллиона микробов» (284) на детской бутылочке с молоком, девочка думает: «Некоторые вещи лучше не замечать, не все в этом мире совершенно» (284). Изменение речи героини фиксирует изменение ее сознания и говорит о том, что она повзрослела. Так переворачивается фольклорная функция предмета-вредителя: очки начинают играть воспитательную роль, превращаясь из вредителя в помощника.

Как и персонажи страшилок, которые «условны и безымянны» [8; 43], герои сказки не имеют имен, но не являются при этом архетипичными. Перед нами – психологически достоверные персонажи литературной сказки. Вот как, например, начинается сказка «Волшебная ручка»:

«Однажды в магазин явилась мамаша с ребенком купить ему ручку.

Мамаша, разумеется, хотела купить ручку подешевле, а ребенок хотел купить ручку получше. <...>

А тут же стоял колдун, который пришел за чернилами: мало ли нужны чернила, и все тут.

Но мамаша с ребенком все никак не могли купить достаточно дешевую и в то же время самую хорошую ручку, и терпение у колдуна лопнуло» (127).

Так в руки героев попадает ручка, обладавшая вредным свойством: все написанное ею стиралось из памяти пишущего.

Поведение злого волшебника в какой-то степени оправданно – он устал дожидаться своей очереди и подарил мальчику опасную ручку. Но уже с начала рассказа Петрушевская прибегает к своему излюбленному приему – обману читательских ожиданий. Вместо ожидаемой серии казусов в школе, которые неминуемо произойдут с мальчиком, пишущим волшебной ручкой, читатель следит за перемещениями ручки от сына к маме, от мамы – к семейству воров, которое предмет-злодей перевоспитывает: они просто забывают свое воровское искусство. Злой волшебник оказывается вовсе не злым: его поступки дальновиднее, чем может показаться на первый взгляд. Таким образом, достигается обязательный для сказок Петрушевской счастливый финал. «Автор словно говорит, – пишет об этом Е. Тиновицкая, – я могу делать что угодно, могу прийти к счастливому концу мотивированно или немотивированно, могу довести все до полного абсурда, поставить с ног на голову и поиздеваться над читателем, но обязательно все будет хорошо» [11; 168].

Впрочем, такое же стремление к обязательно хорошему концу существует и внутри жанра детских страшных историй. Это особый тип страшилок, называемый «антистрашилками». Антистрашилки распространены в среде более старших детей, «на уровне сознательного отрицания чудесного путем его пародирования или обнаружения его иллюзорности через развитие материалистических мотивировок» [1; 148]. По словам В. Я. Проппа, «пародия состоит в том, что повторяются или приводятся внешние черты явления при отсутствии внутреннего содержания» [10; 73]. Пародийные страшилки в целом воспроизводят образы и мотивы традиционных страшилок, но в них исчезает самое главное – страшное, а зачастую и сверхъестественное.

Как и сказки Петрушевской, антистрашилки построены на противоречии ожидаемого и действительного, что часто ведет к комическому

эффекту, который обязательно следует за нагнетанием страха у слушателей. «Пародийный характер повествования поначалу скрыт от слушателей. – пишет М. П. Чередникова. – Его осознает только рассказчик, которому важно воссоздать убедительное подобие “страшного рассказа”». Комический «перевертыш» возникает благодаря неожиданной развязке, которая лишена трагедии и переводит повествование в будничный, бытовой план. Мистическое свойство предмета-вредителя заменяется простейшим логическим объяснением» [14; 196]. Так, в одной из страшилок-самозаписей, опубликованных Э. Успенским, на кухне в доме слышится «кап-кап-кап», все члены семьи по очереди уходят и не возвращаются, а когда самый младший ребенок приходит на кухню, он видит, что «там вся семья кран закручивает» [13; 185].

Одна из сказок Л. Петрушевской типологически полностью соответствует сюжетной схеме страшных историй этого типа. Это «Сказка с тяжелым концом», которая рассказывает о Лунной ночи, потерявшей пуговку от рукава, и обещает своим названием несчастливый финал, однако заканчивается вполне благополучно и (в соответствии с некоторыми из антистрашилок) неожиданно. Лунная ночь осветила все на земле, но так и не нашла пуговку, зато ее «нашли рабочие на стройке в котловане да и сдали свою находку в музей, специально гоняли экскаватор.

Она теперь лежит там в витрине с надписью: “Руками не трогать. Метеорит. Вес шестнадцать тонн”» (10).

В сказке «Сны девочки» присутствует мотив предсказания смертей родных, сходный со «страшилочным»: «...твои родители умрут. Отец сегодня, а мать завтра» (183) – угрожает слуга колдуна девочке, которая не соглашается выйти за него замуж. Принцесса, не поверив поначалу незнакомому человеку, в ту же ночь теряет отца. После этого девочка соглашается на условия, предъявленные колдуном: стать тридцать пятой девушкой, которая уезжает с ним «по собственному желанию» (186), если колдун оживит ее отца.

По отношению к этой сказке справедливы слова исследователя, определяющие жанровые особенности страшилки: «Для страшилки характерен острый трагический конфликт, который развивается на основе противостояния и борьбы двух традиционных фольклорных систем: “добра” и “зла”» [5; 77]. В сказке «Сны девочки» на первый план выходит воля главного героя – принцессы, как это происходит в страшных рассказах детей старшего возраста, в которых ведущая роль принадлежит не иррациональному всепобеждающему злу, не милиционеру или сыщику, а ребенку, который вступает в противостояние с антагонистом. В данном случае в роли антагониста выступает колдун – персонаж, встречающийся во многих страшных рассказах наряду с ведьмами, вампирами, оборотнями, обязанными своим происхождением жанру бы-

лички. Несмотря на то что все события, произошедшие с девочкой, оказались сном, она вышла победителем из противостояния с колдуном. Узнав, что они плывут на корабле в страну мрака, которая снится людям в страшных снах, она догадывается, что попала в страшный сон, и осторожно, хитростью выведывает у колдуна, как выбраться из кошмара: «...надо... спросить у первого попавшегося прохожего: “Ты кто?” И сон кончится» (188).

Сюжет рассказа Петрушевской «Сны девочки» – прекрасный пример того, как детская литература помогает ребенку, переживая страшное, подготовиться к переживанию страшного в жизни.

Язык прозы Петрушевской, неправильный, наполненный просторечными словами, жаргонизмами, канцеляризмами, максимально сближается с разговорной интонацией, языком толпы. Язык ее сказок, в целом свободный от жаргонных включений, сохраняет разговорную интонацию, синтаксические неправильности, общую установку на «устность». Это язык

городского обывателя, которым и рассказываются «случаи» и страшилки.

Таким образом, детские страшные рассказы, являясь частью детской мифологии, «оказываются для ребенка своеобразным средством познания мира, средством вхождения в культуру, средством психической саморегуляции и развития воли» [14; 209]. Людмила Петрушевская, включая в сказки элементы страшилок, говорит на языке мотивов и образов, понятных ребенку, имеющих значение для развития его воображения, эстетического чувства, эмоциональной устойчивости. «Кажется, витамин Страх нужен для духовного развития ребенка не меньше, чем все другие витамины», – пишет Э. Успенский [13; 149]. Петрушевская добавляет «витамин Страх» дозированно (лишь в нескольких сказках мы обнаружили элементы поэтики детского страшного рассказа), при этом у всех сказок – хороший конец, достаточно редкий в страшилке, но обязательный для сказочного мира Людмилы Петрушевской.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зуева Т. В. Категория чудесного в современном повествовательном фольклоре детей // Проблемы интерпретации художественных произведений: Межвузов. сб. науч. тр. М.: Изд-во МГПИ им. Ленина, 1985. С. 131–148.
2. Куралех А. Быт и бытие в прозе Людмилы Петрушевской // Литературное обозрение. 1993. № 5. С. 63–67.
3. Липовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–80-х годов). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 184 с.
4. Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исследования и тексты. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2001. 296 с.
5. Мельников М. Н. Русский детский фольклор. М.: Просвещение, 1987. 240 с.
6. Неелов Е. М. Сказка, фантастика, современность. Петрозаводск: Карелия, 1987. 126 с.
7. Овчинникова Л. В. Русская литературная сказка XX века. История, классификация, поэтика: Учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2003. 312 с.
8. Осорина М. «Черная простыня летит по городу», или Зачем дети рассказывают страшные истории // Знание – сила. 1986. № 10. С. 43–45.
9. Петрушевская Л. С. Собр. соч.: В 5 т. Харьков: Фолио; М.: ТКО АСТ, 1996. Т. 4. С. 168–169. Далее цитирую по этому источнику с указанием в круглых скобках страницы.
10. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М.: Лабиринт, 2007. 256 с.
11. Тиновицкая Е. Терапия вместо «морали». Об одной новейшей тенденции в отечественной детской литературе // Вопросы литературы. 2007. № 4. С. 157–176.
12. Трыкова О. Ю., Рублев К. А. Художественная литература и страшный детский фольклор (аспекты взаимодействия) // Проблемы детской литературы и фольклор. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1992. С. 34–48.
13. Успенский Э. Н. Собр. соч.: В 10 т. СПб.: Экономика, 1993. Т. 10. 287 с.
14. Чередникова М. П. «Голос детства из дальней дали...» (Игра, магия, миф в детской культуре). М.: Лабиринт-Пресс, 2002. 224 с.

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛЕВКИН

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента экономического факультета ПетрГУ

levkin@petrsu.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

В статье рассматривается модель организационной культуры, которая включает в себя следующие уровни: культура труда, культура производства и корпоративная культура.

Ключевые слова: модель организационной культуры, культура труда, культура производства, корпоративная культура

Окружающий нас мир можно условно разбить на три большие сферы – мир неживой природы, живая природа и человеческое общество. В каждой из этих сфер реализуются процессы управления, которые становятся объектами изучения соответствующей отрасли научного знания. Управление машинами и механизмами исследуют инженерно-технические науки, естественные науки рассматривают управление в биологических, химических, физических и геологических системах, а управление в человеческом обществе находится в поле зрения общественных наук – политологии, социологии, экономики, этики, антропологии, психологии и т. д. Такая научная специализация обусловлена тем, что в каждой из рассматриваемых сфер процессы управления имеют свои характерные особенности, выявить, описать и исследовать которые можно лишь используя относительно обособленные научные методы. Однако существуют и общие закономерности, имеющие место в любых управленческих процессах. Возникновение данных закономерностей связано с тем, что, во-первых, между рассматриваемыми сферами нет четких границ – они взаимопроникают и накладываются друг на

друга, и, во-вторых, эти сферы выступают как подсистемы одной большой системы – окружающего нас мира. По этой причине возникают междисциплинарные теории, которые могут одинаково эффективно использоваться всеми отраслями научного знания при изучении управления. К ним относятся синергетика, теория хаоса, общая теория систем и т. п.

В развитии науки, начиная с эпохи Просвещения, четко обозначаются три хронологических этапа. Первый и самый ранний этап отличается тем, что наука воспринимает окружающий мир с механистических позиций. Кроме того, в рамках данного этапа отсутствует четкая научная специализация (этот тезис подтверждается большим количеством среди ученых того времени так называемых «энциклопедистов», то есть людей, одновременно работающих и делающих научные открытия в химии, физике, математике, экономике, биологии и т. д.). Вершиной первого этапа стало появление основных отраслей научного знания. Второй этап связан с углубляющейся специализацией в рамках отдельных отраслей науки, благодаря которой делаются выдающиеся открытия в самых разных

областях научного знания. В рамках этого этапа меняется представление ученых об окружающем мире: во второй половине XX века на смену механицизму приходит системное видение, которое, кроме всего прочего, позволяет устранить отдельные недостатки, характерные для глубокого разделения научного труда. Современный (третий) этап включает в себя две основные тенденции – биологизацию и гибридизацию. Биологизация – это построение и исследование моделей поведения сложных объектов и способов управления ими на основе имитации механизмов, реализованных природой в живых существах. В свою очередь, под гибридизацией понимается совместное применение различных методов и/или моделей для обработки информации об одном и том же объекте. Парадигма такого подхода основана на том, что любая сколь угодно сложная искусственная модель реального объекта всегда будет примитивнее и проще оригинала, и только многоаспектное его изучение с последующей интеграцией получаемых результатов позволит обрести необходимые знания или приблизиться к оптимальному решению [5; 9].

Экономика находится в общем русле развития всей науки. По этой причине в рамках эволюции экономического знания также можно выделить три этапа. Первый этап характеризуется обособлением экономики от других отраслей науки, хотя еще и прослеживается ее четкая связь с биологией, философией, физикой и т. д. Например, идеи А. Смита о конкурентной борьбе и благоприятной роли конкуренции для развития общества были созвучны идеям Ч. Дарвина и его эволюционной теории (кроме того, сам А. Смит являлся видным представителем шотландской философской школы). Труды Т. Мальтуса легли в основу многочисленных теоретических конструкций не только в экономической теории, но и в политологии, социологии, этике и т. д. Представители австрийской и швейцарской школ маржинализма стали знамениты благодаря своим открытиям в экономике, так и в математике. Кроме того, разработанный ими равновесный подход на долгие годы определил развитие научной мысли в гуманитарной сфере. К. Маркс и Ф. Энгельс по праву считаются не только экономистами, но и социологами. Известны философские идеи Ф. Энгельса по вопросам междисциплинарного взаимодействия различных отраслей научного знания: он называл физику механикой молекул, химию – физикой атомов, а биологию – химией белков (сегодня мы бы добавили: и нуклеиновых кислот). Высказывая такие мысли, Ф. Энгельс хотел показать переход, который существует между науками, следовательно, существующую между ними связь, непрерывность, а также различия и дискретность. Список известных экономистов того времени, которые оставили свой след в других отраслях научного знания, может быть продолжен и дальше. Важнейшим результатом пер-

вого этапа стало возникновение двух принципиальных положений, спор о соотношении которых в экономической жизни общества продолжается до сих пор. Речь идет о роли и мере сознательного (прежде всего со стороны государства) и стихийного (со стороны рынка) регулирования в экономических процессах.

Второй этап развития экономики связан с появлением многочисленных направлений, школ, теорий, концепций, характеризующих тот или иной аспект хозяйственной жизни людей: происходит глубокая специализация экономики как науки. Именно в этот период она становится мощным орудием научно-технического прогресса человеческого общества. Экономический аппарат начинает активно использоваться в других гуманитарных областях научного знания. Такие специфические экономические принципы, как принцип нахождения оптимума (равновесного состояния), принцип рационального (экономического) человека, принцип экономического детерминизма, начинают активно использоваться в других науках. Возникает феномен экономического империализма.

Современная наука позволяет конструктивно и комплексно использовать достижения всех областей научного знания на общее благо развития нашей цивилизации. Экономическая наука является типичным образцом подобной успешной интеграции. Из физики экономика заимствует такие ключевые положения, как первый и второй законы термодинамики. Например, есть несколько равноценных формулировок второго начала, и одна из них звучит следующим образом: в замкнутой системе прирост энтропии всегда положителен. (Образцом незыблемости действия данного постулата стала экономическая система Советского Союза, отделенная «железным занавесом» от остального мира.) Из химии экономика берет положения синергетики, а из биологии – эволюционизм (отсюда возникает целое теоретическое направление, созданное Р. Нельсоном и С. Уинтером, – эволюционная экономика).

Новый виток в развитии экономики связан с еще более активным взаимодействием с гуманитарными науками – культурологией, социологией, политологией, этикой, психологией. Возникают многочисленные междисциплинарные предметы – экономическая социология, экономическая психология, экономическая этика и т. д. Таким образом, к настоящему времени важнейшим результатом развития экономической науки стало осознание учеными того, что экономика не может изучаться в отрыве от других социальных наук, а само экономическое развитие невозможно без глубоких изменений как в самой экономике, так и в политической, социальной и культурной областях жизни людей. Как итог принципы экономики должны гармонично сочетаться и интегрироваться с принципами других наук. По этой причине социальная система начинает рассматриваться экономистами как сложное жи-

вое образование, состоящее из двух ключевых подсистем, – экономической и культурно-институциональной [11; 11]. При этом, если во второй половине XX века особый интерес ученых-экономистов вызывала проблематика институтов (прежде всего политических), то сегодня на передний план выходят исследования, связанные с темой культуры. Интерес этот связан с несколькими важнейшими процессами, протекающими в современном обществе. Во-первых, распад социалистической системы хозяйствования отодвинул на второй план дискуссии о роли политической системы в эффективном развитии народного хозяйства. Рыночная (капиталистическая) система на современном этапе развития нашей цивилизации доказала свою большую эффективность по сравнению с командно-административной. Во-вторых, оказавшиеся в относительно одинаковых институциональных условиях бывшие социалистические страны показали в течение последних десятилетий абсолютно непохожие сценарии развития: от эффективной интеграции в мировой процесс экономической и социальной жизни (Венгрия, Чехия) до стагнации и упадка (Югославия, Румыния, Молдова, Украина), а также паразитизма (некоторые страны Балтии). В-третьих, ряд азиатских и юго-восточных стран, несмотря на отсутствие «традиционных» культурных факторов (прежде всего религиозного характера), которые, по мнению некоторых исследователей – сторонников европоцентризма, способствуют развитию рыночных отношений, демонстрируют уверенный экономический рост, и сегодня мы уже можем говорить о феномене мусульманского или, например, буддийского капитализма. Происходят радикальные изменения и на микроуровне. Сюда относится, прежде всего, технологический переворот, который привел к лидирующей роли интеллектуальных, наукоемких производств. Стратегически важным ресурсом таких производств становится высокограмотный, умеющий творчески думать работник. По этой причине традиционные виды капитала (промышленный, финансовый, торговый) отходят на второй план, а во главу угла становятся человеческий, культурный и социальный капиталы.

Отечественная экономическая наука делает первые шаги в изучении роли культурно-институциональной подсистемы в экономической жизни российского общества. Пока еще основной акцент делается на институциональной проблематике, так как сегодня российское общество активно создает, формирует и развивает институты, характерные для рыночной экономики. Однако уже сейчас возникает непосредственный и неподдельный интерес к культурной составляющей рассматриваемой подсистемы. Этот интерес вызван тем, что простая трансплантация институтов, доказавших эффективность за рубежом, на российскую почву без учета национальных культурных особенностей привела к катастрофическим последствиям 1990-х годов.

Еще одним важным фактором, обуславливающим интерес к культуре, становится конкурентная борьба на мировых и на внутренних (отечественных) рынках, так как в условиях глобализации и сжатого совокупного спроса успех во многом определяется знанием и учетом едва уловимых для стороннего наблюдателя культурных различий тех или иных потребителей. Менеджеры и маркетологи передовых компаний все чаще встают на позицию, высказанную еще Микеланджело Буонарроти: не пренебрегайте мелочами, ибо от них зависит красота, а красота – это уже не мелочь. Действительно, пренебрежение культурными «мелочами» чревато для современного бизнеса убытками и, в конечном итоге, банкротством.

Выделяют три основных подхода к изучению культуры: аксиологический, антропологический и информационно-семиотический [2; 14–24]. Аксиологический, или, иначе, ценностный, подход исходит из того, что культура есть воплощение высших духовных ценностей, созданных человеком. В рамках антропологического подхода признается, что культура охватывает все, что отличает жизнь человека от жизни природы. Представители информационно-семиотического подхода считают, что культура – это воплощение средств, способов и результатов человеческой деятельности, смыслов, которыми человек наполняет окружающий его мир, а также знаков (то есть предметов, выступающих в качестве носителя информации о других предметах и используемых для ее приобретения, хранения, переработки и передачи) и информационных процессов. Таким образом, культура выступает как социальная память, внегенетический механизм наследования социальной информации. Подчеркнем, что именно данный подход преобладает в экономическом знании.

В научной литературе выделяют три основных вида смыслов: знания (то, что дается познанием), ценности (то, что устанавливается с помощью оценки) и регулятивы (то, чем регулируются действия или, иначе, правила или требования, в соответствии с которыми люди строят свое поведение и деятельность). При помощи данных видов смыслов возможно построение трехмерной модели культуры, а именно – выделение трех взаимопересекающихся координатных осей: когнитивной, ценностной и регулятивной [2; 130–133]. В рамках данной координатной плоскости возникают различные конфигурации – формы культуры, которые выступают в качестве своеобразных «атомов», из которых состоит вещество, заполняющее культурное пространство (регуляторы, ценности и знания могут рассматриваться как «элементарные частицы»). Благодаря трехмерной модели культуры мы можем выделить следующие нормативные типы культуры [2; 244]:

- духовная (когнитивно-ценностная культура, направленная на получение знания и достижение духовных ценностей);

- социальная культура, или культура социальных отношений (главное содержание такой культуры – регулятивы, ценности и идеалы, образуемые регулятивной и ценностной плоскостями);
- технологическая культура, образуемая из пересечения когнитивной и регулятивной плоскостей.

Духовная и социальная культура ориентированы на ценностную ось, то есть на создание ценностей и идеалов. Технологическая, в свою очередь, концентрируется на том, что и как надо сделать, а то, ради чего это стоит сделать, – вопрос, который выходит за ее пределы. Технологические ценности – это эффективность, точность, истинность, экономичность, прочность. Технологические знания и регулятивы ценны тем, что полезны. Они выступают в качестве инструментальных ценностей и являются средствами достижения каких-либо фундаментальных ценностей, заданных духовной или социальной культурой.

Соответственно трем нормативным типам культуры возможно описание ключевых сфер человеческой деятельности: социальной, политической, духовной (культурной в узком понимании этого слова) и производственно-хозяйственной (экономической). Традиционно считается, что экономической сфере присущи лишь технологические ценности. Отсюда и стремление экономистов к созданию различных оптимизационных и равновесных моделей, отражающих с технологических позиций (например, минимум затрат, максимум прибыли, полезности, оптимальное соотношение экономических ресурсов и т. п.) экономическую деятельность людей. Однако без существования конечной системы ценностей эти модели теряют всякий смысл. Типичный пример – экономическая система России начала – середины 1990-х годов, когда в погоне за «технологическими» параметрами (количество приватизированных предприятий, уровень инфляции, масштабы конверсии оборонных предприятий, размеры бартера, ВВП, реализация «полезных» советов МВФ, Всемирного банка и т. п.) были забыты такие универсальные ценности, как качество и продолжительность жизни рядовых граждан страны, статус государства на международной арене, уважение к своим историческим корням и т. д. Как итог ежегодно наша страна теряет в численности населения республику типа Карелии, а с 1989 по 2002 год средняя продолжительность жизни россиян сократилась на 4,8 года (по продолжительности жизни мы находимся на 122-м месте, «конкурируя» за него с такими странами, как Северная Корея и Гайана). Эти цифры можно связать не только с радикальными реформами, происходящими в последние десятилетия, но и с негативным «наследством» советской эпохи – третьей и четвертая демографические волны «неродившихся» из-за человеческих потерь в годы массовых репрессий и на полях Великой Отечествен-

ной войны, ядерные испытания на Новой Земле, чернобыльская катастрофа, антиалкогольная кампания 1980-х годов. Список мрачных событий из жизни нашего народа в XX веке может быть продолжен и дальше. Однако следующие цифры являются прямым подтверждением стратегических ошибок российского руководства, которые были допущены именно в ельцинскую эпоху: на сегодня в России 4 млн бомжей, 3 млн нищих, 4 млн беспризорных детей (при этом около 1 млн детей не посещают школы, 720 тысяч – содержатся в детских домах, а 300 тысяч человек в возрасте до 16 лет считаются пропавшими без вести) [6; 101]. Если в 1990 году Советский Союз по индексу развития человеческого потенциала занимал в мировом рейтинге 26-е место, то Российская Федерация в 2007 году – лишь 67-е. Отсутствие фундаментальных критериев развития экономики приводит и к хозяйственным просчетам: износ основных средств в промышленности составляет 50–60 %, а по производительности труда российские предприятия до сих пор не могут достичь уровня 1990 года.

Ключевыми для современной экономики являются понятия «параметр», «показатель» и «критерий». Параметр – это обычная цифра, характеризующая ту или иную сторону существования экономической системы (например, величина оплаты труда на предприятии работника определенной квалификации, размер выручки предприятия, уровень безработицы в стране и т. п.). Показатель – это определенное состояние параметра. Показатели позволяют нам выстроить некую систему координат, благодаря которой можно ориентироваться в параметрах (говорить о том, много это или мало). Например, в качестве показателя могут выступать максимальное и минимальное значения функции полезности домохозяйства. И, наконец, критерий дает возможность переходить от количественной оценки к качественной (то есть говорить, хорошо это или плохо). Критерии, в конечном итоге, определяют не технологическими/техническими, а духовными или социальными ценностями. Таким образом, мы можем говорить о том, что определение конечных (а не только технологических) ценностей также входит в компетенцию экономики и тех людей, которые реализуют экономическую политику на государственном уровне. Возвращаясь к радикальным преобразованиям 1990-х годов, отметим, что в отечественной экономической системе при проведении реформ так и не были выработаны критерии, отражающих глубинные ценности россиян. Нет их и сегодня. А это, в свою очередь, ведет в тупик функционирование всей национальной экономической системы. Возьмем, например, поиск ответа на базовый экономический вопрос: какая функция общественного благосостояния наиболее приемлема для россиян (например, бентамовского, ницшеанского, роулзианского и других типов)? Ни в одном экономическом исследовании по-

следних лет ответа на этот вопрос нет, а без него мы не можем говорить о том, справедлива ли та структура распределения национального богатства, которая наблюдается сегодня в нашей стране (к примеру, хорошо или плохо то, что 500 самых богатых людей страны владеют состоянием в 715,3 млрд долларов, то есть суммой, превышающей половину годового российского бюджета?).

Первым шагом на пути изучения роли культуры в жизни экономических систем является выведение базовых дефиниций. В связи с этим дадим определение организационно-культурным отношениям. Организационно-культурные отношения – это совокупность отношений, возникающих между людьми в процессе преобразования вещества природы в элементы жизнедеятельности человека, которые наполняют эту деятельность смыслом, то есть позволяют ответить на следующие вопросы: как мы осуществляем свою хозяйственную деятельность (*знание*)? для чего (почему) мы ее реализуем (*ценности*)? правильно ли это делаем (*регулятивы*)?

Чем организационно-культурные отношения отличаются от других видов отношений (прежде всего технологических), которые возникают в процессе функционирования экономических систем? Вспомним базовые вопросы, на которые, по мнению некоторых исследователей, должна отвечать экономическая система [4; 81]: что производить? как производить? сколько производить? для кого производить? может ли экономическая система адаптироваться? По сути дела, организационно-культурные отношения задают более широкую систему координат, чем технологические отношения, так как именно при их реализации мы получаем ответ на вопрос: для чего производить? Все остальные вопросы становятся производными от данного вопроса. Например, возьмем острейшую проблему современной российской экономики – формирование фондового рынка. Если проанализировать дискуссии, которые ведутся вокруг этой проблемы, то наиболее популярными среди них выступают следующие темы: активное создание среди населения России широкой прослойки трейдеров («игроков», а по сути дела, спекулянтов) на фондовом рынке; дальнейшая интеграция отечественного фондового рынка в мировую финансовую систему, с одной стороны, и пути пресечения влияния негативных глобальных финансовых проблем на Россию – с другой (избежание проблемы глобальных «пузырей»); решение «технических» вопросов (устранение разобщенности в индексах двух крупнейших отечественных бирж – РТС и ММВБ, влияние ставки рефинансирования ЦБ РФ на котировки ценных бумаг и т. п.). Все эти темы воспринимаются принципиально иначе, если задаться вопросом о том, для чего фондовый рынок осуществляет свои услуги, то есть для чего он нужен российской экономике и обществу в целом? Если признать, что главной ценностной характеристикой

отечественного фондового рынка является создание широкого и непроемчивого класса рантье, а также ведущее место России в мировых рейтингах инвестиционной привлекательности (как конечная самоцель), то вышеописанные проблемы действительно требуют немедленного разрешения. Если же исходить из того, что главная цель фондового рынка – привлечение инвестиционных ресурсов для модернизации российской экономики, то возникает абсолютно иной спектр тем для обсуждения, касающихся эффективности отечественной финансовой системы в целом и фондовых рынков в частности.

Пространственной и временной характеристикой организационно-культурных отношений на микроуровне, то есть уровне отдельно взятого предприятия, является организационная культура. Концепция организационной культуры – классический пример междисциплинарного взаимодействия, так как именно в ее рамках экономическая наука аккумулирует последние достижения самого широкого спектра научных отраслей, начиная с антропологии и заканчивая психологией. Это способствует динамичному развитию концепции организационной культуры: любое новое открытие в гуманитарной сфере позволяет двигаться вперед и на пути изучения организационной культуры. С другой стороны, междисциплинарность приводит к путанице в дефинициях, а также противоречиям, которые возникают из-за различий в используемых научных методах. Возьмем, к примеру, одно из базовых понятий данной концепции – «корпоративная культура». Большинство социологов исходят из родового значения данного понятия – латинского *corpus*, или, иначе, закрытой, объединенной единым замыслом группы людей (кстати, точного аналога этого латинского слова в русском языке нет). Отсюда и трактовка корпоративной культуры как совокупности ценностей, которые разделяют в организации большинство ее членов. Экономисты считают, что данное понятие происходит от названия организационно-правовой формы создания бизнеса за рубежом – корпорации. С этой позиции, корпоративная культура – это организационная культура в крупных компаниях (акционерных обществах). Нет единого мнения и о том, какие же цели преследует управление организационной культурой в деловой организации. Психологи исходят из того, что конечная цель в данном случае – это психологический климат в коллективе; социологи – гармония интересов; экономисты – максимизация значений ключевых экономических показателей (прибыли, доли рынка, размеров активов, производительности труда, качества продукции и услуг). По-видимому, все эти цели выступают как равнозначные и друг друга обуславливающие: без создания соответствующего психологического климата и достижения гармонии интересов между стейкхолдерами предприятия невозможно добиться максимальных значений

экономических показателей. В свою очередь, низкие значения экономических показателей ведут к росту уровня конфликтности в коллективе, разрушению здоровой трудовой атмосферы, противостоянию интересов экономических субъектов и, наконец, как итог – гибели социального организма предприятия.

Организационная культура выполняет следующие функции на предприятии:

- адаптивная – способствует приспособлению организации к изменениям во внешней среде;
- информационная – создает, кодирует, транслирует, распознает информацию, циркулирующую внутри организации, а также между организацией и ее окружением;
- коммуникативная – формирует условия и средства общения работников организации друг с другом, а также с внешним окружением;
- интегративная – объединяет работников организации, позволяет создать систему «свой – чужой»;
- социализации – способствует усвоению работником опыта, знаний, ценностей, норм поведения, соответствующих данной организации, профессиональной группе, организационной роли.

Научная мысль создала большое количество моделей организационной культуры. Наиболее известными и популярными из них являются теоретические конструкции Э. Шайна, Г. Хофстеда, Т. Питерса, Р. Уотермена, Ф. Тромпенаарса, Ч. Ханди, Р. Куинна, Д. Денисона и др.

Однако эти модели имеют ряд недостатков, которые снижают их методологическую ценность при изучении отечественных экономических систем. Во-первых, все они созданы применительно к условиям функционирования развитых в хозяйственном отношении стран (Великобритания, США, Скандинавские страны, Германия и т. п.). По этой причине простое калькирование данных моделей на российскую почву приводит к искажению ключевых организационных параметров. Во-вторых, каждая из этих моделей освещает только какой-нибудь один из многочисленных аспектов организационной культуры (например, Г. Хофстед акцентирует внимание на национальных характеристиках, влияющих на жизнь экономических систем; Э. Шайн – на ценностях, объединяющих в рамках единой организационной культуры работников предприятия; Д. Денисон – на поиске гармонии между внутренней и внешней средой организации и т. д.). Возникают попытки создания комплексных моделей, но, как правило, подобная интеграция различных идей в области познания организационной культуры приводит к эклектике и неоправданному усложнению теоретической конструкции. В-третьих, проводя аналогию с биологическими системами, следует отметить, что ни одна из существующих моделей организационной культуры не может дать исчерпывающего ответа на вопрос: что же явля-

ется, в конечном итоге, «фенотипом» и «генотипом» организационной культуры? Другими словами, каким образом и на какой основе она строится?

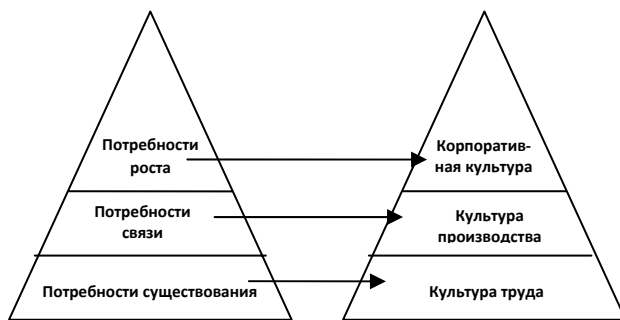
Данные недостатки могут быть устранены в случае обращения к теоретическим идеям, которые лежат в основе всего современного гуманитарного знания. Прежде всего хотелось бы сослаться на конструкцию американского социолога А. Маслоу – пирамиду иерархии человеческих потребностей [12]. Данная конструкция базируется на следующих гипотезах:

- люди постоянно испытывают какие-нибудь потребности;
- если потребность удовлетворена, то она не мотивирует человека на совершение определенных действий, а если не удовлетворена – то мотивирует;
- если одна потребность удовлетворяется, то на ее место выходит другая неудовлетворенная потребность;
- люди испытывают определенный набор сильно выраженных потребностей, которые могут быть сгруппированы по филогенетическому признаку (как возникающие по мере взросления человека) и онтогенетическому признаку (как появляющиеся по мере их реализации в качестве необходимых условий существования);
- можно выделить пять групп потребностей, находящихся в иерархической связи друг с другом: физиологические, безопасности, социальные (потребности принадлежности и причастности), престижные (потребности признания и самоутверждения) и самовыражения (творческие потребности);
- потребности, связанные с биологической природой человека, находятся в основании иерархии потребностей; чем теснее потребность связана с социальной природой человека, тем выше она располагается в пирамиде потребностей;
- потребности более высокого уровня могут быть удовлетворены большим числом способов, чем базовые (лежащие в основании пирамиды) потребности;
- для обычного человека, при прочих равных условиях, чем выше потребности находятся в иерархии, тем их меньше.

Теория А. Маслоу дала импульс к изучению потребностей человека, и все остальные научные разработки в этой области отталкиваются от нее. Как правило, развитие мотивационных теорий пошло по пути критического восприятия модели иерархии потребностей. Одним из главных объектов для критики стало обоснование количества уровней (групп) потребностей, а также то, что в реальной жизни не обязательно наблюдается ярко выраженное следование одной группы потребностей за другой (здесь становится особенно важным ситуационный контекст). По этой причине К. Альдерфером была предло-

жена модифицированная теория иерархии потребностей (теория ERG) [10]. Во-первых, вместо пяти было предложено три группы потребностей (существования, связи и роста), а во-вторых, движение в процессе удовлетворения потребностей может осуществляться как снизу вверх (аналогично теории А. Маслоу), так и сверху вниз (процесс фрустрации). Теория К. Альдерфера получила широкую популярность в экономических исследованиях.

Нам представляется, что теории иерархии потребностей и ERG могут быть использованы и при изучении организационной культуры. Действительно, организационно-культурные отношения, как и любые другие отношения, возникающие между людьми в процессе хозяйственной деятельности, несут в своей основе необходимость удовлетворения определенных потребностей. По аналогии с теориями А. Маслоу и К. Альдерфера мы можем представить данные потребности в виде пирамидальной модели (см. рисунок).

Соотношение модели ERG и уровневой модели организационной культуры

По нашему мнению, в рамках предложенной модели организационной культуры могут выделяться следующие уровни: культура труда, культура производства (технологическая культура) и корпоративная культура.

Культура труда выступает как основа существования всей культуры организации. Под ней можно понимать восприятие труда, его места и роли в жизни человека, а также место и роль самого человека в процессе труда с ценностных позиций. Например, в средневековой Европе существовало пренебрежительное отношение к труду: труд воспринимался как Божья кара и наказание за первородный грех. Поэтому считалось, что трудиться унизительно, а сам труд – это удел черни (социальных низов). Принципиально другая позиция по отношению к труду возникает в рамках протестантизма. Здесь труд выступает как мерило успешности жизни человека не только с земных, но и, прежде всего, с божественных позиций. Показательна эволюция отношения к труду в рамках истории России. Крепостное право на многие века сформиро-

вало своеобразную культуру труда русского человека, основанную на безответственности, «авральщине», «шапкозакидательстве» и низкой бытовой культуре. Многие отрицательные явления, характерные для дореволюционной эпохи, не только не были искоренены, но даже усилились в эпоху становления и развития Советского государства: неорганизованность, халатность, безответственность, непрофессионализм – вот типичные характеристики советских рабочих, так как труд во многом оставался несвободным. Не случайно народ расшифровывал ВКП(б) как «второе крепостное право (большевиков)» [7; 44].

Сегодня, говоря о проблематике культуры труда, мы должны анализировать, прежде всего, организацию труда на самом предприятии. Если организация труда соответствует лучшим образцам, имеющимся в мировой практике, это означает высокую культуру, а если не соответствует, – низкую [2; 283]. К необходимым признакам высокой культуры труда в настоящее время относят способствующую этому обстановку: эффективную систему материального и морального стимулирования работников, поощрение их инициативы, рациональную организацию рабочих мест и их обслуживания, создание нормальных условий труда, использование наиболее передовых приемов и методов труда, подбора, подготовки и обучения работников. Отсутствие же таких признаков расценивается как недостаток культуры труда на предприятии. Необходимо учитывать и техническую сторону вопроса, а именно рационализацию, механизацию, автоматизацию, роботизацию и компьютеризацию производства.

Принципиально важно изучение соотношения культуры труда и культуры отдыха, так как это взаимодополняющие друг друга понятия: грамотно организованный труд позволяет размещать резервы времени на дела, имеющие собственную культурный характер, а чем выше общая культура работников, тем выше и производительность труда. Верно и обратное. Низкая общая культура работников способствует снижению производительности труда и культуры труда в целом. К сожалению, именно последний процесс мы можем наблюдать сегодня в Российской Федерации. Из-за капиталистической «рационализации» культуры большинство населения нашей страны оказались отрезанными от культуры: исчезло более 40000 драматических театров, хоровых и хореографических коллективов, закрылись десятки тысяч муниципальных и заводских домов культуры, исчезли дома пионеров, а доля финансирования культуры из бюджета находится на уровне ниже 1 % (в европейских странах в среднем – 5 %) [3; 6]. Крайне низкой стала бытовая культура россиян, что также негативно влияет на культуру труда. По результатам исследования ВЦИОМ, не менее 80 % работников отечественных предприятий имеют деградированное трудовое сознание. Из 60 млн трудо-

способного населения примерно одна треть (20 млн человек) – хронические алкоголики (по данным официальной статистики – около 3,5 млн человек), 4 млн человек – наркоманы (по данным официальной статистики – 870 тысяч), 978 тысяч человек – психически больные, 1 млн – заключенные. Плохие условия труда, экологические проблемы, а также неправильный образ жизни приводят к снижению качества «человеческого» материала: в России только официально зарегистрировано более 12 млн инвалидов, коэффициент частоты производственного травматизма со смертельным исходом в 2–2,5 раза превышает аналогичные показатели в США и странах Евросоюза. По экспертным данным, в нашей стране по причинам, связанным с производством, ежегодно умирают более 180 тысяч человек. Потери рабочего времени от несчастных случаев на производстве в 2006 году составили 2,3 млн человекодней.

Следующий уровень модели организационной культуры – культура производства, под которой понимается сознательное и творческое применение руководящими, инженерно-техническими работниками и рабочими наиболее рациональных в конкретных условиях места и времени способов организации производственного процесса, обеспечивающих ритмичную работу всех производственных звеньев и предприятия в целом, повышение эффективности труда и производства и высокое качество продукции [7; 24]. Культура производства отталкивается от культуры труда, но при этом выступает как более конкретное явление, непосредственно связанное с технологическими особенностями конкретного предприятия или конкретной профессиональной группы работников. Например, свою специфическую культуру имеют агротехнические, деревообрабатывающие, станкостроительные, текстильные и другие производства. Можно говорить о различиях в культуре производственной деятельности между бухгалтерами, строителями, шоферами, журналистами, учеными, врачами и т. д. Каждая из этих субкультур имеет свой профессиональный сленг, методы и приемы осуществления процесса трудовой деятельности. В отличие от культуры труда, культура производства призвана обеспечить удовлетворение таких потребностей работников, как принадлежность к какой-либо профессиональной группе или отрасли народного хозяйства, причастность к созданию какой-нибудь продукции или услуги (например, можно часто услышать от работников разных профессий такие высказывания: «Мы – нефтяники!», «Мы – врачи!» и т. д.), признание профессиональных заслуг человека (например, заслуженный врач Россий-

ской Федерации, народный артист СССР, заслуженный учитель Республики Карелия и т. д.).

Третий уровень организационной культуры мы обозначим как корпоративная культура. Мы уже отмечали множественность значений этого понятия. В контексте предлагаемой уровневой модели организационной культуры под ним будет пониматься, прежде всего, культура доверительных отношений, которая возникает между работниками предприятия. Именно в атмосфере доверия человек может удовлетворить свои потребности в конструктивном общении с коллегами по работе, раскрытии своего творческого потенциала, самореализации. Первые исследования роли доверия в жизни современных организаций принадлежат психологии и социологии, где под доверием понимают открытые, положительные взаимоотношения между людьми, содержащие уверенность в порядочности и доброжелательности другого человека, с которым доверяющий находится в тех или иных отношениях. Сегодня многими отечественными учеными отмечается, что экономическое возрождение России невозможно без формирования духовных ценностей и нравственных норм, базирующихся на доверии. Отмечается, что доверие – это важнейший аспект духовно-нравственного климата нашего общества [1; 56]. С прикладных позиций доверие возникает тогда, когда соблюдаются следующие этические нормы ведения бизнеса [9; 112]:

- порядочность (репутация честного и верного своему слову человека);
- профессиональная компетентность (обладание специальными знаниями и навыками межличностного общения, необходимыми для выполнения обязательств);
- принципиальность;
- лояльность (доброжелательность или готовность защитить, поддержать и подбодрить других);
- открытость (психологическая доступность или готовность свободно делиться с другими идеями и информацией);
- целеустремленность;
- чувство собственного достоинства;
- справедливость;
- толерантность.

Именно эти этические нормы можно рассматривать как элементарные характеристики корпоративной культуры с позиции реализации фактора доверия в бизнесе.

Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, номер гранта 07-02-42202а/С.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богомолов О. Нравственный фактор социально-экономического прогресса // Вопросы экономики. 2007. № 11. С. 56.
2. Кармин А. С., Новикова Е. С. Культурология. СПб.: Питер, 2007. 464 с.

3. Костиков В. А. вдруг пригодится... Предвзвещения и суеверия теснят истинную веру // Аргументы и факты. 2008. № 31. С. 6.
4. Макконелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика: Пер. с англ.; В 2 т. М.: Республика, 1992. Т. 1. 399 с.
5. Осовский С. Нейронные сети для обработки информации: Пер. с польского. М.: Финансы и статистика, 2004. 343 с.
6. Синявин В. Ю., Дасаева Ю. А. Прогнозирование национальной безопасности России. Проблемы и перспективы развития экономического и управленческого потенциала России в XXI веке: Сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2008. С. 96–107.
7. Супоничкая И. М. Успех и удача: отношение к труду в американском и российском обществе // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 44.
8. Уманский А. М. Культура труда на производстве. Киев: Политиздат Украины, 1984. 112 с.
9. Шихирев П. Н. Этические принципы ведения дел в России. М.: Финансы и статистика, 1999. 248 с.
10. Alderfer C. P. Existence, Relatedness and Growth: Human Needs in Organizational Settings. N.Y.: The Free Press, 1972. 198 p.
11. Hayami Y. Development Economics: From the Poverty to Wealth of Nations. Oxford: Oxford University Press, 1997. 244 p.
12. Maslov A. N. Motivation and Personality. N. Y.: Harper and Row, 1970. 411 p.

УДК 37. 015

ЕКАТЕРИНА МАТВЕЕВНА КОЛОСОВА

кандидат педагогических наук, доцент, директор Музея истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
museum@herzen.spb.ru

Рец. на кн.: Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века / О. П. Илюха. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2007. – 304 с.

Среди публикаций, относящихся к социальной истории, истории образования России, исторической антропологии и этнопедагогике, наше внимание привлекла книга Ольги Павловны Илюха «Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века». Хотя многие аспекты этой темы в той или иной мере уже раскрыты в работах других исследователей, впервые она осмысливается комплексно, монографически, подчеркивая тем самым значимость изучения проблем детства в контексте истории и актуальность совершенствования современного российского образования. На фоне характерных для того времени политических, экономических и социально-культурных процессов автору удалось исследовать два общественных института – семью и школу. Семья рассматривается как носительница традиции, а школа – как проводник новаций и канал модернизации деревни. Акцентируется внимание на специфике Карелии как зоны влияния русской и финской культур, анализируется воздействие «финского фактора» на развитие системы образования в крае.

В процессе работы над книгой автором был использован большой массив источников. Прежде всего, это многочисленные документы Российского государственного исторического архива (ф. 91 и 733), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ф. 139), 20 фондов Национального архива Республики

Карелии, Государственного архива Архангельской области (ф. 28, 61), Архива Российского этнографического музея Санкт-Петербурга (ф. 7), фонограмм архива ИЯЛИ КарНЦ РАН, Национального архива Финляндии (ККК) и другие, в том числе косвенные источники (например, фольклор, воспоминания). Кроме того, в работе использовано значительное количество опубликованных материалов, труды отечественных и зарубежных исследователей, которые приведены в обширном списке литературы. Книга иллюстрирована качественными и интересными фотоматериалами, рисунками, таблицами, схемами.

Автор рассматривает проблемы детства и влияния школы на его содержание, на жизнь крестьянской семьи и деревни, показывает изменения, которые происходили в той социокультурной среде, где осуществлялась передача культурных норм и представлений. Проблема раскрыта на основательной теоретической базе, в контексте теории модернизации, пространственный аспект которой определяется расположением Карелии в сфере влияния русской (восточной) и финской (западной) культур, православия и лютеранства, кириллицы и латиницы. Административная разобщенность Карелии, влияние соседних культур и народов определили ее «многоликость», разнообразие этнокультурных вариаций локального уровня, особенности положения учреждений образования и роль учи-

теля. Автор показывает, как, с одной стороны, конкретное сообщество с ярко выраженной этнокультурной спецификой, особенностями менталитета реагировало на появление школы, а с другой – какие формы адаптации к требованиям локального сообщества находила школа, каково было значение учета и использования местных традиций, этнопсихологических особенностей для успеха ее деятельности.

Одним из достоинств книги является ее удачная структура, в которой выделяются две главные сюжетные линии. Первая связана с характеристикой особенностей карельской деревни, крестьянской семьи и положением в ней детей в конце XIX – начале XX века. С раннего детства в семье формировалась картина мирования ребенка. О. П. Илюха дает характеристику особенностей социально-экономического и этнокультурного развития карельской деревни в так называемое позднетрадиционное время. Она раскрывает факторы, которые обеспечивали этнокультурную, в том числе языковую, преемственность поколений и устойчивость этнического самосознания карелов: компактное расселение в пределах «своей» этнической территории, патриархальность народного быта. Жизненную мудрость народ передавал из поколения в поколение через устную традицию, включавшую эпические песни. Автор показывает характерные черты общественного быта карелов, их жизненного устройства, в которых отразились особенности менталитета населения. При этом выделяет как базовую составляющую этнической культуры карельское православие и распространение старообрядчества (считая его серьезным препятствием на пути модернизации деревни).

Раскрывая демографические и социокультурные характеристики карельской семьи, автор рассматривает положение в ней женщины. Характерно, что на протяжении исследуемого периода представительницы слабого пола обладали высоким авторитетом и даже определенной властью в семье, что имело глубокие исторические корни. Родительская семья давала детям те ориентиры, руководствуясь которыми ребенок строил в дальнейшем собственную жизнь и, повзрослев, формировал свой семейный быт.

Очень удачным, на наш взгляд, получился раздел первой главы, посвященный детям в карельской семье и за ее пределами. Картина детства рассматривается в полном возрастном диапазоне. Автор приводит интересные варианты возрастной терминологии, народной лексики, отражающей не только богатство карельского языка, но и демонстрирующей то внимание, с которым относились к ребенку, детально представляли и учитывали стадии его физического развития (с. 43). Приводятся любопытные примеры ухода за детьми, описываются традиционные обрядовые практики и магические действия. Через созданные народом идеальные фольклорные образы детям передавались представления

о тех ценностных свойствах личности, на развитие которых и было направлено воспитание в крестьянской семье.

Повседневная практика семейного воспитания анализируется в разделе 2.2. Здесь широко привлечен фольклорный материал, включая колыбельные и эпические песни, рассматривается педагогическое значение загадок, игр, рифмованных песен, отражающих местные события и факты, раскрывается значение в жизни ребенка некоторых культовых и семейных праздников. Детство в традиционной карельской семье осмысливалось как счастливый период, но из-за ряда причин, которые рассматривает автор, этот период был короток. Уже к семилетнему возрасту отношение к ребенку менялось. На протяжении всей жизни взаимоотношения детей и родителей регламентировались целым рядом табу, определявших коммуникативную культуру семьи. Регулятором семейных отношений и исполнителем функции контроля над процессом воспитания выступало сельское общество, крестьянский мир. Автор рассказывает о взаимоотношениях и взаимодействии семьи с крестьянской общиной.

О. П. Илюха на локальном этнокультурном материале показала, как в кругу семьи формируется личность, осуществляется процесс культуроусвоения, обеспечивавший и преемственность, и поступательность в историческом развитии культуры. Автору удалось разнопланово проанализировать эти процессы на примере жизни карельской крестьянской семьи. Одной из особенностей воспитания детей являлось приучение с раннего возраста к труду и мудрости хозяйствования. Однако, как отмечает автор, бедность и ранняя трудовая деятельность служили теми факторами, которые обусловили появление и развитие многих негативных явлений, девиаций и препятствовали получению образования.

Вторая сюжетная линия связана со школой, ее ролью в жизни детей, семьи и деревни. На рубеже веков в карельской деревне складывалась новая модель социализации подрастающих поколений, через развитие системы образования в ней усиливался государственный сегмент. Автор подчеркивает, что карельская школа, выполняя «государственный заказ», вместе с тем имела ряд особенностей: поскольку обучение велось на неродном для детей языке, были откорректированы программы и продолжительность курса обучения, применялись специальные дидактические методы, велась активная миссионерская работа. В школах вводилось обучение ремеслам с целью дать альтернативу превращению детей в дешевую рабочую силу на стороне. На повседневную жизнь ученика и формирование его личности оказывала влияние и внутренняя атмосфера учебного заведения, и учителя, которые были вынуждены учитывать особенности коммуникативной культуры карельской семьи, менталитет местного населения. На первом этапе

исследуемого периода, как пишет автор, учеба была событием, нарушавшим привычный ход вещей, она не вписывалась в жизненный уклад крестьян, а потому население относилось к школе настороженно. Постепенно усилия школы, направленные на привитие общекультурных поведенческих навыков, стали вызывать уважение. При учебных заведениях организовывались праздники, народные чтения, открывались библиотеки, читальни, что привлекало население. Со временем школа стала для крестьянина средством преодоления социально неблагоприятной стартовой ситуации, в ней все чаще видели способ улучшения жизни детей.

«Школа формировала у детей модернизированную, официальную (общенациональную) картину мира, отличную от традиционной, транслировавшейся от поколения к поколению в семье, и тем самым готовила крестьян к переходу от традиционной к индустриальной культуре» (с. 284). Этот вывод автор делает, проанализировав не только разнообразные статистические сведения (данные по распределению учащихся по школам и их численности, количеству учащихся по возрастным группам, их успеваемости (с. 138, 139, 141)), но и разноплановые источники, позволившие раскрыть задачи, характер и содержание обучения в школе, показать различные аспекты организации школьной жизни и просветительской деятельности школы.

Через детей и подростков шла эволюция и трансформация народной культуры и жизни. Автор считает, что роль школы в этом процессе нельзя оценивать однозначно, так как ее модернизирующий эффект усиливал разрыв между поколениями и вносил некоторую несогласованность в сложившуюся преемственность традиционного жизненного опыта. Таким образом, появление школы способствовало «расшатыванию» патриархального уклада карельской деревни, семья и община стали терять прежнюю монополию в воспитании детей и молодежи. Вместе с тем через школу дети национальных окраин, опосредованно становясь объектом политической социализации, ощущали себя жителями, подданными, гражданами общего Отечества.

Автор убедительно показывает, как через систему образования решалась государственная задача укрепления православной традиции и обучения русскому языку с целью интеграции карельского этноса в российское общество. При этом в сферу исследовательского интереса вошли разные регионы (Архангельская и Олонецкая Карелия), что позволило раскрыть локальные модели управления школьным делом и показать разные результаты решения одних и тех же проблем.

Применительно к ситуации в Карелии О. П. Илюха обозначила те социальные и культурные сдвиги и трансформации, которые способствовали созданию у молодежи иллюзорного представления о собственном превосходстве над старшими и привели в конечном итоге к резкому разлому между поколениями. Данное социально-культурное проявление ярко обозначилось в 1917 году и в советское время.

Подводя итоги исследования, автор делает убедительный и важный вывод о том, что народная школа была во многих отношениях инновационным явлением социальной действительности и представляла собой (хотя иногда и дающую сбои) модель модернизации с учетом традиции. Модернизационный потенциал российской школы был реализован лишь в незначительной мере в силу того, что правительство по-прежнему с опасением занималось образованием населения. В результате процесс «модернизации» человека шел в отрыве от реформирования государственных институтов, обрекая страну лишь на изменение внешних форм государственности.

Одним из достоинств работы является выраженный личностный интерес автора к поиску ответов на вопросы, которые сформулированы в начале книги. Отсюда – широкое использование разноплановых, разнообразных источников, расширение понятийного аппарата исторического исследования за счет смежных наук с целью раскрытия внутренних механизмов исторического процесса в рамках избранной для исследования темы. Книга легко читается и, безусловно, будет интересна не только историкам, этнографам, антропологам и другим специалистам, но и всякому любознательному читателю.

УДК 811.161.1

ЗАМИР КУРБАНОВИЧ ТАРЛАНОВ

доктор филологических наук, профессор, заведующий
кафедрой русского языка ПетрГУ
museum@ Herzen.spb.ru

Рец. на кн.: Бурмистрович Ю. Я. Важнейшие концепции современной русистики: Учебное пособие / Ю. Я. Бурмистрович. – Абакан, 2008. – 209 с.; Ломов А. М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка / А. М. Ломов. – М.: Восток – Запад, 2007. – 416 с.

Создание и издание новой учебной литературы для студентов – это всегда одна из важных задач системы университетского образования. Это тем более справедливо применительно к современному чрезвычайно противоречивому периоду в истории нашей страны, когда творческая работа и сам процесс совершенствования университетского образования объективно оказались отодвинутыми в сторону. Отрадно отметить, что вопреки всему добрые традиции в жизни высшей школы не прерываются.

Именно в этом направлении весьма показательны учебные пособия, упомянутые в названии рецензии и выполненные соответственно профессором Хакасского государственного университета Ю. Я. Бурмистровичем и профессором Воронежского государственного университета А. М. Ломовым.

При всех разделяющих их кардинальных различиях, обусловленных предметом анализа в них, их объединяют две существенные особенности, неотделимые от традиций российского университетского образования, а именно: 1) их основательность и 2) их ориентированность на обобщение как можно большего количества специальной литературы, которая в той или иной степени может быть использована в университетской подготовке филологов.

Аналитический и обобщающий подходы к существующей и вновь издаваемой специальной и серьезной литературе особенно востребо-

ванными стали в связи с активным использованием студенчеством возможностей Интернета, который не только не дает аналитических оценок предлагаемой информации, но в принципе лишен необходимой предметно ориентированной научно-методологической селекции.

Каждое из названных учебных пособий посвоему, в разной степени полно и оригинально решает собственные задачи.

Принципиально важной в учебном пособии Ю. Я. Бурмистровича представляется в первую очередь сама идея, сформулированная в названии, – дать содержательный обзор *новых существенных концепций современной русистики* как единой, но разновекторной науки.

Отрасли русистики в основном обобщаются по языковым уровням в соответствии с конституирующими их единицами – фонемой, морфемой, словом и предложением, осмысляемыми в синхронном и диахроническом аспектах. Реальных же разделов русистики получается, однако, гораздо больше, поскольку автор выделяет среди них также такие ее составные части, которые изучают феномены, не совпадающие с общепринятыми единицами языка, как, например, грамемы, синтаксемы, фраземы и т. д.

Главное, кратко, но вполне содержательно излагается то концептуально новое, чем характеризуется современная русистика в качестве

высокоразвитой науки и типа филологической культуры. При этом обозреваемая специальная литература отобрана не по административно-географическому принципу, как это обычно бывает, а по ее значимости, научно-концептуальной и эвристической новизне и привлекательности.

Пособие построено как учебный комплекс и включает в себя все необходимые для студента составляющие – программу курса (с. 5–6), рекомендуемую литературу по разделам (с. 6–11), теорию и проблематику современной русистики по разным ее отраслям (с. 12–187) и практическую часть – вопросы и упражнения для самопроверки (с. 188–210).

В каждом разделе выделены нерешенные либо противоречиво решаемые центральные и периферийные проблемы, существующие варианты их решения и, наконец, новые их решения, содержащиеся в обозреваемой литературе. Во всех случаях не упускаются из поля внимания точные параметры обсуждаемой языковой единицы и языкового явления.

Иногда комментарии слишком лаконичны, иногда более развернуты, например при освещении вопросов фонологии, морфемики, теории номинации и фразеомообразования, но в любом случае полезны и интересны.

Вопросы и задания для практических занятий и самопроверки соотнесены с теоретической частью пособия и нацелены на активизацию, углубление и расширение профессиональной культуры и познавательной деятельности студентов.

В плане развития профессиональной и этической культуры студентов вполне уместным представляется и то, что авторы обозреваемой научной литературы представляются не по одним фамилиям с инициалами, но и по их именам и отчествам.

К числу технических недостатков в целом хорошо продуманного учебного пособия я бы отнес, в частности, очевидный перевес фонологического его раздела, в особенности в его исторической части. Он же и слишком сложен для восприятия, к тому же в ряде случаев излишне умозрителен. Терминологически усложненными предстают и названия разделов русистики.

Едва ли оправданно и то, что в учебном пособии по русистике вообще не оговаривается ее собственно филологическая (литературоведческая) составляющая. Речь идет не о том, что сама эта литературоведческая часть должна была быть освещена в рецензируемом пособии в какой бы то ни было форме, но о том, что русистика как разветвленный комплекс наук не исчерпывается собственно лингвистическими и паралингвистическими науками. Она по определению включает в себя и науки о литературе, о художественной речи. Это необходимо было оговорить, коль скоро учебное пособие ставило перед собой тот объем задач, который соответствовал бы его названию.

В целом учебное пособие Ю. Я. Бурмистровича – это весьма полезная для студентов и оригинально задуманная работа, по типу которой, на мой взгляд, успешно можно читать соответст-

вующий спецкурс для старших студентов, получающих квалификацию специалиста или магистра в области русской филологии.

Совершенно иного плана учебное пособие А. М. Ломова. Это словарь-справочник со всеми вытекающими отсюда последствиями, к тому же ограниченный рамками синтаксиса современного русского языка. По замыслу автора, он предназначен не только для студентов-филологов, вузовских и школьных преподавателей, но и для «широкого круга лиц, интересующихся проблемами научного осмысления родного языка».

Словарь-справочник включает в себя более 900 словарных статей, в которых последовательно, систематизированно, аналитически подаются основной понятийный аппарат и терминологический фонд современного русского синтаксиса в его наиболее распространенных вариантах.

Словарные статьи, как и следовало ожидать, неравноценны по объему. Некоторые из них состоят из нескольких слов (см., например, статьи «Восклицание» – с. 46; «Сверхфразовое единство» – с. 288 и др.), другие представляют собой целые развернутые очерки, к тому же не лишённые и элементов полемики (см., например, статьи «Безлично-инфинитивное (функтивное) предложение» – с. 23–26; «Бессоюзное сложное предложение» – с. 27–30; «Номинативное (назывное) предложение» – с. 160–166; «Связка» – с. 289–293; «Синсемантическое (синсемантическое) придаточное предложение» – с. 300–304; и т. д.).

Проектирование и создание подобного типа словарей – дело трудное и во многом неблагодарное именно потому, что слишком разнородны как научный материал, подлежащий «укладыванию» в словарь, так и соответствующие концептуальные подходы, полученные на их основе конкретные результаты, которые существенно разнятся между собой.

Автор вполне отдаёт себе отчет в этом, хотя, кажется, несколько преувеличивает место импрессионистического начала в науке. Если согласиться с его сравнением науки с «образцом находящейся в разгаре стройки, которая к тому же ведется без заранее составленного проекта» (с. 3), то вопрос о науке вообще отпадает, не говоря о ее «импозантности». Как быть в таком случае с научной методологией, неизменно предполагаемой научной концептуальной базой, без которых никакая серьезная наука, куда относится и языкознание, невозможна? Ведь факт присутствия в серьезных синтаксических работах такой методологии, концептуальной базы не требует доказательств – он очевиден. Ярчайшие тому подтверждения – блистательные и полнейшие по охвату языкового материала синхронно-синтаксические исследования современного русского языка, выполненные А. А. Шахматовым и А. М. Пешковским, а вслед за ними с учетом теоретических установок В. В. Виноградова – и в «Грамматике русского языка» АН СССР 1960 года. Это базовые работы, заслуженно определяющие облик русской науки XX века о синтаксисе современного русского языка. Положе-

ния, тезисы, многие гипотезы, высказанные в этих работах, результативно питали действительно массовую науку о современном русском синтаксисе на протяжении целого столетия. При таком положении дел едва ли правомерно сравнивать синтаксическую науку с какой-то затяжной стройкой, выполняемой бессистемно и вслепую («без проекта»). Такая оценка не может не быть предвзятой и слишком субъективной.

К сожалению, именно об этом свидетельствуют многие статьи «Словаря-справочника», в которых собственно научные синтаксические толкования, составляющие суть серьезной общепризнанной специальной литературы, не отграничиваются от тривиальных и неудачных переименований, квалифицируемых его автором как предпочтительные. Так, в статье «Односоставное предметное предложение» утверждается, что это сравнительно недавно введенный новый термин для обозначения номинативного предложения, который объявляется «более предпочтительным», поскольку он не содержит отсылки на латинское название именительного падежа и не «противоречит тому факту, что именительный падеж существительного при отрицании последовательно заменяется родительным: *За домом было озеро – За домом не было озера; У меня есть такая возможность – У меня нет такой возможности*». Но парадокс состоит в том, что приведенные иллюстрации не имеют никакого отношения к номинативным предложениям. Что же касается внутренней формы слова *номинативное*, в которой автор, по-видимому, усматривает нежелательный морфологизм, то тот же морфологизм проглядывает и в слове *предметное*, соотношенном со словом того же латинского *substantivum*, с той только существенной разницей, что в языке, в котором нет номинатива, не может быть и номинативного предложения. И в принципе логически неверно противопоставлять формальную односоставность содержательной односоставности, ибо синтаксис имеет дело исключительно с формальной односоставностью (см. с. 208). Аналогично обстоит дело и с терминологическими выражениями «односоставное признаковое предложение» и «односоставное процессное предложение» вместо органичного для них общего единого термина «безличное предложение» (с. 209–211). Дело в том, что безличное предложение – это результат исторического свертывания прежних синтаксических реалий: сфера безличного предложения начинается там, где прежние связи перестают существовать. Поэтому классификации современных безличных предложений не могут строиться на реконструированных формах.

Или еще: «Инфинитивное (дебитивное) предложение» характеризуется как «тип содержательно односоставных предложений» (с. 115), что в корне неверно, поскольку в них как раз содержательно присутствуют оба состава, о чем свидетельствует вся русская лингвистическая литература с 60-х годов XIX века и XX века.

Именно содержательно инфинитивное предложение всегда двусоставно, поскольку в нем действие инфинитива обязательно соотносится с дательным падежом субъекта. Модальное значение необходимости инфинитивного предложения было установлено не К. А. Тимофеевым «еще полстолетия назад», а многими русскими исследователями еще сто лет назад.

В том же плане характерно и чрезвычайно путаное толкование «безлично-инфинитивного (функционального) предложения» (с. 23–26): «Тип содержательно односоставных предложений, констатирующих существование / несуществование реалий, для экспликации которых язык прибегает к косвенной номинации, квалифицируя эти реалии не путем отсылки к тому или иному частеречному значению (как это наблюдается в основной массе односоставных предложений), а путем указания на выполняемую ими функцию: *У них есть с кем посоветоваться; Отцу было о чем рассказать*».

Выделение отдельного, так называемого функционального предложения неоправданно уже потому, что нефункцивных, то есть лишенных функций, предложений не бывает в принципе. Что же касается его истории, то вряд ли имело смысл импровизировать ее: она подробно и доказательно воссоздана А. А. Потебней в его знаменитом труде «Из записок по русской грамматике».

Некоторые синтаксические понятия в «Словаре-справочнике» едва ли выходят за рамки метаязыковых окказионализмов, ср., напр., *обратное согласование* (с. 183). Если согласование – это формально-грамматическое уподобление одного слова другому, то обратное согласование должно бы означать нечто противоположное, но в действительности речь идет о случаях типа *Это была кошка*, в которых ничего «обратного» нет. Такими же окказионализмами-плеоназмами являются и сочетания «прямое согласование», «рассогласованное высказывание» (с. 284), «непредикативная связь», «непредикативное словосочетание», «непредикативные отношения», «непрямое дополнение», «несвободное сложное предложение» и др.

В целом «Словарь-справочник» не столько констатирует, отстраненно систематизирует понятийно-терминологическую базу современного русского синтаксиса, как это принято в словарной практике, сколько заинтересованно оценивает ее, включая и те ее разновидности, которые не всегда являются узально утвердившимися. Тем самым он явственно тяготеет к жанру руководства по синтаксическому терминопотреблению.

Замечания-рассуждения по «Словарю-справочнику» можно было бы продолжить, что является, на мой взгляд, лучшим подтверждением его востребованности и полезности.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательских проектов РГНФ – проект № 06-04-00024а («Взаимодействие грамматики и стилистики в развитии русского синтаксиса XI–XX вв.»).

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«БУБРИХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

23–24 октября 2008 года
Петрозаводский государственный университет

Факультет прибалтийско-финской филологии ПетрГУ проводит традиционную международную научную конференцию «Бубриховские чтения» (Вопросы лексикологии и лексикографии прибалтийско-финских языков), посвященную памяти замечательного исследователя, лексикографа и педагога М. Э. Куусинена.

В рамках конференции предполагается работа двух секций: лингвистической и культурологической. Материалы конференции будут опубликованы.

Оргкомитет конференции:

Петрозаводский государственный университет
Факультет прибалтийско-финской филологии

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Тел.: (8142) 57-13-41, 57-24-08
E-mail: finsdep@psu.karelia.ru, pzaikov@psu.karelia.ru

ПЕРВЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ «ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ»

13–14 ноября 2008 года
Институт экономики Карельского научного центра РАН

Цель форума – интеграция молодых ученых и специалистов, аспирантов и предпринимателей в области исследования и повышения роли инноваций в экономическом развитии страны, регионов и корпораций. Форум проводится при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, участия Министерства экономического развития РК и Государственного комитета РК по делам молодежи, МЦСЭИ «Леонтьевский центр» (г. Санкт-Петербург), Карельского филиала Северо-Западной академии государственной службы при Президенте РФ, Петрозаводского государственного университета, Карельского государственного педагогического университета.

Участники форума – студенты вузов, аспиранты, молодые ученые и специалисты, предприниматели и все заинтересованные лица в возрасте до 35 лет.

Тематика форума:

- развитие теории инноваций
- инновации и экономический рост: вопросы теории и практики
- инновационное развитие: анализируя мировой опыт
- роль инноваций в региональной экономике
- российская экономика: перспективы инновационного развития
- инновационные сценарии социально-экономического развития российских регионов
- государственная политика поддержки инноваций
- формирование региональных инновационных систем
- инновационные стратегии корпораций
- вопросы инновационного менеджмента
- российский бизнес: инновации и конкурентоспособность
- развитие малого инновационного предпринимательства

Контактная информация оргкомитета форума:

Институт экономики КарНЦ РАН
Председатель оргкомитета, ученый секретарь ИЭ КарНЦ РАН
Жирнель Евгений Викторович

185030, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50.
E-mail: forum_insteco@inbox.ru

Телефон: (8142) 57-22-10
Факс: (8142) 57-22-10 (доб. 102)

ХРОНИКА

■ с 16 по 18 июня 2008 года в Петрозаводском государственном университете прошла VI международная конференция «Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков».

Международные конференции «Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр» проводятся в Петрозаводском государственном университете с интервалом в три года с 1993 года. Организаторы этого научного мероприятия в свое время предложили отечественным и зарубежным ученым с целью разработки современной концепции истории русской литературы обсудить ряд проблем: «христианство и русская литература», «православие и категории русской культуры», «евангельские традиции в русской поэзии и прозе», «русский Христос: национальный образ Спасителя в русском искусстве и литературе», «русские писатели и Евангелие», «эстетическое христианство в русской литературе рубежа веков», «европейские споры о Христе и их русские отражения», «модернизм, христианство и антихристианство в русской литературе», «христианская символика в русской литературе: символы имени, места и времени», «рождественские и пасхальные рассказы», «евангельские жанры русской литературы: притча, молитва, житие» и др.

Пять предыдущих конференций (1993, 1996, 1999, 2002, 2005 гг.) вызвали большой научный резонанс в отечественном литературоведении и мировой славистике. По итогам их работы изданы сборники научных статей «Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр» (1994, 1998, 2001, 2004, 2008 гг.). К программе конференции проявили значительный интерес ученые России (Москвы, Санкт-Петербурга, Новгорода, Тулы, Саратова, Ульяновска, Перми, Томска, Новосибирска и др.), зарубежные исследователи (США, Великобритании, Норвегии, Франции, Финляндии, Швеции, Новой Зеландии, Японии, Бразилии и др.). Одним из свидетельств внимания, проявленного к тематике конференций, результатам их работы, явилась статья известного русиста Виктора Терраса, посвященная деятельности петрозаводской школы изучения истории отечественной словесности (Terras, Victor. *A Christian Revolution in Russian Literary Criticism // Slavic and East European Journal*. Vol. 46. № 4. 2002).

На участие в шестой конференции прислали заявки 97 человек, 56 из них смогли выступить с докладами. Россия была представлена пятнадцатью городами (Москва, Екатеринбург, Петрозаводск, Рязань, Орел, Ульяновск, Красноярск,

Кемерово, Великий Новгород, Вологда, Калининград, Санкт-Петербург, Шуя, Ростов-на-Дону, Йошкар-Ола). В конференции также приняли участие семь зарубежных исследователей из Хельсинки, Ювяскюля (Финляндия), Подгорицы (Черногория) и Симферополя (Украина).

Проблемы, вынесенные на обсуждение, заинтересовали как известных ученых, так и научную молодежь: двадцать участников конференции не достигли тридцатипятилетнего возраста, пятеро из них учатся в аспирантуре, а трое – студенты.

Общее направление работы конференции было задано выступлениями И. А. Есаулова и В. Н. Захарова (оба из Москвы). В докладе И. А. Есаулова «Евангельский текст в русской культуре и современная наука» говорилось о необходимости выработки понятий и подходов, которые соответствовали бы объекту изучения – русской литературе. Представление о том, что существует «единая» методика, используемая для анализа самых различных явлений, нуждается в существенной корректировке. Докладчик говорил о различных подходах в современных гуманитарных дисциплинах (например, в этнографии, этнопсихологии и кросс-культурной психологии). Выявляются два типа подходов: как к внешнему предмету (объяснение) и как к объекту, требующему внутреннего понимания. К сказанному можно было бы добавить, что на существование двух типов наук, двух видов знания указывали еще славянофилы (Хомяков, Киреевский) и затем представители баденской школы неокантианства (Виндельбанд, Риккерт). Указанные обстоятельства необходимо принимать во внимание при разработке вопросов истории и этнопоэтики русской литературы, чем занимаются литературоведы Петрозаводского университета и заинтересованные данной проблематикой участники проводимых здесь конференций.

Доклад В. Н. Захарова «"Вечное Евангелие" в художественных хронотопах русской словесности» на множестве примеров продемонстрировал большое ценностно-смысловое значение евангельского, религиозного компонента в произведениях отечественных писателей (православный календарь, ономастика и так далее).

Заявленная в названии конференции тема рассматривалась на обширном и разнообразном материале. С литературой XVIII века были связаны доклады Е. В. Глариановой (Петроза-

водск) «Христианские реминисценции в творчестве Кантемира», Л. А. Сапченко (Ульяновск) «Исповедальный жанр в русской литературе (Фонвизин, Карамзин, Толстой)». В целом ряде выступлений анализировалась религиозно-философская проблематика и поэтика произведений первой половины XIX века. В качестве примера можно назвать доклады И. В. Козлова (Екатеринбург) о стихотворном переложении молитвы «Отче наш» у Ф. Н. Глинки, Е. В. Еремушкиной (Петрозаводск) о природе женских образов в трагедиях В. А. Озерова, иерея Евгения Сидорина (Кемерово) о религиозном контексте сонетов В. К. Кюхельбекера, Е. С. Куйкиной (Петрозаводск) о повести В. А. Жуковского «Выбор креста», С. Л. Барбашова (Орел) о выражении православно-крестной проблематики в творчестве А. С. Пушкина и митрополита Платона (Левшина) и др.

В докладах по литературе второй половины XIX века наибольшее внимание было уделено творчеству Достоевского и Лескова. Изображению человека у Достоевского в свете христианской антропологии посвятили свои выступления О. А. Богданова (Москва) и Т. А. Кошемчук (Санкт-Петербург). Концепт «живая жизнь» в произведениях этого писателя стал предметом рассмотрения в докладах М. А. Кустовской (Симферополь, Украина) и А. Е. Кунильского (Петрозаводск). Из произведений Достоевского внимание исследователей на нынешней конференции привлекли романы «Преступление и наказание» (С. С. Серопян из Шуи интерпретировал его как литургическую эпопею), «Подросток» (Е. А. Гаричева, Великий Новгород; Н. А. Тарасова, Петрозаводск), а также «Дневник писателя» (Д. Е. Расовская, Симферополь).

Анализу наследия Лескова в заявленном в названии конференции аспекте были посвящены заседания специальной секции. Г. Л. Черюкина (Ростов-на-Дону) сравнивала литературные версии притчи о блудном сыне в романах Н. С. Лескова «Некуда» и И. А. Гончарова «Обрыв». Пометы писателя в издании Нового Завета 1864 года стали предметом рассмотрения в докладе И. Н. Минеевой (Петрозаводск). И. В. Столярова (Санкт-Петербург) говорила о проблеме

сближения христианских и социалистических идей в публицистике и художественном творчестве Лескова, А. А. Новикова – о художественном богопознании, Н. Н. Старыгина (Йошкар-Ола) – об изображении человека верующего в произведениях писателя.

Богатым был материал, привлеченный в докладах по XX веку: от русской православной культуры в Финляндии (В. А. Шеншина, Хельсинки) до использования христианских и антихристианских традиций в русской фантастической литературе конца XX – начала XXI века (Е. М. Неёлов, Петрозаводск). Но все же большинство выступлений здесь оказались связанными с произведениями писателей первой половины столетия: Брюсова (Н. А. Мещерякова, Петрозаводск), Мережковского (Н. Андрич, Подгорица, Черногория; А. В. Дехтяренко, Петрозаводск), Андрея Белого (Н. Г. Колихалова, Петрозаводск), Блока (В. Н. Сузи, Петрозаводск), Ремизова (Ю. В. Розанов, Вологда), Клюева (Е. И. Маркова, Петрозаводск), Пильняка (А. Лобский, Ювяскюля, Финляндия), Шмелева (Н. И. Соболев, Петрозаводск), Андрея Платонова (И. А. Спиридонова, О. С. Михайлоченко, Петрозаводск) и т. д.

Следует также отметить доклады проблемного и обобщающего плана, которые вызвали интерес у слушателей: «Паломническая традиция в русской культуре и современные проблемы ее изучения» И. В. Моклецов (Москва), «Ф. И. Буслаев о христианском периоде в литературном развитии» Т. В. Федосеевой (Рязань), «„Двоеверие“ советской эпохи в производственной прозе 1920–1930-х годов» Е. Е. Машковой (Симферополь).

Шестая международная конференция «Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков» стала очередным этапом в разработке новой концепции русской литературы, которая учитывает национальные и духовные особенности эволюции русской словесности.

*А. Е. Кунильский,
доктор филологических наук,
декан филологического факультета
ПетрГУ*

7 сентября 2008 года исполнилось 80 лет доценту кафедры русской литературы Петрозаводского государственного университета *Нине Андреевне Соколовой*.

НИНА АНДРЕЕВНА СОКОЛОВА **К 80-летию со дня рождения**

Вся жизнь Н. А. Соколовой связана с Карелией. В 1946–1951 годах она учится в Петрозаводском государственном университете на историко-филологическом факультете, затем в аспирантуре в Ленинградском государственном университете (1951–1954). Защитив кандидатскую диссертацию «Проза В. Катаева 30-х годов», она возвращается в Петрозаводск, в родной университет преподавать советскую литературу. Читает курс «История советской литературы», спецкурсы «Творчество М. Горького» и «Современная советская поэзия», ведет спецсеминар «Творчество М. Горького и литература 30-х годов», позднее обращается к литературе XVIII века, одному из сложнейших филологических курсов.

Научные интересы Нины Андреевны связаны с историей русской литературы XX века. Наиболее объемные работы посвящены В. Катаеву («Повесть В. Катаева "Белеет парус одинокий"», «Повесть В. Катаева "Я, сын трудового народа..."») и его современникам И. Бабелю, А. Толстому и др. Они были опубликованы в 1955–1960-е годы в «Ученых записках ПГУ». Постепенно научные интересы автора менялись. На первый план выступила поэзия. Это вполне закономерно: Н. А. Соколова не просто феноменально начитанный филолог, как это не покажется тавтологичным, но и удивительный знаток советской поэзии. Ее статьи о В. Луговском, А. Маркове, В. Маяковском и др. – и сегодняшнему читателю могут многое открыть о времени и литературе. Однако главным героем ее статей о поэзии является замечательный поэт Леонид Мартынов. Его творчеству посвящен, можно сказать, цикл научных работ. Опубликованные в «Севере», в «Филологических науках», в «Аспекте» – сборнике статей Ассоциации преподавателей русского языка в Финляндии (г. Хельсинки), в сборнике «Жанр и композиция литературного произведения» в 1970–80-е годы, они и сегодня представляют для читателей немалый интерес.

В 1979–1981 годах Н. А. Соколова работала в Хельсинкском университете. Как эрудированного и высококвалифицированного специалиста ректор Нильс Окер-Блум наградил ее Медалью Хельсинкского университета.

Поздравляем Нину Андреевну с юбилеем, желаем ей крепкого здоровья и долгих лет жизни!

4 октября 2008 года исполнилось 70 лет профессору кафедры германской филологии Петрозаводского государственного университета *Льву Ивановичу Мальчукову*.

ЛЕВ ИВАНОВИЧ МАЛЬЧУКОВ **К 70-летию со дня рождения**

Лев Иванович Мальчуков родился в г. Апшеронске Краснодарского края.

Работу в ПетрГУ начал на кафедре иностранных языков в 1962 году по окончании Ленинградского университета, а через год был приглашен на кафедру русской и зарубежной литературы. Педагогической специализацией Л. И. Мальчукова стали курсы по истории зарубежной литературы – сначала эпохи Средних веков и Возрождения, а затем – XVIII–XX столетий. В 1992 году он организовал в ПетрГУ кафедру германской филологии и руководил ею до 1999 года.

Обе свои диссертации Л. И. Мальчуков защитил в Ленинградском (Санкт-Петербургском) университете: в 1971 году – кандидатскую («Реализм и “магический реализм” в западно-германской литературе 1945–1949 годов»), в 1995 году – докторскую («Становление диалогизма как принципа поэтики Генриха и Томаса Маннов. 1890–1910 гг.»). Научные интересы Л. И. Мальчукова связаны с изучением процессов в культуре Германии переломных эпох (романтизм конца XVIII – начала XIX века, «смешение стилей» на рубеже XIX–XX веков), а также «парных» и типологически релевантных явлений в искусстве. По этой проблематике Л. И. Мальчуковым было опубликовано в отечественных и зарубежных издательствах научных работ общим объемом около 50 печатных листов.

Л. И. Мальчуков всегда активно участвовал в культурной жизни Карелии и России, живо реагировал на появление новых книг, фильмов, спектаклей. Он – автор нескольких десятков интереснейших статей и рецензий, напечатанных в республиканских газетах и журналах. В 1989 году ему было присвоено звание «Заслуженный работник культуры Карельской АССР».

Юбиляр полон сил и желания работать. В октябре он приглашен на съезд германистов России.

Поздравляем Льва Ивановича с юбилеем и желаем ему крепкого здоровья, счастья, энергии для достижения всех творческих замыслов!

ЕДИНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Публикации в журнале подлежат статьи, ранее не печатавшиеся в других изданиях.

Статья предоставляется в распечатанном виде на бумаге формата А4 (в двух экземплярах) и в электронном виде, на носителе или вложением в электронное письмо на адрес редакции журнала. Печатная версия статьи подписывается всеми авторами.

Статья набирается в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .doc. Объем оригинальной и обзорной статьи не должен превышать 1 печатный лист, кратких сообщений – 5–6 страниц, отчетов о конференциях и рецензий на книги – 3-х страниц. Поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое и левое – 3 см. Абзацный отступ – 0,5 см. Шрифт: Times New Roman, размер – 14 пунктов, аннотация, список литературы – 12 пт, межстрочный интервал – полуторный. Нумерация страниц – справа внизу страницы.

Статья должна состоять из следующих элементов: названию статьи должен предшествовать индекс универсальной десятичной классификации (УДК) в левом верхнем углу. Далее через 1 интервал – название статьи жирным шрифтом заглавными буквами, название должно быть по возможности кратким, точно отражающим содержание статьи. Точка в конце названия статьи не ставится. Сведения об авторе (имя, отчество, фамилия автора(-ов) полностью; ученая степень и звание; место работы: вуз, факультет, кафедра; должность; электронный адрес и контактные телефоны). Аннотация (объемом не более 6 строк) на русском и английском языках, перед ней – название статьи и фамилия (-ии) автора (-ов) также на 2 языках; ключевые слова от 3 до 8 слов (или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) также на двух языках. Все перечисленные элементы статьи отделяются друг от друга пустой строкой и печатаются без абзацного отступа через 1 интервал.

Основной материал статьи и цитат, приводимых в статье, должен быть тщательно выверен автором. Сокращения слов не допускаются, кроме общепринятых сокращений химических и математических величин и терминов. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

Список литературы, примечания, комментарии и пояснения по тексту статьи даются в виде концевых сносок. Список литературы должен быть напечатан через одинарный интервал, на отдельном листе. Цитируемая в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания и страницы (от и до или количество)) приводится

в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи (сначала отечественные, затем зарубежные. Фамилии иностранных авторов приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи ссылка на источник делается путем указания в квадратных скобках порядкового номера цитируемой книги или статьи, через точку с запятой – цитируемых страниц, если это необходимо. В книгах иностранных авторов, изданных на русском языке, после заглавия книги через двоеточие указывают, с какого языка сделан перевод. Выходные данные по статьям из журналов и сборников указывают в следующем порядке: фамилия (-ии) автора (-ов) с инициалами, название статьи, через две косые черты – название журнала (год, том, номер, страницы (от и до) или сборника (место издания, год, страницы (от и до))). По авторефератам – фамилия, инициалы, полное название автореферата, после которого ставят двоеточие и указывают, на соискание какой степени и в какой области науки защищена диссертация, место издания, год, страницы.

Таблицы – каждая печатается на отдельной странице, нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте и снабжается заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word (формат .doc). В тексте следует указать место таблицы и ее порядковый номер.

Иллюстрации (рисунки, фотографии, схемы, диаграммы) нумеруются, снабжаются подписями и представляются в виде отдельных растровых файлов (в формате .tif, .jpeg), а в тексте рукописи указывается место, где они должны быть размещены. Для оригиналов (бумажная версия) на обороте каждой иллюстрации ставится номер рисунка, фамилия автора и пометка «верх», «низ». Каждый рисунок (их не должно быть более 5–6) должен иметь название и объяснение всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под ним. В тексте статьи должна быть ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 1).

Статьи, поступившие в редакцию, обязательно рецензируются. Если у рецензентов возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений в текст, не искажающих смысла статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.

CONTENTS

STATE AND LAW

Chernov S. N.

LEGAL METHODS TO BATTLE CORRUPTION IN RUSSIAN FEDERATION

Summary: Widespread corruption among the high-ranked officials in executive, judicial and legislative bodies may severely distract democracy, rule of law and social and economic development in a state. Corruption among government officials may also serve as a threat to potential foreign investments, sustainable development and undermine the base of legal and judicial systems.

Key words: Fight with corruption, corruption, corruptibility, factors of corruptibility, signs of corruption, corruptibility of draft legislation7

HISTORY

Takala I. R.

NORTH AMERICAN FINNS AS VIEWED BY THE POPULATION OF SOVIET KARELIA IN THE 1930s

Summary: This paper addresses research issues related to the specific character of migration policy of the Karelian government during the first decades of Soviet Karelian autonomy. It also analyses the perception of Finnish immigrants from Canada and the United States by the local population during the first half of 1930s.

Key words: Finnish immigration, North American Finns, Soviet Karelia, cross-cultural communication, Karelian Fever15

Lindström V.

“HEAVEN OR HELL ON EARTH?” SOVIET KARELIA’S PROPAGANDA WAR OF 1934–1935 IN THE FINNISH CANADIAN PRESS

Summary: This paper analyzes three contemporary attempts to explain the changing conditions and government policies in Soviet Karelia to Finnish Canadians in 1933–1935. It examines the increasing fear of «Finnish bourgeois nationalism» in Soviet Karelia and the opposite visions presented in V. Suomela’s *Kuusi Kuukautta Karjalassa: mitä siirtolainen näki ja koki Neuvosto-Karjalassa* (Vapaa Sana, 1934); Gus Sundqvist’s *Sosialismin voittokulku Karjalassa* (Vapaus 1935) and a pamphlet signed by 1483 immigrant workers in Soviet Karelia.

Key words: Soviet Karelia, Canadian Finns, Finnish immigration, Finnish Organization of Canada, Karelian Fever24

Kivisto P., M. Roinila M.

REACTION TO DEPARTURE: THE FINNISH AMERICAN COMMUNITY RESPONDS TO “KARELIAN FEVER”

Summary: This paper examines the reaction of the Finnish immigrant community in the United States to the migration of thousands of North American Finns to Soviet Karelia. In particular, it focuses on the conflict that emerged among the Finnish left-wing radicals throughout the 1920s and finally resulted in a political split revealed in competing assessments of the Soviet Union. The most significant conflict occurred between those who saw the Soviet Union as a beacon and model for Communist development and those who came to view the system as increasingly authoritarian and operating dubious economic policies.

Key words: Finnish diaspora, Karelian Fever, labour recruitment, Finnish American newspapers, Finnish American Communism, American Left Radicalism33

Efremkin E.

“KARELIAN PROJECT” OR “KARELIAN FEVER”?

Summary: The Karelian exodus was a “project” initiated by the Soviet and Karelian leaders, as much as it was a “fever”, generated by the enthusiast Canadian Finns who wished to migrate to the *workers’ paradise*. This paper argues that the parties involved in the Karelian project in one way or another pursued their own interests and exploited the project for their own goals, driven by ideology, nationalism, culturalism or financial considerations. Equally, large numbers of Canadian Finns saw the Karelian project as an opportunity to reach their aims, whenever they were material, ideological or cultural.

Key words: Canadian Finns, Karelian Fever, Soviet Karelia, Labour Immigration, American Socialism42

Saramo S.

PIECING TOGETHER IMMIGRANT LIVES: AN ANALYSIS OF LETTERS WRITTEN BY FINNISH NORTH AMERICANS IN KARELIA

Summary: This paper deals with three collections of private letters written by Finnish North Americans living in Soviet Karelia to examine the flow of personal goods from North America, Finnish youth culture that was developing in Karelia, how letter writers sought to develop ties to North America to ensure a sense of ‘personal continuity’, and finally how the trauma of purges and war worked to establish a new sense of identity and belonging.

Key words: Youth culture, immigrant culture, immigrant identities, Finnish Community, Soviet Karelia, Karelian Fever52

PEDAGOGY

Fedorov A. M., Fedorova E. N.

VALUE-AND-MEANINGS APPROACH IN TEACHERS’ PROFESSIONAL EDUCATION

Summary: The article actualizes the role of values-and-meanings approach in the process of teachers’ professional education. The main functions of interactive teaching and learning are analyzed. The article focuses on the fact that practical implementation of such methods as case-study, portfolio, focus-group have proved the effect of interactive teaching and learning and its influence on the development of values and meanings of future teachers.

Key words: Culture, values, meanings, values-and-meanings approach, teachers’ professional education60

Sokolova E. I.

COMPUTER ASSISTED LANGUAGE LEARNING AS A TOOL FOR OPTIMIZATION PROCESS IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Summary: The article deals with the computer assisted language learning. The issues of different approaches for the development of computer supporting language learning, dialectical links between pedagogical practice and theory are analyzed. Creating of computer supporting language programs are presented as multi-level system. On the basis of the pedagogical experiment held by the author the conclusion of the effectiveness of computer assisted language learning as a tool for optimization of the educational process is drawn.

Key words: Computer assisted language learning, pedagogical theory, pedagogical practice, behaviorist, cognitive, optimization64

Dobrynina O. L.

BUILDING UP ECOLOGICAL COMMUNICATIVE COMPETENCE VIA FOREIGN LANGUAGES TEACHING TO THE UNIVERSITY STUDENTS (the results of the pedagogical experiment)

Summary: Presented results of experimental work aimed at developing students’ ecological and communicative competence in the course of foreign languages studying demonstrate that the competence components develop at different rates while the whole competence development depends on the durability of the course.

Key words: Ecological and communicative competence, foreign languages, education for sustainable development, axiological, cognitive, social and reflexive components69

PHILOLOGY

Vinogradova E. M.

SENTENTIAL STRUCTURES OF STATEMENT AS A MEANS OF CONCEPTUALIZATION OF INFORMATION

Summary: The article deals with the connection of the sentential units of fictional text with the substance of the author’s individual conceptualization of the world. By the example of «blood» concept in *The lost eye*, a short novel by M. A. Bulgakov, we present the method of revelation of sentential contents by analyzing the system of propositions organized around the key word of the concept.

Key words: The concept, the key word, sentential analysis, fictional text74

Yablokov E. A.

RAT-MAN CONFESSION (the evolution of the character in *Ratcatcher*, a short novel by Alexander Grin)

Summary: As it is shown in the article the essence of Grin's story is the depiction of the inner psychological collisions of the plotter so that the fight between the light and the dark goes mainly in his own soul. Accordingly the heading is first and foremost perceived as a testimonial of the main character whose personality undergoes cardinal changes.

Key words: Initiation, the unconscious, the image of the plotter, "text in the text", literary and folklore reminiscences80

Mekhralieva G. A.

FAIRY-TALES BY L. PETRUSHEVSKAYA AND CHILDREN'S HORROR STORIES

Summary: The article is devoted to examining the influence of children's horror story ("strashilka") on the fairy-world of Lyudmila Petrushevskaya, the transformation of motives and images of children's horror stories in Petrushevskaya's literary fairy-tale.

Key words: Fairy-tale, Petrushevskaya, children's horror stories87

ECONOMICS

Levkin N. V.

ORGANIZATIONAL-CULTURAL RELATIONS AND THEIR ROLE IN THE DEVELOPMENT OF ECONOMIC SYSTEMS

Summary: The author considers the model of organizational culture which includes following levels: culture of work, culture of manufacture and corporation culture.

Key words: Organizational-cultural relations, the model of organizational culture, culture of work, culture of manufacture, corporation culture91

REVIEWS

Kolosova E. M.

Review of the book *School and Childhood in a Karelian Village at the end of XIX – beginning of XX centuries* written by O. Ilyukha 100

Tarlanov Z. K.

Review of the books *The most Significant Concepts of Modern Russian Philology* written by Yu. Burmistrovitch and *Dictionary Guide to the Syntaxes of Modern Russian Language* written by A. Lomov 103

SCIENTIFIC INFORMATION	106
JUBILATIONS	110
INFO FOR THE AUTHORS	112

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ: инструмент для оценки научной деятельности и механизм продвижения научных журналов

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА «УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА» !

Во всем мире одним из ключевых показателей для оценки работы отдельных исследователей и научных коллективов, влияния на развитие науки, определения качества исследований служит индекс цитирования авторов и импакт-фактор журнала (как средний показатель цитируемости его авторов). Величина индекса цитирования определяется количеством ссылок на публикацию автора в других источниках. Для корректного определения значимости научных трудов важно не только количество ссылок, но и качество самих ссылок. На статью может ссылаться авторитетное издание или популярный иллюстрированный еженедельник. Значимость таких ссылок разная. Для решения проблемы определения значимости периодического издания разработан свой индекс цитирования – импакт-фактор. В индексе цитирования заинтересованы все те, кто имеет отношение к науке и образованию: 1) Ученые с помощью индекса цитирования отслеживают текущую актуальную библиографию работ по своей тематике. 2) Чиновники, учитывая индексы цитирования, принимают решение о выделении финансовой поддержки для исследовательской деятельности отдельного ученого или научного коллектива. 3) Администраторы университетов и институтов на основании показателей цитирования и объема опубликованных работ определяют размеры финансового вознаграждения своих сотрудников. 4) Издатели научной литературы, используя импакт-факторы журналов, оценивают качество изданий, их авторитет и востребованность как научного продукта.

Федеральное агентство по науке и инновациям Министерства образования и науки РФ и Научная электронная библиотека занимаются реализацией проекта «Разработка системы статистического анализа российской науки на основе данных российского индекса научного цитирования (РИНЦ)». РИНЦ – это специализированная база данных по российским научным периодическим изданиям, создаваемая на основе индексирования библиографических описаний статей, аннотаций или рефератов, а также пристатейных ссылок цитируемой литературы. База оснащена мощной поисковой системой, способной реализовать поисковые запросы различной сложности. Благодаря этому продукту можно получать точные данные по индексу цитирования авторов и импакт-факторам журналов.

**ЖУРНАЛ «УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРГУ» ВКЛЮЧЕН
В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
(РИНЦ) В ИЮЛЕ 2008 ГОДА.**